

ОТ ПРИЗНАННОЙ КОРОЛЕВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА,
АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»!

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ

ДНЕВНИКИ
КЛЕОПАТРЫ

КНИГА 2

ЦАРИЦА ПОВЕРЖЕННАЯ

The Big Book

Маргарет Джордж
Царица поверженная

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Джордж М.

Царица поверженная / М. Джордж — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24442-9

Редкое обаяние сочеталось в ней с властностью, ораторское искусство – с волшебным голосом; она была прекрасно образованна и свободно говорила на многих языках. Жизнь Клеопатры, блистательной царицы Нила, рассказанная от первого лица, разворачивается на страницах дилогии Маргарет Джордж «Дневники Клеопатры» во всех подробностях – трагических и счастливых. В книге второй «Царица поверженная» героиня предстает человеком большой силы духа, умеющим с достоинством принимать неизбежное. После гибели Цезаря от рук заговорщиков Клеопатра возвращается в Александрию. Горе не сломило ее, и теперь она во что бы то ни стало желает создать мощную империю, способную противостоять ненасытному Риму. На встречу с римским полководцем Марком Антонием царица приплывает на богато украшенном корабле с пурпурными парусами. Она хочет поразить римлянина в самое сердце, и это ей удастся. Клеопатра обретает не только нового возлюбленного, но и сильного союзника. Но ничто не длится вечно...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-24442-9

© Джордж М., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Четвертый свиток	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	60
Глава 8	70
Глава 9	82
Глава 10	89
Пятый свиток	95
Глава 11	95
Глава 12	111
Глава 13	119
Глава 14	128
Глава 15	134
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Маргарет Джордж

Дневники Клеопатры. Книга

2. Царица поверженная

*Клеопатре, царице, богине, ученой, воительнице
(69–30 гг. до н. э.)*

Элисон, моей Клеопатре Селене

Полу, соединившему в себе Цезаря, Антония и особенно Олимпия

Margaret George
THE MEMOIRS OF CLEOPATRA. VOL. 2
Copyright © 1997 by Margaret George
All rights reserved

thebigbook

Перевод с английского Виталия Волковского

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина
Карта выполнена Юлией Каташинской

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

Четвертый свиток

Глава 1

В тесной каюте корабля, прокладывавшего свой путь по высоким волнам моря, я мучительно рождалась заново. Я ослабела, меня мутило, я лежала на койке, которая брыкалась и подпрыгивала, не давая покоя ни днем ни ночью. Но все это меня не волновало; хуже, чем мне было тогда, человеку быть не может, вне зависимости от обстоятельств и окружения. Я чувствовала себя так, словно мне предстоит вечно лежать на вонючей койке в темноте. Я была мертва – мертва, как Цезарь.

Тесная каюта, отсутствие света, запах и плеск воды – все казалось ужасным повторением того пути к Цезарю, который я проделала, завернутая в ковер, четыре года назад. Целую жизнь тому назад. Сейчас меня увозили от него, и я знала, что никакие земные пути уже не сведут нас. Тогда мое сердце бешено колотилось от рискованной игры, теперь же, перенеся чудовищный удар, оно еле билось. Шли дни, а я оставалась пленницей этой сырой раскачивающейся каюты; у меня возникало странное ощущение, будто время потекло вспять и я возвращаюсь в темноту влажного материнского чрева, в забвение, в ничто.

Я не ела. Я не просыпалась – или, может быть, не спала. И не думала. Мыслей у меня не было, но я видела сны – неотступные, непрестанно кружившие вокруг меня. Мне снился Цезарь; я видела его то живым и полным сил, то на погребальных дрогах, пожираемого пламенем. Когда я начинала метаться, кричать или бормотать в бреду, Хармиона всегда оказывалась рядом со мной, брала за руки, успокаивала. Я поворачивалась, опять закрывала глаза, и демоны сна забирали меня обратно.

Мне удалось продержаться в Риме до отплытия, и те дни походили на кошмар больше, чем страшные сны, донимавшие по ночам. Но воспоминаний у меня почти не осталось: все, что происходило после похорон, воспринималось смутно. Я покинула Рим, вот и все. Уехала, как только смогла, хотя и не сбежала прямо с форума на готовый к отплытию корабль. И, лишь оказавшись в безопасности на борту и увидев, как побережье Италии исчезает вдали, я вошла в каюту, легла и умерла.

Хармиона делила со мной ужасную каюту, день за днем сидела рядом, читала мне, пыталась отвлечь от всепоглощающего мира сновидений. Она заказывала поварам подкрепляющие блюда – похлебку из свежельвленной рыбы, вареный горох и чечевицу, медовые лепешки, – но вид и запах еды вызывал лишь тошноту, из-за чего я чувствовала себя еще хуже.

– Ты исхудала, как мумия, – укоряла меня Хармиона, обхватив мое запястье кольцом своих пальцев. – Разве это царская рука? Будь на ней браслет кандаке, тебе не хватило бы сил поднять ее.

Она пыталась шутить:

– Слышала, что твой предок Птолемей Восьмой был не в меру тучным. Ты хочешь испить это, превратившись в скелет?

Она взывала к моей гордости:

– А если бы Цезарь увидел тебя сейчас?

Но все было бесполезно. Порой мне чудилось, что Цезарь поблизости, что он наблюдает за мной, понимает мое состояние и сочувствует – ведь он сам страдал падучей. В другие моменты мне казалось, что он исчез без следа, оставив меня в этом мире без защиты и в полном одиночестве, словно я никогда не была ему близка. Тогда я думала: не имеет никакого значения, как я выгляжу. Его нет, он больше никогда меня не увидит.

Дни, однако, шли, и, поскольку я все же не умерла, а жизнь – если то была жизнь – в конечном счете берет свое, я постепенно родилась снова, появилась на свет из поглотившей меня невесомой, лишенной времени тьмы. Когда я снова вышла на палубу, мне показалось, что слишком яркий свет режет глаза, слишком сильный ветер обжигает кожу, а чрезмерная синева моря и неба невыносима для взора. Чтобы смотреть в сторону горизонта, где эти ослепительно-синие пространства сходились вместе, мне приходилось прищуриваться. Больше ничего видно не было: ни суши, ни облаков.

– Где мы? – спросила я Хармиону в тот первый день, когда она вывела меня на палубу.

Голос мой дрожал и звучал едва слышно.

– Посередине моря – на полпути к дому.

– А, да.

По дороге в Рим я живо следила за маршрутом и желала, чтобы ветры наполняли паруса и подгоняли нас как можно быстрее. Теперь я не имела ни малейшего представления о том, сколько времени мы находимся в море и когда прибудем на место. Это меня не волновало.

– Мы отплыли из Рима почти тридцать дней тому назад, – сказала Хармиона, пытаясь разжечь во мне хоть какой-то интерес или, по крайней мере, вернуть мне осознание времени.

Тридцать дней. Значит, Цезарь мертв уже почти тридцать пять дней. Сейчас любая дата для меня соотносилась только со смертью Цезаря. До того или после и насколько раньше или позже.

– Сейчас уже начало мая, – мягко сказала Хармиона, стараясь вразумить меня.

Май. В это время в прошлом году Цезаря не было в Риме. Как раз в мае он выдержал свою последнюю, как выяснилось, битву, при Мунде в Испании. Оставался почти год до того дня, когда он пал под ударами убийц. Год назад я ждала его в Риме.

Но ждать его возвращения пришлось долго. Вместо Рима он отправился в свое поместье в Лавик и там написал завещание – документ, в котором он назвал своим наследником Октавиана, а нашего сына Цезариона не упомянул вообще.

Это воспоминание пробудило во мне росток некоего чувства, пробивавшегося на поверхность сознания, как головка папоротника. Росток был бледен и слаб, но он жил и рос.

Точнее, стоило говорить не о чувстве, а о сложной смеси различных чувств: печаль, сожаление, гнев. Он вполне мог бы официально назвать Цезариона своим сыном, даже если по римскому закону сын от иностранки не имел права стать наследником. Требовалось только имя Цезаря – отцовское признание, а не собственность. Теперь же и навсегда враги получили основание утверждать, что Цезарион не сын Цезаря – ведь, в конце концов, диктатор не упомянул его в своем завещании! Люди, видевшие своими глазами, как он поднял Цезариона над толпой в знак признания отцовства, все забудут, постареют и умрут, а завещание, как исторический документ, останется и никогда не потеряет силы.

«О Цезарь! – мысленно воскликнула я. – Почему ты покинул нас с сыном еще прежде того, как покинул сей мир?»

Я вспомнила свою радость после его возвращения, когда я не знала, чем он занят у себя в поместье. О да, он разумно и логично объяснил, почему Цезарион не может стать его законным наследником. Однако несколько слов в завещании – всего несколько слов! – не стоили бы Цезарю ничего, а нам их отсутствие обойдется очень дорого.

Слабая и дрожащая, я вернулась в каюту. На сегодня дневного света мне хватило с избытком.

Сознание восстановилось и ожило гораздо раньше, чем мое бедное тело. Разум не желал возвращаться в затягивающий мир ночных кошмаров, а потому постепенно начал проявлять интерес к действительности. Я стала размышлять и о том, как обернулись дела в Риме после

моего отплытия и как отреагировали на случившееся в Александрии. Что вообще известно в Египте? Может быть, там и не знают о мартовских идах?

Когда я покинула Италию, сухопутные курьеры еще спешили в Аполлонию к Октавиану, чтобы оповестить того о неожиданном изменении обстоятельств. Как он поступит, можно было только гадать. Октавиан занимался тем, что совершенствовал свои познания; должности Цезаря по наследству не передавались, а имущественными вопросами занимались законники. По большому счету возвращаться сейчас в Рим для него не имело смысла: места, достойного наследника Цезаря, там не было. Для кресла в сенате он слишком молод, а полное отсутствие какого-либо военного опыта не позволяло ему рассчитывать на командную должность в армии. Бедный Октавиан, подумала я. Его политическое будущее представлялось мне унылым.

И Антоний – что произошло с Антонием? Он надеялся в какой-то мере заменить Цезаря, взять на себя управление государством, стабилизировать ситуацию, а потом согнать убийц с их насеста и осуществить месть. Но что произошло на самом деле?

«А какая тебе разница?» – спросила я себя.

С Римом покончено. Он умер со смертью Цезаря. Будь Цезарион упомянут в завещании, связь с Римом сохранилась бы. Но этого не случилось, и она разорвана. Нет больше сената, нет больше Цицерона, нет больше форума, нет больше Антония, нет больше Октавиана. Все в прошлом.

От такой мысли мне немного полегчало. Я не хотела, чтобы моя нога когда-либо снова ступила на землю этого города. Города, который Цезарь так любил; города, который предал его и убил.

Но телесно я оставалась слабой и изможденной, физические силы не возвращались. Отвращение к еде, летаргия и крайняя усталость не выпускали меня из своей крепкой хватки.

Капитан и слуги поставили на палубе удобное складное ложе в надежде на то, что свежий морской воздух даст мне силы. Теперь, как настоящий инвалид, я проводила время на воздухе, обложенная подушками и укрытая от солнца гигантским балдахином, апатично наблюдая за танцем волн и поеживаясь, когда до ложа долетали случайные брызги.

– Сейчас мы проходим между Критом и Киреной, – сказал мне капитан. – Половина пути осталась позади.

Кирена. Там разводят розы и быстрых коней. Цезарь любил и то и другое.

В ту ночь, когда я приготовилась улечься на опостылевшую койку, Хармиона открыла крохотное окошко, чтобы впустить немного воздуха, и закутала меня в одеяла.

– Я устала от этой болезни, в чем бы она ни заключалась, – сказала я, глубоко вздохнув.

Она по-прежнему приносила мне еду, возбуждающую аппетит, и я ощущала себя все более виноватой из-за того, что день за днем отказывалась подкреплять силы. Худоба моя производила тягостное впечатление: в зеркало смотрело незнакомое скуластое лицо с почти прозрачной кожей нездорового розового оттенка.

– В чем бы она ни заключалась? – повторила Хармиона. – Я думаю, мы обе хорошо знаем, в чем тут дело, госпожа.

Я молча воззрилась на нее. Что она имела в виду? Может быть, болезнь видят другие, а я о ней не подозреваю? Проказа? Или хуже того, помутнение рассудка, очевидное для всех, кроме жертвы?

– Ты хочешь сказать, что я действительно больна?

Вопрос прозвучал спокойно, но это стоило мне усилий. Лишь сейчас, заподозрив у себя неизлечимую болезнь, я вдруг осознала: несмотря ни на что, я очень хочу жить.

– Да, больна, и весьма распространенной болезнью. Ну ладно, будет тебе. Совсем не смешно, и я не знаю, почему ты все скрывала так долго. Заставляла меня беспокоиться, готовить для тебя особые блюда, – между прочим, это довольно хлопотно.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Пожалуйста, перестань! Зачем ты притворяешься, будто не понимаешь?

– Что?

– Прекрати эту игру! Ты прекрасно знаешь, что ждешь ребенка!

Я изумленно воззрилась на нее. Ничего подобного я услышать не ожидала.

– Почему... с чего ты взяла?

– Потому что это очевидно! У тебя все симптомы беременности. Имей в виду, я твое лицо вижу, а ты нет. Оно у тебя точно такое же, как в первый раз.

У меня вырвался горький смешок. Какая жестокая ирония. Боги посмеялись надо мной. Они посмеялись надо мной и над Цезарем, над нами обоими. Неужели это правда? Да, в один миг я поняла, что Хармиона права, уронила голову и разрыдалась.

Хармиона опустила на колени рядом со мной и погладила меня по голове:

– Прости. Я не хотела тебя расстраивать, но мне и в голову не приходило, что ты не чувствуешь собственного состояния. Ох, я могла бы сообразить: ты пережила такое потрясение, что потеряла представление и о реальности, и о времени. Прости меня!

Я разрыдалась. Как могла из ужасной смерти зародиться новая жизнь? Это казалось неприличным, неестественным.

Если бы... если бы это случилось раньше, пока мы были в Риме, дела пошли бы по-другому. Весь Рим видел бы и знал обо всем. Но теперь он тут ни при чем.

Корабль продолжал резать волны, оставляя белый пенистый след. Паруса наполнились ветром, натягая мачту, словно им не терпелось прибыть к месту назначения. Создавалось впечатление, что чем дальше от прибрежных вод Италии, тем больше прыти у корабля, как будто суровая десница Рима властвовала и над ближними морями, посягая на все, что проплывает мимо.

Теперь я почувствовала, что настроение мое начинает подниматься, подобно пузырькам, всплывающим к свету из темных морских глубин. Я возвращалась к простой, обыденной, повседневной жизни. Пусть меня окружают бесхитростные честные люди, пусть на стол подают безыскусные блюда, пусть с неба глядят знакомые созвездия – звезды, что были моими старыми друзьями и остались на своих привычных местах, там, где их легко найти.

Хармиона не переставала сокрушаться и каяться, балуя меня еще больше прежнего, хотя я и заверяла ее, что ничуть не обижена – глупо обижаться на правду. Столь же глупо с моей стороны столько времени проваляться на койке, подобно выброшенной на берег медузе.

Я старалась вести себя активнее, что давалось мне с большим трудом. Беременность протекала не так, как первая, когда я – бодрая, полная энергии – следила за ходом боевых действий в Александрийской войне, заботилась о том, чтобы предоставить кров и уход участникам сражений, а ночи напролет предавалась любовным утехам с Цезарем. В те беспокойные дни, полные событий, я почти не замечала своего положения.

Война... Благодаря той войне Александрия осталась моей, и сейчас мне было куда вернуться. Но она досталась дорогой ценой, и я не должна допустить, чтобы такая цена была уплачена зря.

Однажды, стоя рядом со мной на палубе в безлунную ночь, капитан сообщил, что на следующий день мы будем дома. Вокруг нас шумели волны, но их скрывала тьма, сияли лишь звезды. Не видела я и маяка.

– Мы еще слишком далеко в открытом море, – сказал капитан. – На самом деле огонь маяка виден и отсюда, но с такого расстояния он кажется одной из звезд. Ближе к рассвету ты узнаешь его.

– Это было хорошее путешествие, – сказала я. – Я должна поблагодарить тебя за то, что ты благополучно доставил нас через море.

– Благодарить еще рано: плавание в открытом море, конечно, сопряжено с трудностями, но в прибрежных водах Александрии с их рифами, мелями и островками опасностей не меньше. Особенно непросто провести корабль узким каналом между Фаросом и молом, когда преобладают сильные северные ветра. Там мало пространства для маневра.

Воистину море непредсказуемо: смерть подстерегает мореплавателя как вдали от берегов, так и в прибрежной гавани, где до суши рукой подать.

– Я не сомневаюсь в твоём искусстве, – заверила я капитана.

Задолго до рассвета я вышла на палубу, чтобы не пропустить тот момент, когда на сером туманном горизонте появятся очертания Александрии. И это случилось. Сначала город казался призрачным, подернутым дымкой, а маяк с его мигающими огнями возносился к небесам, как храм.

Мой дом! Я вернулась домой! Мой город ждал меня!

По приближении к берегу капитан поднял над кораблем царский флаг, и к восточной дворцовой пристани устремились толпы народу. За время долгого путешествия, лежа в постели, я столько раз воображала себе встречу с моим городом, что она не должна была стать потрясением. Однако вид собравшихся людей показался мне непривычным. Они – во всяком случае, в толпе – отличались от римлян, хотя с первого взгляда я не могла сказать, чем именно. Отсутствием тог? Яркостью и пестротой одежд? Разнообразием цветов кожи и языков, на которых звучали приветствия?

Мы спустились по сходням под восторженные возгласы – не столь оглушительные, как на триумфах Цезаря, но ведь и толпа по сравнению с римской была невелика. Зато эти крики звучали в мою честь, и такого я не слышала вот уже два года.

– Я вернулась в Александрию с радостью! – воскликнула я и воздела руки к небу, благодаря Исиду за благополучное возвращение. – Я вернулась к тебе, мой народ!

Толпа с ликованием выкрикивала мое имя – ласкавшие сердце звуки. В Риме я почти позабыла о них. Возгласы в честь Цезаря звучали иначе.

Ворота распахнулись, приглашая на территорию дворца. Нас ждали изящные белые храмы, павильоны и сады с синими, как сапфиры, цветами, с длинными каналами и высокой ранней травой.

Как я могла так долго обходиться без них? Ведь это истинный рай!

– Ирас! Мардиан! Олимпий!

Все они, самые любимые и преданные мои слуги, стояли на ступеньках дворца. Один за другим они спускались ко мне, преклоняли колени, потом вставали.

– Наконец-то! – сказал Мардиан. – Ты не представляешь, как я мечтал о твоём возвращении.

– Он имеет в виду, что смертельно устал от управления государством, – заметил Олимпий с такой знакомой иронией в голосе. Как я могла так долго без нее обходиться? – Ты посмотри на него. Он сгорбил, как какой-нибудь ученый из Мусейона. Согнулся под тяжким бременем государственных забот.

– Что ж, Мардиан, тебе нужно отправиться в Гимнасион и выпрямить спину, – сказала я. – Нельзя допустить, чтобы эта ноша сломала ее.

Наблюдая за Цезарем, я хорошо усвоила, что управление государством – занятие слишком трудное, непосильное для одного человека. Но мне повезло: в отличие от него у меня имелись сановники, которым можно доверять.

– Ваше величество, – промолвила Ирас, сияя улыбкой. – Это были очень долгие два года.

Она приветствовала меня искренне, но несколько официально, что непривычно контрастировало с манерой Хармионы. Неожиданно я поняла, что благодаря этой поездке в Рим Хармиона теперь будет мне ближе всех: она разделила со мной не только трудное путешествие, но и общие воспоминания.

Позади всех, чуть поодаль, стоял смуглый красавец. Надо же, Эпафродит! Похоже, он все-таки решил, что основные его обязанности связаны с дворцом, а не с портовыми складами.

– Добро пожаловать домой, ваше величество, – сказал он, шагнув вперед.

– Я рада видеть тебя, – сказала я и не покривила душой.

Меня и вправду порадовало, что этот человек, так ценящий свободу, предпочел дела страны своим собственным заботам.

Внутри дворца я почувствовала себя непривычно: в целом здесь все осталось прежним, но накопившиеся мелкие перемены сделали знакомый облик почти чужим. Или я просто отвыкла? Неужели этот коридор всегда был таким темным? А держатели для факелов – они старые?

Не так ли чувствует себя мертвец, вернувшийся в собственный дом после смерти?

Прогуливаясь по этим коридорам, я вновь ощутила себя привидением, своим собственным призраком.

Покои Цезаря... Комната, что была моей, нашей... Почему она изменилась, стала чужой? Стол другой, стена перекрашена, мозаика тоже другая... Дух Клеопатры покинул это место.

«Перестань, – сказала я себе. – Остановись! Не смей больше воображать эту комнату такой, как раньше!»

Я стояла в своей комнате, наполненной голубоватым светом. Свет проникал сквозь невесомые полупрозрачные занавески, шевелившиеся под легким ветерком. Комната была идеально чиста, что возможно лишь в помещении, где никто не живет. Без людей вещи остаются незапятнанными и неповрежденными почти вечно, пока природа не положит конец их существованию посредством землетрясения или пожара – такой же чистый и безупречный конец.

Я покачала головой, отгоняя неуместные мысли. Чтобы избавиться от наваждения, я заговорила с Ирас:

– Дорогая, получила ли ты мое письмо, написанное зимой?

Если она получила, значит корабль с почтой обогнал наш, хотя мы отплыли почти сразу, едва появилась возможность выйти в море.

– Нет, моя госпожа, – ответила Ирас.

– Значит, ты прочтешь его, когда новости устареют. Не правда ли, письмо, прибывающее позже того, кто его написал, – это нечто странное?

– Не столь странное, как письмо от мертвеца.

Цезарь!

– Ты получила послание от... – начала я, но спохватилась.

Какая нелепость! Он не стал бы писать мне в Александрию, когда я находилась рядом с ним в Риме. Неужели я схожу с ума?

– Из царства мертвых? – Я неуклюже закончила фразу, пытаясь обратить все в шутку.

– Нет, моя госпожа, – мягко ответила Ирас, и по ее глазам было видно: она поняла, о чем я подумала. – Наверное, ты хотела бы отдохнуть.

Кровать действительно манила к себе. Ужасные события в Риме, долгое морское путешествие, беременность – все это опустошило и ослабило меня до такой степени, что впору было и впрямь лечь в постель среди дня. Однако я вовсе не собиралась поддаваться слабости.

– Ничего подобного, – бодро заявила я, хотя все тело ныло. – Кто укладывается спать в полдень?

– Всякий, кто в этом нуждается, – убежденно ответила Ирас. – Но, госпожа, что же ты написала мне в письме? В том, которое ты обогнала.

Повторять эту новость раз за разом у меня не хватало сил.

– Я расскажу, но не сейчас, а когда все соберутся меня послушать. Когда узнаю, какие последние новости получали в Александрии.

Остаток дня я посвятила тому, что заново знакомилась с собственным дворцом. Я стояла подолгу у окон верхнего этажа и глядела на поблескивающую гладь гавани, потом пробегала пальцами по мраморным инкрустациям на стенах у себя в кабинете и обводила взглядом полки, заставленные обитыми бронзой шкатулками со старой корреспонденцией, описями дворцового имущества и сводными отчетами о налогах и переписях. Полный государственный архив хранился в другом месте, но эти документы позволяли понять текущее состояние дел моего царства.

Разумеется, сановники старались держать меня в курсе всех событий, насколько это было возможно. Однако, учитывая расстояние между нами и невозможность поддерживать связь круглый год, я отчетливо сознавала: чтобы наверстать упущенное, мне придется зарыться в бумаги на несколько дней. Правда, благодарение богам, урожаи за истекший период были хорошими, и никаких катастроф в Египте не произошло.

Может быть, пока я была с Цезарем, часть его удачи перешла и ко мне?

Собрание я назначила на вечер. Я надеялась, что у меня хватит на это сил, поскольку завтра предстояло рано встать и отправиться в город. День обещал быть очень длинным. Я решила, что купание и смена одежд помогут мне, и с наслаждением погрузилась в свою большую мраморную ванну – после столь долгого перерыва. Нежась в душистой воде, я поглядывала вниз на гавань, где воды было еще больше. Ванна стояла позади ширмы из слоновой кости, между моей спальней и висячим садом на крыше. Хотя дворец возведен как раз над морем, для купания и стирки в нем использовалась чистая дождевая вода. Для моей ванны ее нагревали, а потом слегка охлаждали и добавляли ароматические масла. Воду покрывала тонкая маслянистая пленка, и на поверхности возникала переливчатая рябь. Вкупе с запахами все это было подлинным успокоительным бальзамом. Казалось несообразным, что такой комфорт, такая невинная роскошь существует бок о бок с миром насилия и смерти и при этом может доставлять нам удовольствие. Все-таки по сути своей мы ужасающе примитивные существа.

После купания я облачилась в одежды, которые не брала с собой в Рим, что делало их новыми по ощущению. Я надела остававшиеся дома золотые украшения, не снимая медальона, подаренного мне Цезарем. Ему предстояло познакомиться и подружиться со всеми моими бусами и ожерельями.

Мы встретились в зале, предназначенном для частных трапез, что позволило мне до прихода приглашенных устроиться на ложе, прикрыв ноги подолом своего платья. Угощения не подавали: мне не хотелось привлекать внимание к тому, что я ем, а что нет.

Первым пришел Мардиан – пополневший, в тунике с золотой бахромой. Он улыбнулся, поприветствовал меня и сказал:

– Собрание сразу по прибытии – это по-настоящему деловой подход. Я принес все отчеты...

– О нет, с отчетами повременим, – ответила я. – Я вникну в детали позднее, а сегодня просто поговорим в узком кругу о том, что произошло в Риме и в Египте за то время, пока мы не имели возможности обмениваться сведениями.

В дверях появился Эпафродит, как всегда роскошно одетый. Прежде его мрачную красоту подчеркивал малиновый цвет, теперь же оказалось, что в темно-синем он выглядит не менее великолепно.

Прибыли остальные. Аллиен – командующий четырьмя легионами, охранявшими город (Цезарь недавно добавил еще один), смотритель за сборщиками налогов, главный чиновник по пошлинам, главный казначей, главный жрец Сераписа, инспектор оросительных каналов. И само собой, несколько писцов.

Один за другим вельможи официально приветствовали меня. Они произносили фразы, предписанные этикетом, но по выражению их лиц и по голосам я понимала, что они искренне рады моему возвращению.

– Боги благословили меня, даровав благополучное возвращение, – сказала я. – Однако не меньшее благословение – это вы, приложившие столько трудов и усилий для сохранения и благополучия моего царства.

Я обвела взглядом всех собравшихся и решила, что предисловий хватит. Пора приступить к делу. Начать надо с события, безусловно, важнейшего.

– Вы слышали о том... о том, что произошло в Риме?

– Конечно, – ответил Мардиан. – Весь мир слышал об этом. Я думаю, даже кандаке в далекой Нубии знает о случившемся. Наверняка весть дошла и до Индии. Высочайший кедр мира пал, и его падение потрясло мир.

– Меня... меня там не было, – сказала я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. – Но мне сразу же сообщили обо всем. Именно я распорядилась отнести Цезаря домой и передать в руки жены, Кальпурнии.

Я помолчала. Все взгляды были устремлены ко мне, и было ясно, что лучше самой сказать об этом сразу, чем потом отвечать на вопросы.

– Я присутствовала на похоронах, когда его... сожгли вместе с погребальными дровами. Толпа на церемонии бесновалась и вела себя так, будто собиралась сделать Цезаря богом...

А потом? Я помнила пылающий огонь, дикие крики, темную ночь – но после них ничего, провал, пока я не оказалась на корабле. Но мои люди не должны этого знать, чтобы не усомниться в моих силах и душевном здоровье.

– Что касается дальнейших событий – что вы слышали?

– По нашим сведениям, управление текущими делами взял на себя Антоний, в качестве единственного консула, – ответил Мардиан. – Убийцы очень непопулярны в Риме, власти они не получили и, скорее всего, скоро покинут город ради собственной безопасности.

– А что слышно об Октавиане? – спросила я, не зная, насколько осведомлен Мардиан.

– Молодой Цезарь – Октавиан хочет, чтобы отныне его называли именно так, – немедленно покинул Аполлонию, чтобы заявить о своем вступлении в права наследования. Сейчас он, должно быть, уже прибыл в Рим.

Значит, он все же решил вернуться в это осиное гнездо. Признаться, я удивилась. Я-то полагала, что он будет выжидать и наблюдать с безопасного отдаления за тем, как повернутся дела.

– Молодой Цезарь?

– Ну да, так его теперь зовут – Гай Юлий Цезарь. Гай Юлий Цезарь Октавиан.

Это имя! Оно могло принадлежать лишь одному человеку! Это пародия! Прежде чем я успела сказать что-нибудь, заговорил военачальник Аллиен.

– Легионы приветствовали нового Цезаря, – сказал он. – Не все, конечно, но значительная часть. В этом имени есть особая магия, а солдаты хотят служить под началом своего старого командира. – Он помолчал и почтительно добавил: – Как и все мы.

– Антонию стоит с ним договориться, – сказал Мардиан. – Ему придется поделиться с Октавианом властью, – это очевидно. Но больше мы ничего не знаем.

Да, неожиданный поворот. В Риме продолжались потрясения, а их волны грозили распространиться по миру.

– Мы должны позаботиться о собственной безопасности, – сказала я. – Египет только что был официально провозглашен «другом и союзником римского народа», а это значит, что нам гарантирована независимость и безопасность. Но сейчас в Риме разброд и шатания, а значит, в опасности весь мир.

– Мои легионы останутся там, где приказал Цезарь, – заявил Аллиен. – Они защитят Египет от хищников.

Насколько же дальновиден был Цезарь, когда расквартировал здесь войска! Я была бесконечно благодарна ему.

– Ну что ж, надеюсь, безопасность Александрии мы сумеем обеспечить при любом исходе дел. Но как насчет остальной страны? Может быть, нам следует собрать больше войск, чтобы усилить линию обороны вверх и вниз по Нилу, так же как и с востока на запад вдоль побережья.

– Если мы сможем себе это позволить, – заметил Мардиан.

– Каково нынешнее состояние государственной казны? – спросила я у казначея.

– Все постепенно выправляется. Потребуется годы, чтобы возместить ущерб, нанесенный городу войной и Рабирием. Однако если не будет других экстраординарных расходов, мы выживем, потом заживем хорошо и наконец разбогатеет, – ответил он. – К тому же у Египта всегда была еда, а это уже само по себе богатство. Мы в состоянии прокормить не только себя, но и других, если потребуется.

Я надеялась, что нам не придется кормить кого-либо, кроме нас самих или покупателей нашего зерна, которые будут платить хорошую цену.

– А каково состояние оросительных каналов и водохранилищ? – Вопрос был обращен к чиновнику, ведавшему ирригационными сооружениями.

– Они в приемлемом состоянии, – сообщил он. – В эти два года Нил не преподносил нам сюрпризов – ни засухи, ни наводнений, что позволяло вовремя проводить необходимые ремонтные работы. Правда, в последнее время происходит усиление наносов и, как следствие, засорение каналов. Этим необходимо заняться.

– Тут все взаимосвязано: без полноценного орошения нам не видать хороших урожаев, а без денег, вырученных за урожай, невозможно поддерживать в порядке оросительную систему. Как насчет налогов?

– Ввозные пошлины собраны, как обычно, – сказал главный мытарь.

– Прибыли возросли, – добавил Эпафродит. – Неожиданно возник повальный спрос на оливковое масло. Не знаю уж, что люди с ним делают в таком количестве – ванны, что ли, принимают?

– А какое нам до этого дело, если они платят пятидесятипроцентный налог? – отозвался мытарь.

– И то правда, – подтвердил Мардиан. – Похоже, в наше время вырос спрос на качественный товар. Раньше простой люд довольствовался льняным маслом, теперь же подавай им оливковое. На что тут жаловаться?

– Уж если кто и жалуется, то не я, – хмыкнул сборщик податей.

– Большие празднества в честь Сераписа привлекли множество народу, – неожиданно подал голос жрец. До сего момента он молчал, так что я забыла о его присутствии. – И число паломников к Исиде в последние два сезона сильно возросло. Возможно, это некий знак.

– Я думаю, – сказал Эпафродит, – что люди устают от обыденности и обращаются к богам. Мистерии, таинства Исида, Митры – восточные ритуалы находят все новых почитателей.

– Но не иудаизм, – отметил Мардиан. – Ваши законы и правила слишком особенные. Присоединиться к вам чрезвычайно сложно.

– Да, – согласился Эпафродит. – И это сделано намеренно. В отличие от прочих мы не хотим, чтобы наша вера сделалась всеобщей. Не хотим даже, чтобы наших единоверцев стало слишком много. Когда что-то слишком разрастается, усиливается и возвеличивается, оно поневоле меняется и становится не тем, чем было изначально.

– Так произошло с римлянами, – подхватил верховный жрец. – Когда Рим был всего лишь городом, все знали, что его гражданам присущи скромность, строгие принципы и высокие устремления. Но взгляните, какими они стали сейчас, подчинив себе большую часть обитаемого мира!

– Да, и наш Бог предвидел эту опасность, – промолвил Эпафродит. – Он сказал: «Берегись, чтобы ты не забыл Господа, Бога твоего... когда будешь есть и насыщаться, и построишь хорошие дома и будешь жить [в них], и когда будет у тебя много крупного и мелкого скота и будет много серебра и золота, и всего у тебя будет много, – то смотри, чтобы не надмилось сердце твое и не забыл ты Господа, Бога твоего, и чтобы ты не сказал в сердце твоём: моя сила и крепость руки моей приобрели мне богатство сие. Если же ты забудешь Господа, Бога твоего, то свидетельствуюсь вам сегодня, что вы погибнете»¹.

– Неудивительно, что вы не привлекаете много новообращенных, – заключил жрец Сераписа. – *Наш* бог гораздо более реалистичен в плане человеческих слабостей. Не говоря уж об Исиде, чье милосердие беспредельно.

– Мы ожидаем мессию, призванного осуществить волю нашего Бога, – сказал Эпафродит.

– О, все ожидают Спасителя – золотое дитя, – вздохнул Мардиан. – Я как-то составил список этих Спасителей из всех известных мне верований. Кого там только нет. Некоторые, например, верят, будто это женщина, родом с Востока. По моему разумению, дело тут вот в чем: все мы сознаем несовершенство мира и полагаем, что его следует улучшить. Мы понимаем это, но осуществить, увы, не в силах. Тогда мы думаем: «О, если бы явился таинственный Спаситель и помог нам...» – Мардиан пожал своими округлыми плечами, и бахрома его туники качнулась. – Но пока он не явился, нам следует трудиться самим.

– Вы прекрасно потрудились в мое отсутствие, – сказала я. – Каждый из вас заслуживает похвалы. Ни у одного правителя нет сановников лучше.

Мысленно я решила, что все они должны быть вознаграждены по заслугам и удостоены подобающих почестей.

Неожиданно я почувствовала такую усталость, что едва могла держать голову. Но главное я уже выяснила: в Египте все хорошо.

¹ Выборочные цитаты из Втор. 8: 11–19.

Глава 2

На следующее утро, пока свежий воздух гавани вливался в мою комнату и отраженный свет играл на стенах, я пробудилась ото сна, в котором видела себя погружившейся на морское дно: ноги и руки опутывали водоросли, волосы запутались в ветвях кораллов. В первый миг после пробуждения я пробежала рукой по волосам, чтобы освободить их, и очень удивилась, обнаружив, что они в этом не нуждаются. При всей своей странности сон был очень реалистичным.

Потянувшись, я ощутила легкое прикосновение полотняных простыней, более тонких, чем в Риме. Сон подействовал на меня благотворно, и самочувствие мое заметно улучшилось.

Я велела Хармионе и Ирас распаковать дорожные сундуки и послала за Олимпием. Мне требовались советы врача и по поводу моего собственного состояния, и по поводу здоровья Птолемея, которого продолжал мучить кашель. Путешествие брат перенес тяжело; мы оба доставили немало хлопот нашим спутникам. Правда, вчера Птолемей весь день пропадал в садах, но мне казалось, что вид у него по-прежнему больной. Однако причиной тому могла быть усталость, и я очень надеялась услышать от Олимпия именно это.

Но когда Олимпий вошел в мою комнату после утреннего осмотра Птолемея, его улыбка выглядела очень натянутой.

– Наш дорогой... – начал он, и я поняла, что дело плохо.

– Что с ним? – перебила я Олимпия, не желая выслушивать предисловия. – Что с ним неладно?

– Я прослушал его грудь, велел ему прокашляться, посмотрел мокроту. Прощупал позвоночник, суставы, изучил цвет выделений. То, что я увидел, мне не понравилось.

– И что же ты увидел?

– Застой и гниение легких. Чахотка.

И все из-за проклятого Рима! Этот римский холод, морозы, сырость...

– Такое бывает и в других местах, не только в Риме, – сказал Олимпий, как будто прочел мои мысли. – В Египте тоже немало случаев гниения легких.

– Но Рим все усугубил.

– Может быть, и нет. Но теперь Птолемей вернулся домой. Люди приезжают в Египет за исцелением.

– Как ты думаешь, может он выздороветь?

– Я не знаю, – ответил он. – Если бы ты была мне не другом детства, а лишь царицей, я, как придворный лекарь, стал бы заверять тебя в его непременно излечении. Но ты Клеопатра, а я Олимпий, и потому скажу откровенно: опасность велика.

– О боги! – вырвалось у меня. Потерять еще и Птолемея – это слишком тяжело для меня одной. – Понимаю...

– Лекарств от такого недуга не существует, но надежда все-таки есть. Мы позаботимся о том, чтобы он постоянно был в тепле, как можно больше времени проводил на солнце, много отдыхал и дышал свежим воздухом. Подождем, посмотрим на его состояние. Возможно, осенью нам придется отправить его в Верхний Египет, где всегда тепло, солнечно и сухо.

Я понурилась. Птолемей так рвался домой, и легко ли мне будет отослать его снова?

– Значит, быть по сему, – пробормотала я, а когда подняла голову, то увидела, что Олимпий внимательно ко мне присматривается. – В чем дело?

– Ты изменилась, – сказал он не сразу.

– В чем?

– Похудела, – пояснил Олимпий. – Что-то в тебе выгорело. Будь ты из золота, я бы сказал, что металл облагородился, стал чище. Тебе очень идет. Ты воистину прекрасна. – Он попытался рассмеяться. – Красота – полезное качество для царицы.

– Я жду ребенка, – сообщила я.

– Я догадался. И совершенно очевидно, что эта беременность для тебя очень трудна. И для твоей души, и для тела.

– Я чувствую себя нехорошо.

– Тебя это удивляет? А почему? Ситуация ужасная. Цезарь умер, и не просто умер, а убит. Ты лишилась покровителя и защитника, зато осталась с ребенком, который никому не нужен.

– Он нужен мне.

– Ребенок появится, но подходящей истории, чтобы преподнести ее народу, нет. Амон исчез. По крайней мере, в человеческом воплощении.

Его слова звучали жестоко, но он говорил честно и смело.

– Прости, – добавил, помолчав, Олимпий. – Мне, конечно, жаль, что с Цезарем случилось такое, но...

– Я знаю, ты не любил его. Никогда не любил, однако и не притворялся.

– Его нельзя не оплакивать, ибо Цезарь, вне зависимости от моего к нему отношения, подобного конца не заслужил, – заявил Олимпий. – Он был великим человеком, спору нет. Просто я всегда считал, что он тебя не ценит. Ты досталась ему слишком легко, и я боялся, что он не станет дорожить тобой так, как ты того достойна.

– Я думаю, он пришел к этому со временем.

– Что ж, только вот время его истекло. И мне жаль.

– Спасибо тебе. – Я помолчала, потом сменила тему: – Я чувствую себя не лучшим образом не только в душе, но и телом. Боюсь, со мной что-то не так. Пожалуйста, скажи, что ты думаешь.

Он прослушал меня со всех сторон, проверил пульс, прощупал шею и лодыжки, несколько раз сжал мои ребра, повертел ступни, выслушал все мои жалобы и наконец объявил:

– Никаких признаков серьезного недуга, которые нельзя было бы объяснить последствиями перенесенного нервного потрясения, я не обнаружил. Пойдем прогуляемся по моему новому саду. Точнее, по твоему саду – ведь я насадил его на дворцовой территории. Пройдемся, и я немного поучу тебя врачеванию.

Легкий воздух снаружи был насыщен ароматами позднего цветения декоративных фруктовых деревьев, а пробивавшиеся сквозь их листву солнечные лучи рисовали на зеленых лужайках причудливые узоры света и тени. Газоны и клумбы разительно отличались от сада на вилле Цезаря. Белые цветы, усыпавшие здешние лужайки, словно подмигивали, приглашая знатных гостей расстелить на траве скатерть и устроить пиршку.

«Приходи и наслаждайся», – шептала лужайка, овеваемая ветерком.

Под одним из деревьев сидел Птолемей, и мы окликнули его. Он обернулся и, указав на развилку ствола над головой, пояснил, что наблюдает за жизнью птичьего гнезда.

– Птица-мать не вернется, если увидит тебя, – сказал Олимпий. – Пойдем с нами. Я хочу кое-что тебе показать.

Пока он говорил, я присмотрелась к нему и нашла, что Олимпий за время моего отсутствия тоже изменился. Его черты заострились, и выглядел он, по-моему, мрачновато. В совокупности со зловещим юмором это делало его суровым и замкнутым, хотя трудно было сказать, отпугивают его качества больных либо, напротив, усиливают их доверие. И как складывается его личная жизнь? Олимпий почти мой ровесник – подумывает ли он жениться? В депешах, ясное дело, ничего подобного не сообщалось.

Птолемей поднялся и подбежал к нам. Я заметила, какими слабыми выглядят его ноги и насколько он запыхался, хотя преодолел очень короткое расстояние.

– Олимпий насадил новый сад, – сказала я.

Птолемей скорчил рожицу:

– О сад! Это интересно для женщин или для больных. Нет уж, спасибо.

– У меня особенный сад – для убийц и колдунов, – возразил Олимпий. – Увидишь, он не похож ни на какой другой.

Сад был разбит на ровной площадке неподалеку от храма Исиды, но выходил он на гавань, а не в сторону открытого моря. Его окружала низкая каменная стена, а внутри ее – живая изгородь, усыпанная красными бутонами. Олимпий поднял тяжелый засов, открыл ворота и пропустил нас внутрь.

В центре журчал фонтан, и от него в четыре стороны расходились дорожки, делившие сад на четыре почти равные части.

– Смотри: смерть – в одном углу, жизнь – в другом.

Но я ничего не увидела, кроме клумб с растениями: одни цвели, другие тянулись вверх, третьи стелились по земле. Я посмотрела на Олимпия вопросительно.

– В Мусейоне я натолкнулся на манускрипт, содержавший перечень ядовитых растений, – пояснил он. – Некоторые из них были явно вымышленными: например, растение, якобы испускающее пламя и поглощающее всех, кто окажется рядом. Но прочие меня заинтересовали. Как они действуют? Почему они убивают? Я решил, что полезно собрать их, тем более что в малых дозах яды бывают полезны и обладают лечебными свойствами. Кроме того, мне любопытно изучать их. Ведь это, так сказать, растительные подобию ядовитых змей.

У Птолемея округлились глаза.

– Яды? Вот это да! Какие из них?

– Например, ядовита вся живая изгородь.

– Но она такая красивая! – воскликнула я.

И действительно, изгородь сияла темно-зеленой листвой и была усеяна цветами.

– Тем не менее она смертельно ядовита. Кустарник называется «роза Иерихона». Если его цветы поставить в воду, вода будет отравлена. Сложи из ветвей костер, и дым станет ядовитым. Как и мясо, приготовленное на этом костре. Мед, сделанный из пыльцы цветов, тоже ядовит. Лошади и ослы умирают, поев листьев с куста, но вот загадка – коз яд не берет!

– Значит, если хочешь убить врага, нужно подать ему отравленный мед? – спросил Птолемей.

– Да. Правда, я не знаю, сколько его требуется, чтобы убить человека. Может быть, нужно съесть очень много.

Мы начали прогуливаться по усыпанной гравием дорожке. По обе стороны от нее красовались аккуратные клумбы.

– Все смертоносное я посадил слева, – сказал Олимпий.

Он остановился перед растением с ворсистыми дольчатыми листьями, высотой поменьше локтя. На вершинах его стеблей набухали бутоны.

– Можете вы догадаться, что это? – спросил он нас.

– Сорняк, каких полно на лугах, – ответила я. – А еще, насколько помню, такая трава порой выбивается из расщелин в стенах.

– Это черная белена, – с довольным видом заявил Олимпий. – Убивает за несколько минут, к тому же мучительно. Однако у меня сложилось впечатление, что в очень малых дозах ее яд может служить лекарством. Например, с ее помощью можно остановить рвоту. Однако определить нужную дозу очень трудно, потому что сила яда не одинакова для всех растений – она у каждого своя и зависит от множества факторов, в том числе и неизвестных. Сок белены также может вызвать у человека возбуждение, желание петь, танцевать и разговаривать с воображаемыми собеседниками. Либо он наводит морок, и тогда человеку кажется, будто он летает

или, скажем, превращается в животное. А потом наступает смерть. Грань, за которой начинается опасность, определить невозможно.

– А не страшно тебе прикасаться к такой траве? – спросила я.

– Я всегда надеваю перчатки, – с улыбкой ответил Олимпий и, пройдя немного вперед, указал на лужайку, где на стройных стеблях покачивались белые цветы в форме звездочек, похожие на миниатюрные лилии. – Они называются «голубиный помет».

– Какое безобразное название для такого прелестного цветка, – отметила я.

– Растение ядовито от вершков до корешков, – промолвил Олимпий, – но самое опасное – луковицы. Их можно высушить, истолочь и выдать за муку, чтобы испечь ядовитые лепешки. Правда, у них горьковатый привкус, но его легко отбить медом роз Иерихона – получится вкусно.

Он рассмеялся.

– И что будет, если съесть такую лепешку? – спросил Птолемей.

– Сначала ты испытаешь нехватку воздуха. Почувствуешь, что задыхаешься. А потом и вправду задохнешься – умрешь.

– За несколько минут? – уточнил Птолемей. – Может, на меня действует что-то подобное, только не так быстро? Мне тоже трудно дышать.

– Нет, – поспешно возразил Олимпий, пытаясь перевести все в шутку. – У тебя нет врагов, чтобы положить тебе на блюдо отравленную лепешку.

– А что вон там? – спросил Птолемей, указывая на густую грядку растений почти по пояс высотой, с венчиками изящных белых цветов на макушках.

– Я смотрю, ты умеешь выделить самое интересное, – отозвался Олимпий, глядя на кусты с почти отеческой гордостью. Пожалуй, ему и впрямь пора жениться и завести детей, чтобы нянчиться с ними, а не с ядовитыми травами. – Это растение не что иное, как болиголов. Его сок положил конец жизни Сократа.

Болиголов! Я зачарованно уставилась на него, не в силах оторвать взгляд. Стебли со свисающими листьями, увенчанные белыми цветами, выглядели вполне симпатично.

– А что будет, если его выпить?

– Его нет нужды пить, хотя соку можно и нацедить. У него характерный запах мышиной мочи. – По-видимому, Олимпий находил это забавным. – Можно также использовать листья, чтобы приготовить вкусный салат. Особенность болиголова в том, что симптомы отравления проявляются не сразу и отравленный имеет возможность завершить трапезу в приятной компании.

– А каков он по ощущениям? – поинтересовался Птолемей.

– Ну, отравление описывают как постепенное ослабление мышц и ползучий паралич. Правда, сознание остается ясным.

– Это больно? – осведомилась я и подумала, что такой способ покончить с жизнью, может быть, не самый худший.

– К сожалению, да. По мере того как мышцы теряют подвижность, они начинают страшно болеть.

– Скажи мне, Олимпий, а существует ли безболезненный способ умереть? С помощью яда, я имею в виду?

– Насколько я могу судить, ни одного! – ответил он после недолгого размышления. – Даже когда человек твердо решил умереть, его тело противится смерти, особенно если до момента принятия яда оно было здоровым. Тело борется за жизнь. Некоторые яды вдобавок обладают множественным эффектом и вызывают различные реакции одновременно.

– А как насчет болиголова? – продолжал допытываться Птолемей. – Как долго проживет человек, приняв смертельную дозу?

– Ну, во всяком случае, ему хватит времени, чтобы произнести со смертного одра памятную речь, как сделал Сократ. То есть это хороший яд для писателей, поэтов и философов.

Олимпий помолчал и добавил:

– Но болиголов – не только яд. В небольших количествах он применяется для лечения болей в груди и при астме. Конечно, чтобы решиться на такой способ лечения, нужно иметь смелость.

– Или впасть в отчаяние, – вставила я.

– Лекарства и яды тесно связаны друг с другом. Греческим словом «фармакон» обозначают и то и другое. А когда жизнь становится неважностью, яд – лучшее средство против такого недуга.

Я подумала о римском способе убивать себя, пронзая мечом. Конечно, для цивилизованного человека яд более приемлем. Кроме того, как мне показалось, римляне слишком спешат свести счеты с жизнью. Они хватаются за меч или вскрывают вены даже при мелкой неудаче.

– Что правда, то правда, – согласилась я с Олимпием.

Мы продолжили прогуливаться, обсуждая растения.

– Вот белладонна, или «сонная одурь». – Он указал на длинный веретенообразный куст с овальными листьями. – Отравляет все вокруг себя сильнодействующими испарениями. Симптомы необычные: картины перед глазами расплываются, а сердце начинает колотиться так неистово, что его биение слышно на расстоянии вытянутой руки. Очень болезненно. Тебе это вряд ли бы подошло, – добавил Олимпий, повернувшись ко мне, и легкой походкой зашагал дальше. – А вот так называемый «собачий лопух». Его цветы – эти серые пушистые шарики. Яд вызывает страшные конвульсии и оставляет на лице жертвы безобразные гримасы.

– Довольно! – сказала я. – Откровенно говоря, все они для меня сливаются в одно.

– Нет, я хочу послушать еще. А что здесь? – Птолемей указал на куст с пучками белых цветов.

– Весьма интересное растение, – ответил Олимпий. – Молочай, родственник лавра. В закрытом помещении человек может лишиться чувств от одного запаха этих цветов. Ядовитые свойства растения сохраняются долгое время после того, как само оно увянет и умрет. Симптомы ужасны: неутолимая жажда, невыносимые боли в желудке, нестерпимый зуд. Кожа шелушится, внутри все горит.

Родственник лавра. Да, листья этого растения с виду такие же, как в любимых римлянами лавровых венках. Да и симптомы, что говорить, схожие. Неутолимая жажда – жажда славы. Нестерпимый зуд – стремление к власти. Внутри все горит – от азарта, разжигаемого заговорами и интригами.

– Неужели нет никакого противоядия? – спросила я, думая скорее об этом аллегорическом недуге, нежели о реальном.

– Противоядие? Только если попытаться извергнуть яд вместе с рвотой. Но зачастую это тоже вредит жертве.

Итак, едва ты соприкоснулся с отравой – едва твое чело увенчал лавровый венок, – ты обречен.

– Давайте оставим тему ядов, – предложила я. – Открой нам другую сторону сада – исцеляющую.

Птолемей скорчил гримасу, заявил, что это скучно, и, пока Олимпий показывал мне грядки с полынью, хной, лавандой, имбирем, алоэ, нардом и бальзамином, почти не обращал на них внимания.

– А в том углу сада, – сказал Олимпий, – высажены растения, обладающие обоими свойствами. Как горькое яблоко.

Он указал на ползучую лиану, только что закончившую цвести. На ней уже завязывались плоды.

– В малых количествах эти фрукты можно использовать, чтобы истреблять насекомых или провоцировать выкидыш. Но стоит превысить дозу – и плоды вызовут мучительную смерть.

– Пожалуйста, не пробуй это средство на нас, – отозвался Птолемей.

– А вот знаменитая и легендарная мандрагора, – заявил Олимпий.

Мясистые сморщенные листочки отходили от центрального стебля растения, а между ними гнездились пурпурные цветы.

– Яблоко любви. Оно вызывает у своей жертвы – если это слово уместно – любовное желание, – рассказывал Олимпий. – Кроме того, мандрагора способствует зачатию, но в избыточных количествах способна вызвать ступор, болезненный понос и смерть. Однако соблазнитель не могут подмешивать его в вино, чтобы быстрее добиться желаемого, поскольку хмельное усиливает не любовные, а ядовитые свойства растения.

– Мне говорили, что у мандрагоры какие-то особые корни, – заметила я.

– Да, корень мандрагоры похож на фаллос. Считается, что когда корень вытаскивают из земли, он кричит.

– Как фаллос? – У меня вырвался смех. – В жизни не слышала, чтобы фаллос кричал.

Олимпий смутился, Птолемей тоже залился краской, а потом оба покатались со смеху.

– Отличная сцена для греческой комедии, – выговорил наконец Олимпий.

Осмотр сада на этом закончился, но, когда мы уже уходили, я бросила последний взгляд на невинную с виду мандрагору и снова рассмеялась.

В тот вечер я тихо ужинала в своих покоях в компании Хармионы, Ирас, Птолемея и маленького Цезариона, которого пора было учить, как вести себя за столом.

– Когда ты в свое время станешь царем, тебе придется давать множество пиров, – рассказывала я сыну, подвязывая ему салфетку. – Это обязанность монарха, причем далеко не самая обременительная. Любой правитель вынужден пробовать великое множество разнообразно приготовленных яств и выслушивать уйму речей. Смотри: ты должен расположиться таким образом...

Смеркалось, в комнате зажгли масляные лампы, и на меня вдруг накатила унылая волна разочарования и безразличия. Я все же чувствовала себя здесь чужой. Рим изменил мой взгляд на мир: то, что когда-то казалось совершенным и достаточным для счастья, теперь виделось мелким, почти провинциальным.

«Выброси этот вздор из головы! – приказала я себе. – Александрия – не захолустье. Тысячи кораблей приходят в наш порт. Товары со всего света собираются здесь, прежде чем продолжить свой путь в другие страны. Шелк, стекло, папирус, мрамор, мозаики, снадобья, пряности, металлические изделия, ковры, керамика – все проходит через Александрию, величайший торговый центр мира».

Тем не менее мне казалось, что здесь слишком тихо. Может быть, причина была в том, что с одиннадцати лет меня сопровождали непрерывной чередой интриги, бунты, междоусобицы, заговоры и войны, а теперь вдруг настала нормальная жизнь?

«Разве не чудо, что ты – царица независимого Египта и твои права никем не оспариваются? Ты сидишь здесь и безмятежно вкушаешь вечернюю трапезу, – говорила я себе, как строгий учитель непонятливому ученику. – Ты, не кривя душой, можешь заверить Птолемея, что отравленного хлеба на его стол не подадут никогда. Твоя страна живет в мире и процветает. Чего еще желать правителю? И у кого из царей при вступлении на престол было меньше шансов достичь этого, чем у тебя?»

– Это мандрагора, – долетел до меня конец фразы. За столом шла беседа, а я не слышала ни слова.

– Почему ты говоришь сама с собой? – спросил Птолемей. – Я вижу, что твои губы шевелятся. А нас ты не слушаешь!

– У меня мысли блуждают, – призналась я. – Я словно еще на борту нашего корабля.

Хармиона бросила на меня сочувственный взгляд. Она понимала, о чем я говорю. Это не имело отношения ни к волнам, ни к тому, что я отвыкла ходить по твердой земле.

– Я-то думал, что ты рада убраться со старой посуды! – воскликнул брат. – Расскажи-ка им о мандрагоре и о том растении с мохнатыми цветками, что способно скрутить тебя и завязать в гордиев узел.

– Он слишком увлекся ядовитыми растениями и совершенно не обращал внимания на целебные, – посетовала я. – Насчет гордиева узла ты сам придумал, Олимпий такого не говорил.

– А зря! – заявил Птолемей, ковыряясь в тарелке. – Вообще-то, от всего этого я потерял аппетит.

– Кстати, – вспомнила я, – нам нужно вернуть царских дегустаторов. По обычаю, перед тем как подать царю пищу, ее пробовали особые слуги – не отравлена ли. Работа нетрудная, но нервная. После выхода в отставку дегустаторы, как правило, предавались безудержному обжорству. В наше отсутствие эту должность во дворце упразднили, но теперь пора ввести ее заново.

– Да, моя госпожа, – согласилась Ирас. – Много нужно сделать теперь, когда ты вернулась домой навсегда.

Вернулась навсегда. Но почему же мир и мое прекрасное царство кажутся мне пустыней? Я вижу перед собой людей, и все они ищут заботы, убежища или защиты. Я помогу им... И пусть они никогда не узнают, какой беззащитной чувствует себя порой их защитница.

После ужина я попросила Мардиана прийти ко мне, чтобы поговорить с глазу на глаз. Когда он вошел в комнату, я так обрадовалась ему, что чуть не рассмеялась. Как уже отмечалось, он располнел, и в нем отчетливее угадывался евнух. Меня это не радовало, но тут уж ничего не поделаешь: я не могла запретить ему объедаться лакомствами – ведь он не имел иных радостей плоти и хоть чем-то должен был компенсировать тяжелое бремя управления страной, два года лежавшее на его округлившись плечах. В отличие от множества других вельмож и чиновников, он вознаграждал себя яствами со стола своего правителя, а не деньгами из его казны.

– Дорогой Мардиан, у меня нет слов, чтобы выразить, до чего я счастлива иметь такого помощника, как ты. Мне на редкость повезло.

Его широкое квадратное лицо озарилось улыбкой.

– Это ответственное поручение весьма почетно, и я с гордостью взялся за него, – промолвил он в ответ, усаживаясь на указанное мною место. – Однако твое возвращение, помимо прочих чувств, вызвало у меня облегчение.

Он устроился удобнее, расправил складки своего одеяния и скрестил ноги в усыпанных самоцветами сандалиях.

– Сирийские, новый фасон, – с лукавой улыбкой пояснил он, заметив мое внимание. – Купцу пришлось уступить мне одну пару как часть пошлины.

Да, его сандалии выглядели великолепно. Они навели на мысль о строгой простоте обуви римлян, но тут мне вспомнились «надстроенные» сандалии Октавиана, и я рассмеялась:

– Тебе они подходят.

Мардиану, человеку довольно-таки рослому, не было нужды утолщать подошвы, а вот бедняга Октавиан, увы, явно недотягивал до египетского евнуха.

– А твой наряд с бахромой тоже, надо думать, нового фасона?

У нас на Востоке мода никогда не стоит на месте.

– О, он вошел в моду в прошлом году, – сказал он. – Говорят, будто бахрома позаимствована из Парфии. Но мы, конечно, этого не признаем!

– Я совсем отстала от моды. Надо обязательно обновить гардероб.

– Такое задание я выполню с удовольствием.

– По-твоему, это приятнее, чем корпеть над донесениями и принимать послов?

– То, что у тебя хватает духа выносить все утомительные церемонии, делает тебя хорошей царицей.

– Мардиан, – серьезно сказала я, – мне нужно узнать, как здесь воспринимали мое отсутствие.

Я верила, что услышу искренний ответ.

– Во дворце? А почему...

– Нет, не во дворце. В Александрии и в Египте. Я знаю, ты в курсе всех толков и твоя семья живет в Мемфисе. Что думали люди?

– Они гадали, вернешься ли ты, – без обиняков ответил он. – Они думали... они боялись, что ты останешься в Риме и такова будет плата за независимость Египта.

– То есть что Цезарь задержит меня в качестве пленницы?

Он решительно возразил:

– Нет, конечно нет. Просто многие полагали, что сенат переменчив и ты не покинешь Рим, чтобы не потерять возможность влиять на ситуацию.

– А что они думали о моей связи... о моем браке с Цезарем?

Он пожал плечами:

– Ты знаешь египтян, да и греков. Они прагматики и поэтому сочли, что ты поступила разумно и правильно, выбрав победителя, а не проигравшего в гражданских войнах.

Да, это римляне помешаны на морали, а у древних народов Востока больше мудрости.

– Хорошо, что хоть здесь к моим действиям относятся с пониманием. Ты представить себе не можешь, Мардиан, каково два года жить среди людей, которые только и делают, что судят, оценивают, читают нравоучения, поучают и осуждают. Это угнетает куда больше, чем тамошний климат с его унылой серостью.

Я, кажется, не вполне сознавала этот факт, пока не высказала его вслух. Теперь же от облегчения у меня едва не закружилась голова.

Мардиан фыркнул и поморщился:

– Ну что ж, зато теперь ты здесь, где мы понимаем тебя и ценим. Добро пожаловать домой!

Домой... Но почему, почему дом кажется мне таким странным?

– Спасибо, Мардиан, – ответила я. – Я все время тосковала по дому.

Он помолчал, словно раздумывал, продолжать ли разговор. Потом решил:

– Но я должен сказать тебе, что теперь, когда ситуация... изменилась, найдутся такие, кто сочтет твою политику провальной с точки зрения интересов Египта. Ты добила многого, но в мартовские иды все это рухнуло, и мы вернулись к положению, в каком находились до прихода Цезаря. Кто теперь гарантирует нашу независимость?

– Я. Это мой долг.

Говорила я твердо, однако ощущение было такое, будто я, с трудом взобравшись на высокий горный хребт, оказалась не на плодородной равнине, но перед еще одним хребтом, столь же высоким. Новый подъем потребует невероятных усилий, и никто не знает, не высится ли за этой горой следующая.

– Мардиан, я должна сказать тебе о том, что выяснилось по дороге сюда. Я жду ребенка. Будет еще один Цезарион, маленький Цезарь.

Он поднял брови:

– О, это снова нарушит политический баланс. Удивительно, как тебе удастся воздействовать на людей за сотни миль отсюда. Просто волшебство какое-то.

– Я сомневаюсь, что это изменит ситуацию в Риме. Цезарь не упомянул Цезариона в завещании, а второго ребенка и признать некому.

– Не будь так уверена. Я лично намерен бдительно оберегать Цезариона. Шутки насчет Птолемея и отравленного хлеба, конечно, хороши, но если кого и могут попытаться отравить, то в первую очередь – твоего сына.

Я почувствовала озноб. Мой старый друг был прав. Вне зависимости от завещания весь мир знал, что у Цезаря есть сын. В конце концов, мой отец тоже был незаконнорожденным. Царский сын, даже бастард, – постоянная угроза для многих. Таким отпрыскам трон доставался не только в легендах и поэмах, но и в реальной истории.

Способен ли Октавиан на убийство? Он казался слишком хлипким, нерешительным и законопослушным. Но...

– Не породив ни одного римского наследника, Цезарь оставил трех – а теперь получается, что четырех, – претендентов на его имя. Это приемный сын Октавиан, кузен Марк Антоний, естественный преемник Цезарион – сын не от римянки – и, как выясняется, еще один ребенок.

Мардиан помолчал и продолжил:

– Конечно, имеется пятый наследник – толпа, римский народ. Именно к ним он обращался, им оставил свою виллу и сады. Всегда помни об этом и учитывай народ в политических расчетах. Именно он и решит, быть ли Цезарю богом. Он, а не сенат.

– Я вовсе не хочу, чтобы кто-то из моих детей получил наследство в Риме и оказался втянутым в кровавую неразбериху римской политики. Я лишь печалюсь, что им придется расти, не зная отца. Для себя я не хотела от Цезаря ничего, мне достаточно вот этой фамильной реликвии. – Я показала Мардиану медальон. – Но мне жаль, что он не оставил мне чего-то и для Цезариона.

– Зато Цезарион зайдет в любой храм или форум по всему римскому миру и увидит статую отца. Они сделают из Цезаря бога, помяни мои слова. Потом появятся бюсты и маленькие статуэтки, которыми будут торговать от Экбатаны до Гадеса.

Дорогой неугомонный Мардиан!

– Он может собрать коллекцию! – отозвалась я, рассмеявшись сквозь слезы.

Я представила себе целую полку статуэток Цезаря, всех размеров и форм. Будут мускулистые греческие Цезари, сирийские Цезари с большими глазами, в официальных одеждах, пустынные Цезари верхом на верблюдах, Цезари-фараоны и галльские Цезари, облаченные в волчьи шкуры. Вообразив такое, я хохотала до упаду, держась за бока. Когда же я успокоилась и восстановила дыхание, то покачала головой и сказала:

– Ох, Мардиан, ведь я смеялась по-настоящему впервые после... Спасибо тебе.

Он вытер глаза.

– Поскольку вся торговля проходит через Александрию, подумай о такой возможности. Новая мода обязательно принесет нам прибыль.

Глава 3

Стоял ясный и ветреный июньский день. В такую погоду Александрия сияет аквамарином в серебряной оправе – настолько яркой, что приходится щуриться.

Сегодня на полу пиршественного зала собирали подаренную Цезарем мозаику. Моя память была точна: увидев ее впервые, я сразу признала цвета александрийского моря и не ошиблась. Фигура Венеры, поднимающейся из морской пены, была исполнена столь утонченно, что по сравнению с ней все смертные женщины выглядели грубыми.

Я вздохнула. В чем призвание искусства – воодушевлять человека или подавлять совершенством? Если ни одна живая женщина не способна даже приблизиться к подобному идеалу – должно ли это вдохновлять меня на самосовершенствование, или сей факт лишь рельефно выделяет и подчеркивает мои недостатки?

Сегодня, при ярком свете и свежем утреннем ветре, я чувствовала, что эта Венера меня вдохновляет. Я ощущала себя воссозданной заново: словно я только что появилась из морской пены и спешила выбраться на берег, чтобы потребовать мое наследие, мою судьбу. Испытаю ли я когда-нибудь подобное?

Ее золотистые волосы волнами ниспадали на плечи, так мастерски изображенные, что я различала мускулы и изящные округлости плоти.

«Сколько тебе лет? – мысленно спросила я богиню. – Пятьдесят? Сто? Ты всякий раз выглядишь по-новому, словно ты из плоти, а не из камня. Так искусство обманывает реальность».

– Я помню, как ее дарили. – Хрипловатый голос Хармионы, прозвучавший за спиной, заставил меня подскочить. Звуки инструментов, с помощью которых подгонялись элементы мозаики, заглушили ее шаги. – Она великолепна, не так ли?

Мы обе воззрились на Венеру, завидуя ей.

– Ты похожа на нее больше меня, – сказала я. – Это твой цвет волос.

– Никто не похож на нее, – покачала головой Хармиона. – Вот почему она обладает могуществом, какого нет ни у одной из нас.

Однако тут Хармиона явно скромничала: она привлекала внимание мужчин почти так же, как сама Венера. Я видела, как все, от мальчишек до престарелых писцов, пожирали ее взглядами.

– А ты не находишь, Хармиона, что тебе пора задуматься о замужестве? – спросила я. – Это не помешает остаться у меня на службе. Мне жаль тех несчастных, что страстно хотят жениться на тебе, но ты не достаиваешь их вниманием.

Хармиона рассмеялась низким лукавым смехом.

– Я подумывала о замужестве, – призналась она, – но пока не встретила ни одного смертного мужчины, кого сочла бы достойным. Видишь ли, как Венера затмевает своим совершенством всех женщин в глазах мужчин, так и Аполлон затмевает всех мужчин в глазах женщин. Мне бы хотелось познакомиться с мужчиной, похожим на Аполлона. Часто тебе такие встречались?

– Одного знаю, – подумав, ответила я. – Октавиан. Красотой он, пожалуй, не уступит и статуе. Но в отличие от изваяния он разговаривает, двигается и порой проявляет себя не лучшим образом.

– А в последнее время не попадают? – не унималась она.

– Не припоминаю, – честно призналась я, чтобы она не подумала, будто мне пришло в голову скрыть от нее некоего знакомого Аполлона. – Но теперь я буду присматриваться внимательнее.

Двое работников с натугой вывернули камень из пола и сдвинули в сторону. Они ухмылялись, и я поняла, что они слышали наш разговор. Уж не воображают ли они себя подобиями Аполлона? У одного была волосатая спина, и он больше смахивал на Пана, а другой, коротышка с длинными руками, и вовсе напоминал обезьяну.

Едва удерживаясь от смеха, мы поспешили прочь из зала и лишь за дверью, привалившись к стене, скорчились от беззвучного хохота.

Я сказала:

– Это напомнило мне о моей обезьянке Касу.

Хармиона смеялась до истерики.

– Я серьезно. Где она?

– Я думаю... наверное... она в комнате Ирас, – с трудом выдавила из себя Хармиона. – Они, кажется, подружились.

Мы стояли на ступеньках дворца, что вели прямо к царской гавани. Прямо над головой летали чайки, белевшие на фоне синего неба.

– Давай покатаемся на лодке, – вдруг предложила я. Погода была слишком хороша, чтобы сидеть дома. – Конечно, не гонку устроим, а так, отдых. Чтоб расслабиться да любоваться красками моря и неба.

Лодок в моем распоряжении имелось много, от маленькой прогулочной яхты до точной копии древней ладьи фараонов. А вот возможностью получать удовольствие от водных прогулок я была обязана собственной решимости и силе воли – едва ли не самым ценным чертам моего характера. Воля поможет, если нас покинет талант, вдохновение и даже удача. Но когда нас покидает воля, все пропало: мы действительно обречены...

Хармиона загорелась.

– Я никогда не каталась на фараоновой ладье! – воскликнула она. – У которой нос в форме лотоса.

– Ну, ее и возьмем.

Мы спустились по широким, мягко закруглявшимся мраморным ступенькам – как в театре, где ряды сидений располагаются один над другим. На дне сквозь прозрачную чистую воду виднелись камни и яркие анемоны. Подальше, в открытом море, океан накатывал на основания маяка и разбивался, вздымая высокие валы, увенчанные искрящимися плюмажами невесомых брызг.

В тот момент я решила, что обязательно закажу для Венеры Цезаря парную мозаику. На ней будет изображена вот эта сцена: Александрийская гавань в погожий летний день.

Царские суда пребывали в постоянной готовности, так что ждать нам не пришлось. Капитан принялся отдавать распоряжения, а Хармиона ахнула, поднявшись по разукрашенным сходням на палубу.

– Ой! Она настоящая?

– Если ты имеешь в виду, настоящее ли дерево и золото, то да, она настоящая, – ответила я, поднявшись за ней следом.

– Я хотела сказать, что это чудо, в истинном смысле слова.

– Эти ладьи делали для фараонов. Во всяком случае, меня уверили, будто они путешествовали по воде только таким манером.

Да, они возлежали на ложах в тенистых павильонах из древесины кедра; их обмахивали драгоценными опахалами на длинных ручках, если ветра не желали дуть; они опирались на золоченые перила.

– Идем.

Я повела Хармиону в павильон, где мы опустились на подушки.

Слуга в набедренной повязке, вороте-ожерелье и древнеегипетском головном уборе появился невесть откуда, как по волшебству, и подал прохладительные напитки.

Мы отчалили. Гребцы молча налегали на весла с серебряными лопастями, ладья мягко покачивалась в теплой воде.

Море, именно море придавало величие Александрии. Оно приносило богатства мира к нашим дверям и давало нам могущество. Я должна немедленно, безотлагательно приступить к восстановлению флота. Пока же единственная наша защита – римские легионы, оставленные Цезарем. Стоит им уйти или повернуть против нас по приказу кого-то из римских вождей – возможно, одного из убийц...

Этот ясный день так манил к себе, потому что был незащищен.

В тот день я чувствовала себя окрыленной, но к вечеру меня снова стали одолевать мрачные мысли, подобно птицам, возвратившимся в гнезда. Неужели мне никогда не избавиться от пелены уныния, которая пришла на смену окутывавшей меня прежде любви Цезаря? Тоска обретала особую силу с наступлением сумерек. Я стояла и смотрела, как появляются звезды. Первой, конечно, зажглась Венера, потом и другие. А ведь точно так же, в этом самом саду на крыше, мы с Цезарем любовались звездами вместе. Тогда он показал мне Орион, свое любимое созвездие, и рассказал историю...

Теперь, хотя звезды светили точно так же, небо казалось суровым и пустым. Я отвела взгляд и заставила себя пойти к рабочему столу в соседней комнате, где меня поджидала целая стопка книг учета казны. Порой цифры расплывались у меня перед глазами, и вовсе не из-за мерцания масляных светильников.

Даже когда мои мысли поглощали эти столбцы цифр, позади них таились неизбывная грусть и уныние. Поэтому я обрадовалась возможности отвлечься, услышав, что Эпафродит просит принять его по важному делу.

Он стал извиняться за поздний визит.

– Это не имеет значения, – сказала я, отложив папирусы. – Как видишь, я работаю. Сам знаешь, у правителя рабочий день не заканчивается с заходом солнца. Когда еще корпеть над документами, как не ночью?

Снаружи, в теплой александрийской ночи, люди гуляли по улицам, пели, смеялись, выпивали, в то время как их царица сидела взаперти, зарывшись в счетные книги.

– Значит, мы с тобой пойдем друг друга, – улыбнулся он. – Моя жена не одобряет моей вечной занятости, но наслаждается ее плодами.

В первый раз он позволил себе замечание личного характера. Значит, он женат. Есть ли у него дети? Но расспрашивать я не буду, подожду, пока он расскажет сам.

– Я принес полные отчеты о содержимом трех новых складских помещений, построенных взамен разрушенных пожаром. Мы сделали полки поуже, чтобы все, проходящее по описи, было на виду. Так легче проверять, да и следить за крысами.

Он с гордостью вручил мне свитки.

Я ждала. Странно, что он лично пришел с отчетами в столь поздний час. Документы можно было отправить в любое время с посыльным.

– А еще я хотел бы сообщить кое-что, о чем услышал от одного из прибывших сегодня капитанов.

Значит, я не ошиблась.

– Да?

– Это не официальные сведения – лишь слухи, дошедшие до того человека. Но, по всей видимости, убийцам пришлось покинуть Рим. Куда они направились, остается догадываться. Наследник Цезаря прибыл в Рим, чтобы затребовать свое, но получил от Антония резкую отповедь. Поговаривают, будто Антоний встретил его так нелюбезно, потому что растратил большую часть денег Цезаря и не хотел отчитываться в этих тратах.

– Антоний растратил большую часть денег Цезаря? А ведь правда – Кальпурния передала деньги Антонию, чтобы до них не добрались убийцы.

– Но молодой человек не отступился. Он от своего имени нанял Цицерона, и дело приобрело скандальную известность. Ясно, что Антонию придется с ним договариваться, но на каких условиях, пока не ясно. Также непонятно, кто сейчас на самом деле правит Римом.

Кому, как не Антонию, следовало знать, что в отношениях с Октавианом ни в коем случае нельзя демонстрировать пренебрежение? Если человек так молод и его положение так неопределенно, он особенно нуждается во внешних проявлениях уважения.

– Значит, сейчас там царит хаос?

– В данный момент – да, – подтвердил Эпафродит. – Но что будет, если убийцы сбегут на Восток и обоснуются здесь? Это опасно.

– Хорошо бы, чтобы они так и поступили. Тогда мы сумеем их уничтожить.

– Какими силами? Уж не римских ли легионов, расквартированных у нас? А если солдаты переметнутся на сторону убийц?

– Я тоже думала об этом, – сказала я. – Египту в первую очередь необходим сильный флот. Нужно приступить к строительству.

Эпафродит улыбнулся. Кажется, он был несколько удивлен, но доволен.

– Верная мысль.

– Я как раз хотела поговорить с тобой о закупках корабельного леса. Как мне известно, ты ведешь дела с сирийцами.

– Да, верно.

Он казался загадочным – такой образованный и утонченный, притом чрезвычайно энергичный и изобретательный. Да еще с двумя именами.

– Госпожа, прости, если я говорю лишнее, но ты выглядишь удрученной, – неожиданно промолвил Эпафродит. – Могу я чем-нибудь тебе помочь?

Я не ожидала услышать такого, и это отразилось на моем лице. Но я почувствовала признательность за его внимание.

– Только если ты сумеешь повернуть время вспять и стереть уже случившиеся события, – ответила я как можно деликатнее.

– Подобные деяния за пределами возможностей человека, – сказал он. – Такое под силу одному Богу, но и Он этого не делает. Однако Он дарует утешение. Наше Писание полно вопросов к нему, и Он отвечает нам в стихах. И любовь, и измена – все там есть.

– Расскажи мне еще, – попросила я его, как ребенок – сведущего наставника.

– В нашей главной книге есть такие стихи: «Враги мои говорят обо мне злое: „когда он умрет и погибнет имя его?“ Все ненавидящие меня шепчут между собою против меня, замышляют на меня зло. Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пята»².

Да. Именно так все и было у Цезаря.

Эпафродит продолжал:

– «Ибо не враг поносит меня – это я перенес бы; не ненавистник мой величается надо мною – от него я укрылся бы; но – ты, который был для меня то же, что я, друг мой и близкий мой»³.

Таков оказался Децим – родич и ложный друг, названный Цезарем в числе своих наследников. Тот самый, кто выманил Цезаря в сенат.

– Я должна познакомиться с вашей священной книгой, – сказала я. – Похоже, в ней и впрямь содержится великое знание о человечестве. Понимание способно облегчить печаль.

² Псал. 40: 6, 8, 10.

³ Псал. 54: 13–14.

Это не похоже на рекомендации иных философов, советовавших человеку отвергать земные печали или избегать их и, даже обнимая жену, думать о том, что она умрет, чтобы не так остро переживать потерю в свой час.

– Мы тоже скорбим о смерти Цезаря, – сказал Эпафродит. – Боюсь, найти себе такого друга и покровителя иудеям удастся очень не скоро.

Да... Я вспомнила иудеев, много дней оплакивавших Цезаря на месте сожжения его тела.

– Он подтвердил наши права на свободное исповедание нашей религии и разрешил невозбранно посылать из других стран ежегодный храмовый налог. Он вернул нам порт Яффа, отобранный Помпеем, прекратил отвратительную практику откупов, разорявшую нас, освободил нас от воинской повинности, поскольку служба не прерывается и в день Шаббат, когда наш закон запрещает любую работу. Да, он был нашим другом. Мы потеряли защитника, как и ты.

– Может быть, он хорошо относился к вам, поскольку чувствовал – вы это цените, – заметила я.

Уж мне ли не знать, как задевало Цезаря то обстоятельство, что его деяния оставались недооцененными. Однако после его ужасной смерти не только я, но и целый народ почувствовал себя обездоленным.

– Что теперь будет с Иудеей? – задумалась я вслух.

– Зависит от того, кто станет преемником Цезаря в Риме, – сказал он. – И удастся ли молодому царю Ироду перехитрить своих врагов в Иудее. Они с Антонием старые друзья, подружились еще тогда, когда Габиний возвратил трон твоему отцу. Ирод помогал ему людьми и припасами. Но если убийцы Цезаря объявятся на Востоке и потребуют помощи, мне трудно предугадать, как поведет себя Ирод. Он умный молодой человек, но политика выживания в тех краях требует умения ловчить и лавировать.

Эпафродит помолчал.

– Лично я предпочитаю Ирода его соперникам, потому что уверен: страна, возглавляемая фанатиками, обречена. Он отделяет религию от политики, а вот другие... – Он покачал головой. – Те будут упорствовать, настаивая на соблюдении каждой буквы закона, пока Иудея не окажется полностью покоренной и раздавленной.

– Странно, что политика государства может быть основана на религии, – заметила я. – Мне трудно представить, чтобы основным конфликтом в Египте стало противостояние между Зевсом и Сераписом или между Сераписом и Кибелой.

– Мы совсем другие, – согласился Эпафродит. – И из-за этой нашей особенности трудно предсказать, что нас ждет как в ближайшее время, так и в отдаленном будущем.

Ветер начал шевелить занавески, отделявшие комнату от террасы. В домах гасли золоченые лампы – уже поздно, и люди устраивались на ночлег. Мне тоже следовало отпустить Эпафродита домой. Он оказал мне немалую услугу, явившись в столь поздний час, чтобы без задержки сообщить новости из Рима. Мы уже давно вышли за пределы времени, подходящего для деловых бесед, однако его слова возбуждали мое любопытство и побуждали задавать вопросы.

– Мардиан мимоходом упомянул, что вы знаете свою судьбу, ибо она предсказана вашими пророками. И вы ожидаете Спасителя – мессию. Это так?

Эпафродит почти смутился.

– Священные предания любого народа обычно кажутся нелепыми, когда их излагают тем, кто в них не верит.

– Нет, я на самом деле хочу узнать. Расскажи об этом.

– За столетия наши верования изменились, – сказал он. – Мы никогда не верили в жизнь после смерти. У нас есть собственный Аид – Шеол, мрачное место, где блуждают тени. Мы никогда не думали о том, что история нашего народа движется в определенном направлении к некой предопределенной цели. Однако наше Писание пополняется, и в новейших его книгах

говорится о бессмертии души, а кое-где даже о возможности телесного воскрешения. О том, что мир движется к великим переменам, а принести их должен мессия.

– И кто этот мессия? Он царь? Жрец?

– Смотря на какое пророчество полагаться. Захария, один из наших пророков, говорит о двух мессиях: жреце и царе, потомке великого царя Давида. Даниил предвещает лишь одного Спасителя и именует его Сыном Человеческим.

– Но в чем заключается его миссия?

– Он призван возвестить наступление новой эры.

– Какой новой эры? В чем ее новизна?

– Эры суда и очищения. За ней последует золотой век мира и благоденствия.

Мир и благоденствие царит сейчас в Египте и без всякого мессии, однако мы можем потерять все из-за переменчивой политики Рима.

Я взглянула Эпафродиту в глаза:

– Мир и благоденствие – именно этого я добиваюсь для своего народа и своей страны.

А ты сам веришь в пророчества?

Он улыбнулся:

– Я не вникаю в них. Для человека, всецело занятого неотложными повседневными делами, мечтания о грядущих веках отступают на задний план. Нет, я не отвергаю пророчества, просто у меня нет в них необходимости. Они не имеют отношения к той жизни, которой я живу. Если она ставит вопросы, бесполезно искать ответы у пророков.

– Есть предания и о женщине-мессии, – напомнила я ему.

Он усмехнулся:

– А, вот оно что. Гадаешь, не окажешься ли Спасительницей ты сама?

– Нет, но мне интересно, могут ли люди увидеть ее во мне.

Эпафродит задумался.

– Возможно. Но тебе придется узнать обо всем самой. Я с такими пророчествами не знаком.

Я вздохнула:

– Это разрозненные сочинения. Одно называется «Оракул безумного претора», другое – «Оракул Гистаспа», и еще одно под названием «Оракул горшечника». Кажется, и в книгах Сивиллы есть нечто подобное. Я прикажу, чтобы в библиотеке сняли с них копии и взялись за изучение.

– Только имей в виду: если слишком увлечешься ими, непременно придешь к выводу, что там говорится о тебе, – предостерег Эпафродит. – Таково уж свойство пророчеств. Они всегда допускают и широкое, и узкое толкование, в зависимости от ситуации. Как предсказания гадателей и астрологов.

– Ты и в них не веришь?

– Я верю, что их методы основаны на определенных знаниях. Но знания эти неполны, а способность вводить людей в заблуждение опасна. Вот почему наш Бог запретил иметь с ними дело. Как поведал Моисей, Бог сказал ему: «Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них»⁴.

Я подумала об астрологах и предсказателях, что состоят при моем дворе. Хорошо все-таки, что я не обязана следовать предписаниям Моисея. Потом мне вдруг вспомнилась одна история.

– Послушай, не тот ли это Моисей, что вывел вас из Египта? Мне говорили, будто он категорически запретил вам возвращаться. Однако иудеев в Александрии полно. Похоже, вы

⁴ Лев. 19: 31.

выполняете его заповеди избирательно: насчет астрологов – да, так и быть, а насчет Египта – нет уж.

Он рассмеялся:

– Ну, будь у меня желание поспорить, как у наших формалистов, я бы сказал, что Александрия – не совсем Египет. Ее и называют Alexandria ad Aegyptum, то есть «Александрия при Египте», а не «в Египте». Но это слова. Суть дела сводится к тому, что, когда закон препятствует выгоде, мы находим способ его обойти. Таков наш обычай.

Я рассмеялась:

– Таков всеобщий обычай. Правда, мои подданные не столь склонны к восстаниям, как твой народ. Мне повезло.

– Верно. – Он поклонился. – Ваше величество...

– Да, я знаю: час поздний, и я задержала тебя слишком долго. Плохая награда за твое усердие, проявленное в нерабочее время. Иди, ты свободен.

Эпафродит с явным облегчением отбыл, а я еще долго стояла у окна, глядя на спящий город. Как бы то ни было, нужно узнать о пророчествах побольше. Что-то в них есть.

Продолжая размышлять об этом уже в постели, я согласилась с тем, что в предсказаниях таится опасный соблазн. Однако мне хотелось с ними познакомиться.

Глава 4

Стояли великолепные летние дни, а я постепенно разобралась со счетами, учетными книгами и донесениями, накопившимися за время моего отсутствия. Шел египетский месяц эпиф, соответствующий римскому квинтилию, или, как он теперь назывался, июлю.

Я завела в Риме нескольких осведомителей, и они донесли мне, что Брут пребывает в бешенстве. Из соображений безопасности он вынужден держаться подальше от Рима, а в городе в середине этого месяца, получившего новое название, должны состояться *Ludi Apollinares* – игры Аполлона, и устраивать их надлежало именно Бруту в качестве претора. Получалось так, что убийца, не смея сунуть носа в Рим, должен будет оплатить почести, которые воздадут убитому Цезарю.

Потом я узнала, что Октавиан, словно с целью унижить Брута, назначил сразу после игр Аполлона новые игры под названием *Ludi Victoriae Caesaris* – игры Цезаревых побед – и собирался провести их за собственный счет, чтобы продемонстрировать «отеческую любовь» к народу. Заодно он продемонстрировал верность памяти Цезаря, поскольку официальные лица, отвечавшие за устройство этого праздника, не решались ни назначить игры, ни отменить их.

Но еще до получения донесений со мной произошло несчастье. Я потеряла ребенка, которого носила, – последнее наследие Цезаря.

Собственно говоря, у меня случились роды, только преждевременные. Я выходила лишь половину положенного срока, и дитя появилось на свет слишком маленьким, чтобы выжить. После этого меня надолго уложили в постель, напоив настоем мяты и красным вином, хотя тело мое не страдало. В утешении нуждался дух.

«Прощай, прощай», – думала я, крепко сжимая медальон на шее.

Больше у нас никогда не будет ничего нового, наша совместная жизнь – в прошлом.

«Ушел, ушел, ушел», – твердила я себе, и каждое слово звучало, как удар молота по моей душе. Ушел навсегда.

Все были очень добры, все без усталости хлопотали вокруг меня. Хармиона и Ирас предугадывали любое мое желание, Мардиан приходил с шутками. Птолемей написал несколько рассказов и настоял на том, чтобы прочесть их мне, а Эпафродит подготовил несколько выдержек из своего Писания – из тех его разделов, где говорилось о потерях, лишениях, мужестве и терпении.

Особенно мне понравилось одно место:

«Так говорит Господь: голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет»⁵.

Ибо их нет... Скорбные слова, горестная, верная мысль.

Ночи стояли жаркие, в моей комнате было душно, поэтому кровать вынесли на террасу, где дули морские бризы и я могла видеть звезды. Я лежала, глядя на вздымавшийся надо мной сине-черный купол небес, и вспоминала египетское предание о богине Нут: растянувшись по небосводу от востока до запада, она поглощает солнце; светило пронизывает ее тело и с каждым рассветом рождается заново. Нут всегда рисовали золотом на фоне глубокой яркой синевы.

Но это фантазия художников. Звезды не золотые, они холодного ярко-белого цвета, а небо чернильное. И луна в те ночи, когда я лежала на балконе, тоже казалась мрачной.

Потом пришел долгожданный черед появления Сириуса – звезды, что на протяжении семидесяти дней находилась ниже горизонта. Яркая точка света знаменовала первый день

⁵ Иер. 31: 15.

нового года и возвещала о том, что далеко на юге Нил тоже начинает подниматься. Год начинал свой цикл, неуклонно двигаясь дальше.

Далеко внизу, во дворце и городе, раздались радостные крики: Сириус был замечен, и это послужило сигналом к началу шумного праздника. В Александрии разливы Нила, может быть, и не столь ощутимы, как в долине, однако от Нила зависели урожаи, а от урожаев – благополучие города, жившего в первую очередь вывозом зерна.

«Как ярок сегодня ночью свет маяка! – отметила я. – Как необычайно длинны языки пламени – топлива, что ли, прибавили?»

В следующее мгновение до меня дошло, что источник яркого света находится позади Фароса, в небе. Откинув легкое покрывало, я встала и подошла к краю крыши, чтобы взглянуть на светоч под другим углом.

Да, я не ошиблась. Ослепительный свет сиял на небосклоне, почти на одном уровне с вершиной маяка. Но это не звезда – у нее имелся длинный хвост.

Комета! В небе комета!

Никогда раньше я не видела комету, но почему-то сразу сообразила, что это удивительно красивое небесное явление не может быть ничем другим. Позади нее стелился мерцающий след из сверкающих искр, раздувшееся ядро походило на капюшон божественной кобры.

И в тот же миг меня словно пронзило необычное ощущение, всплеск узнавания: это Цезарь. Он занял свое место среди богов, и он показывает мне, что никогда не оставит меня, что всегда пребудет со мной как со своей божественной супругой, которая воссоединится с ним на небесах. И уж конечно, он не потерпит, чтобы его сын пострадал и лишился законного наследия, но будет отстаивать его интересы. Теперь, когда он стал богом, у него для этого больше возможностей, чем прежде, когда он был ограничен мелкими людьми и собственной смертностью.

Я услышала его голос, звучавший тише, чем шепот. Быть может, он раздавался лишь в моей голове, но я услышала: он сказал, что все будет хорошо, но я должна подняться с одра болезни и снова стать той Клеопатрой, чья энергия и находчивость так его восхищали. Ибо истинная царица Египта и жена Цезаря – это она, настоящая Клеопатра, а не жалкое существо, способное лишь причитать и изнывать в тоске.

– Ты должна выносить лишения, как солдат, – возвестил тот голос, – отважно и без жалоб. Когда день кажется тебе потерянным, не опускай щит, но отражай атаку врага и устремляйся вперед, снова и снова. Это и отличает героев от обычных сильных людей.

Комета сияла, будто привлекала мое внимание.

– Внемли!

– Все будет так, как ты сказал, – ответила я.

В первый раз после его смерти – точнее сказать, после его ухода, ибо теперь мне стало ясно, что он не умер, – я почувствовала радость.

Я снова легла, и хотя закрыла глаза, связь с кометой не прервалась. Хвостатая звезда висела надо мной всю ночь.

Далеко в Риме (о чем я в то время знать не могла) Октавиан тоже видел эту комету. Она появилась между двадцатым и тридцатым июля, когда он проводил Цезаревы игры, и взволновала народ. Римляне истолковали ее точно так же, как и я: поняли, что Цезарь принят в сонм богов.

Октавиан сразу объявил о божественности своего приемного отца, повелел поместить чудесную звезду на лбу статуй Цезаря и приказал отныне изображать ее на всех монетах Цезаря.

Я не знала в ту пору и о другом: Октавиан воспринял комету как знамение, определяющее его судьбу и приказывающее не успокаиваться, пока он не отомстит за убийство Цезаря.

В ту ночь Цезарь призвал нас к оружию. Мы оба хотели отомстить за него и завершить его дело – и, чтобы добиться своего, каждому из нас требовалось уничтожить другого. У Цезаря было два сына, но наследником мог стать лишь один. Цезарь мечтал о великой мировой империи, но какой город станет ее сердцем – Рим или Александрия? Будет империя западной или восточной по своему местонахождению и духу? И кто получит власть над ней?

Комета, сиявшая на небосклоне много дней, вызвала возбуждение и переполох среди астрологов. Они еженощно собирались в Мусейоне для изучения и истолкования этого феномена. К местным ученым присоединялись звездочеты из дальних стран, в том числе из Парфии, где их почтительно именовали волхвами. Это снова, к немалой моей гордости, сделало Александрию центром интеллектуальной жизни. Однажды вечером я лично встретила с учеными и попросила их составить астрологические таблицы для Цезариона, Птолемея и меня.

Они собрались в круглом мраморном зале Мусейона, в самом его центре. Большинство были одеты по-гречески, но присутствовали и чужеземцы в длинных расшитых одеяниях, и двое представителей Верхнего Египта в древних облачениях долины Нила.

– Почтеннейшие, – сказала я, глядя на разложенные перед ними на складных столах звездные карты и математические книги. – Меня удивляет, почему вы не выходите из здания, чтобы непосредственно наблюдать комету и небосвод.

– Некоторые из нас как раз этим и заняты, – ответил Гефестион, наш главный астроном. – Помост, оборудованный на крыше, полон народу. Остальные работают здесь, внося поправки и уточнения в звездные атласы по результатам наблюдений.

– Вы предвидели появление кометы? – спросила я.

– Нет, – признался он. – Она оказалась полной неожиданностью.

Значит, мы имели дело не с обычным природным явлением, но со сверхъестественным феноменом.

– И каково ваше заключение?

– Это таинственное явление предвещает некое великое событие. Может быть, рождение ребенка, чьим уделом станет исполнение одного из пророчеств.

Нет, суть в другом. Цезарион уже родился, следующий младенец потерян, и даже Октавиану – если предположить, что комета послана для него, – уже восемнадцать. Кто-то может вообразить, будто хвостатая звезда сулит ему судьбу нового Цезаря, но это, конечно, ложное толкование!

– Нет, рождение ребенка здесь ни при чем, – с раздражением промолвила я. – Куда более вероятно, что комета предвещает потрясения, связанные со смертью Цезаря.

Спорить ученый не стал и ответил вежливым кивком. Я обвела взглядом его коллег, споривших над картами, передала астрологу данные, необходимые для составления гороскопа, и спросила:

– Сможешь ты составить звездные таблицы в течение трех дней?

Мне не терпелось взглянуть на хитросплетения судьбы и узнать, что ждет впереди.

И снова он вежливо кивнул.

Когда гороскопы доставили во дворец, я обнаружила: Птолемею звезды не сулят ничего хорошего, несмотря на то что астрологи использовали самые многозначные и успокаивающие выражения. Моя же судьба и судьба Цезариона переплелись так, что мы должны черпать силу друг у друга. Еще имелось льстивое, но туманное утверждение: будто бы я «умру, как пожелаю, дабы жить вечно». Это можно было истолковать по-разному: то ли я умру такой смертью, какую пожелаю, то ли умру, потому что этого пожелаю? Что ж, таковы астрологи! Но я поняла одно: у Птолемея появится надежда на выздоровление, только если отвезти его на зиму в Верхний Египет.

– Не хочу туда! – заикался Птолемей, узнав о моем решении. – Мне здесь лучше. Там же ничего нет, кроме пальм, глинобитных хижин и крокодилов!

Да, там огромное количество крокодилов. Судя по последним донесениям, в нынешнем году они размножились необычайно. Нил выше Фив буквально кишел ими, и казалось, что по обе стороны реки разложили на просушку целый лес сморщенных бревен.

– В Верхнем Египте очень красиво, – сказала я, вспомнив свои путешествия. – Я поеду с тобой, помогу устроиться. Мы остановимся у усыпальницы Ком-Омбо и помолимся тамошнему крокодильему божеству, чтобы он отозвал свои полчища. И ты увидишь Филы – самый прекрасный храм Египта, расположенный на острове.

Брат скорчил рожицу.

– Мне это неинтересно! Я хочу остаться здесь и помогать строить игрушечную трирему для Цезариона.

– Я попрошу корабельных мастеров подождать до твоего возвращения, – пришлось пообещать мне. – Цезарион еще слишком мал, чтобы совершать в одиночку морские прогулки.

В начале путешествия Птолемей куксился и не желал смотреть ни на Нил, ни на проплывавшие мимо земли. Но я упорно обращала его внимание на состояние оросительных каналов и плотин, особенно на землях Дельты, всецело зависевших от ирригации. Здесь подъем Нила еще не начался – паводковые воды добирались сюда от Первого порога примерно за двадцать дней.

Птолемей, однако, лишь безучастно лежал под балдахином и кашлял. Он заслуживал сочувствия.

Мы проплыли мимо пирамид, и он едва удостоил их взгляда. Мы проплыли мимо Мемфиса, мимо оазиса Моэрис, мимо города Птолемеи – последнего греческого форпоста на Ниле, где уже был замечен подъем воды. Вместо того чтобы дожидаться паводка в Александрии, мы плыли ему навстречу.

Река расширилась в озеро, а мы двигались дальше: мимо Дендеры и храма Хатор, потом мимо Фив и огромного святилища Амона, мимо исполинских статуй Рамзеса, сидящих перед его погребальным храмом. Унылые скальные холмы, в чьих вырубленных недрах властвуют мертвые фараоны, простирались далеко за горизонт.

Неожиданно река стала кишеть телами крокодилов. Повсюду, куда ни глянь, вода пузырилась, а среди тростников появлялись чешуйчатые спины. Глинистая прибрежная полоса была буквально усеяна чудовищами. Некоторые зевали, показывая блестящие изогнутые зубы, другие лениво били хвостами и елозили в грязи.

– Посмотри! – сказала я, растолкав размороженного полуденным зноем Птолемея. – Ты когда-нибудь видел их в таком количестве?

Он недовольно заморгал, но при виде этого зрелища его глаза расширились.

– Великий Серапис! – воскликнул он. – Да здесь собрались все крокодилы мира!

Мы с замиранием сердца наблюдали, как собака спустилась к реке попить, отыскав на берегу место, казавшееся пустынным. Пси́на держалась настороже, но жажда пересилила страх. Едва ее морда коснулась поверхности, как из неподвижной воды вынырнула огромная пасть, и собака оказалась под водой столь стремительно, что я едва успела заметить движение хищника. Вода забурлила, визжащая жертва на миг мелькнула в воздухе, схваченная пастью страшилища, потом крокодил снова утащил ее на дно и держал там, пока она не захлебнулась. Когда он вынырнул снова, окровавленная тушка в его зубах уже не трепыхалась. Поскольку крокодил не мог проглотить добычу целиком, он рвал и глотал ее кусками, и растекавшаяся по воде кровь привлекла целую флотилию его сородичей. Они пытались вырвать у него добычу и пожирали плававшие вокруг куски плоти. Лапы и чешуйчатые хвосты молотили по кровавой воде.

Я поежилась. Неудивительно, что крестьяне попросили помощи у властей: при таком положении дел поход за водой превращался в рискованное предприятие. Я заметила, что деревенский водонаборный «журавль» с черпаком окружен высокой стеной из глинобитных кирпичей: люди опасались даже находиться рядом с ним, не говоря уж о том, чтобы спуститься к реке с кувшином или постирать одежду. Хуже того – река разливалась, подступая к улицам и домам вместе с крокодилами. Еще немного, и хищные твари будут средь бела дня ползать по улицам, прятаться под скамейками и дремать в тени за зданиями.

Птолемей как зачарованный двинулся к борту, и мне пришлось предостеречь его: я видела, как высоко способен выпрыгнуть из воды крокодил.

Когда мы добрались до храма Ком-Омбо, солнце уже садилось. Было очевидно, что совершить необходимые ритуалы мы сегодня не успеем. Я велела встать на якорь подальше от тростниковых зарослей и песчаных отмелей, а Птолемею сказала, что спать на палубе, хоть там и лучше дышится, на сей раз нельзя. Зубастые хищники только и ждут, когда с борта случайно свесится рука. Брат нехотя вернулся в свою каюту, с ворчанием улегся на койку, но заснул почти сразу же.

Я лежала в темноте, прислушиваясь к плеску воды. Может быть, мне только чудилось, что крокодилы царапали обшивку, пытаясь взобраться на борт? Едва забрезжил рассвет, я поднялась, накинула на себя мантию и вышла, чтобы увидеть восход солнца. Оно коснулось качающихся тростников и поцеловало золотистый песчаник храма, осветив его крышу и верхнюю часть колонн. Позади, среди окрашенных пурпуром облаков, еще проглядывали редкие звезды.

Мой отец выстроил часть этого святилища, чем очень гордился. На стенах храмов Верхнего Египта он представлял высеченным в камне – грозный владыка и воитель, совсем не похожий на того, кем был в жизни. Мне вспомнилось, как он привез меня сюда в детстве, чтобы показать новый пилон и колонны, и до самой ночи рассказывал о караванном торговом пути из Ком-Омбо к Красному морю. Некогда этим путем приводили на север африканских слонов, чтобы обучать их для нужд египетской армии. Тогда это место показалось мне волшебным, наделенным особой магией. Сегодня утром оно все еще сохраняло прежние чары.

Шевеление в тростниках означало, что крокодилы начинают свой день и нам пора последовать их примеру.

Через прибрежную илистую полосу на берег были перекинuty длинные сходни, огражденные решетками. По ним мы торопливо перешли на безопасное расстояние от воды, к огорчению вяло копошившихся под ранним солнышком крокодилов, и быстро поднялись на маленький холм. Там, у излучины Нила, над окрестностями возвышался храм. Нас приветствовали золоченые колонны с изображениями всех правителей, когда-либо участвовавших в его строительстве. В их числе мы увидели и моего отца, принимающего церемониальное очищение от Гора и Собека, ибо храм посвящался богу-соколу и богу-крокодилу. Собек имел облик могучего мужчины с зубастой крокодильей головой на широченных плечах, значительно выше обычного человеческого роста, в набедренной повязке. Его зал и алтарь располагались справа, и мы направились туда. Через крытый зал мы перешли от медового света снаружи сначала к сумраку, а потом и к крошечной тьме святилища Собека.

Мы зажгли свечи и приблизились к алтарю. Высеченная из темного гранита статуя бога сурово взирала на нас из мрака. Крокодилья голова была выполнена скульптором с необычайным искусством, чешуйка к чешуйке.

Как царица и земное воплощение Исиды, я обратилась к нему с укором:

– Великий Собек, почему ты беспокоишь мои земли? Зачем ты послал легионы крокодилов и запрудил ими всю реку ниже Первого порога? Может быть, тебе чего-то не хватает? Скажи, и я принесу жертву, чтобы ты отозвал своих тварей домой.

Идол лишь безмолвно тарачился на меня. Мерцающее пламя свечи играло на его бесстрастных чертах.

– Я дам тебе то, чего ты хочешь, но я прошу тебя не нападать на мои земли.

– Не надо говорить с ним в таком тоне, – шепнул Птолемей, потянув меня за платье.

Но я считала, что имею право так себя вести: ведь я Исида, а он, будем откровенны, лишь мелкое божество, властвующее над низкими тварями. Даже в этом храме ему принадлежала только половина, а другой завладел Гор.

– Я оставляю тебе дары, Собек, великий бог крокодилов! Но во имя Исиды и народа Египта, отданного на мое попечение, настоятельно прошу тебя отозвать своих зверей.

Иначе мы с Олимпием придумаем способ отравить воды и убить крокодилов.

Мы с Птолемеем произнесли нараспев хвалебный гимн Собеку и возложили перед его священной ладьей наши дары из цветов, вина и драгоценной мази. После чего, постояв несколько мгновений в молчании, удалились.

Солнце поднялось высоко и нагревало внутренний двор храма. С одной стороны находился некрополь мумифицированных крокодилов, с другой – большой круглый колодец «нилометра», связанный с рекой. Направившись к нему, я заглянула через край и с удивлением увидела, что вода поднялась не очень высоко – она едва приблизилась к риску, называемой «локоть смерти», уровень ниже которой грозил засухой и голодом. Между тем по времени воде пора было подняться выше.

Я забеспокоилась.

Мы поспешили обратно на судно, перешли по сходням через лежище крокодилов, провожавших нас весьма заинтересованными взглядами. Один огромный крокодилище разинул пасть, показав ряды страшных острых зубов и жирный язык – розовый, как цветок. Выглядел он внушительно; похоже, Собек хорошо заботился о своих подопечных.

– О Исида! – взмолилась я. – Будь милосердна к своим чадам так же, как Собек добр к своим!

Как бы то ни было, мы продолжим путь в Филы, доведем до великой богини свои тревоги и оставим Птолемея на ее попечение.

Спустя день плавания под парусом по мягким волнам Нила мы добрались до Первого порога. На сей раз его рев был приглушен, ибо вода поднялась, хоть и ниже обычного уровня, и скрыла под собой многие из острых скал. Участок сделался проходимым для лодок, но плыть следовало с большой осторожностью. Преодолев опасный отрезок, мы встали на якорь вблизи острова Филы в сумерках, когда в жемчужной глади воды отражалось вечернее небо.

В угасающем свете крохотный островок светился сотнями молитвенных свечей, оставленных паломниками. Стены великого храма Исиды были сложены из песчаника, но сегодня ночью он походил на тончайший алебастр, белый и прозрачный.

После той странной церемонии, соединившей меня с Цезарем, а потом показавшейся насмешкой, я обещала себе никогда сюда не возвращаться. Однако теперь я уже не была уверена в правильности такого решения. Возможно, церемонии и обряды, даже если они совершаются на чужих незнакомых языках, обладают собственной силой. Как знать – может быть, Цезарь все-таки чувствовал себя связанным со мной после того, что здесь произошло.

Огоньки угасали один за другим, задуваемые ветром, и очертания храма таяли в сумраке. Теперь он лишь угадывался в слабом свете нанизанного на тростник месяца.

Я лежала в постели, принимая ласку теплого ветерка, и чувствовала себя под защитой Исиды, чей дух витает над этим островом.

Мы высадились на берег на рассвете, до прибытия толпы паломников, ибо хотели встретиться с богиней наедине. Птолемей был совсем слаб. Даже короткое расстояние от места высадки до ворот храма далось ему с трудом.

– Смотри! – Я указала на первый пилон с великолепным изображением нашего отца: облаченный в боевые доспехи, он в блеске и славе сокрушал врагов.

– Да-да, я вижу, – устало отозвался брат.

– Ваши величества, – низким мелодичным голосом произнес облаченный в белое жрец Исида, с поклоном встретивший нас, – во имя богини мы приветствуем вас в ее храме.

– Мы пришли, чтобы просить богиню об исцелении, – сказала я.

– Разумеется. – Жрец кивком головы указал на оставленные во внутреннем дворе разнообразные дары. – Многие приходят сюда за этим, и не только египтяне: нубийцы с юга, арабы, греки, даже римляне. Наш храм – средоточие целительных сил, расположенное недалеко от Нила. К тому же здесь погребен Осирис. Это воистину священная земля.

Он сочувственно посмотрел на Птолемея и даже протянул руку, чтобы погладить его по плечу, но вовремя вспомнил, что это запрещено. Я сама обняла брата за плечи и спросила, можно ли нам приблизиться к святыне.

– Дары несут следом, – пояснила я, указав на четверых слуг в одеяниях из нового небеленого полотна: они несли золоченые шкатулки с миртом, золотом, корицей и сосуды со священным белым сладким вином из Мареотиса.

Жрец повернулся и медленными размеренными шагами, как предписывал церемониал, повел нас через порталы первого пилона во двор поменьше, а потом через вторые двери – в темный зал, где пребывала сама святая святых.

Никакой естественный свет сюда не проникал. Камни прилегали друг к другу так плотно, что не оставалось ни щелочки, куда могло бы пробиться солнце. Большая, в полный рост, золотая статуя Исида освещалась мягким желтым светом свечей в высоких канделябрах.

Богиня была прекрасна – безмятежная, все прозревающая и сочувствующая. Глядя на нее, я ощутила, что на меня нисходит умиротворение. Такой покой даровался мне лишь изредка, да и то мимолетно.

«О великая богиня! – бормотала я про себя. – Как могла я забыть твой благословенный лик!»

Я поклонилась, впитывая неземную благодать и преисполняясь благодарностью, ибо из всех женщин мира я одна сподобилась чести стать земным воплощением Исида.

Жрец бросил благовония в кадило у ног статуи, и воздух наполнился нежным благоуханием. Он начал обряд, нараспев возглашая хвалу богине:

Дарующая жизнь, в священном холме обитающая, О ты, вод разливами повелевающая, Людям жить, растениям расти позволяющая, Жертвы иным богам приносить разрешающая! Мольба моя к тебе, о преображенная! К ней – ибо она госпожа небес, Ее муж – владыка подземного мира, Ее сын – истинный господин земли,

Ее муж – живую водой воссозданный. Истинно, истинно она Владычица Земли, небес и царства подземного, Ибо их подвигла к существованию, Ибо руки творят ее, сердце чувствует. Рукокрылая, бдит она в каждом городе, Бдит за Гором-сыном и братом своим Осирисом.

Я шагнула вперед и, положив свои дары, сказала:

– Дщерь Ра, узри меня, Клеопатру, пришедшую к тебе, дабы созерцать твой прекрасный лик! О Исида, дарящая жизнь, услышь меня и прими мое вечное преклонение.

Я склонила голову.

Богиня молчала. Теперь надлежало исполнить гимн, и я решила пропеть свой любимый – радостный, ни разу не звучавший после нашей с Цезарем брачной церемонии.

О Исида, великая мать бога, владычица Фил, Супруга бога, возлюбленная его и его десница, Божественная мать, великая царская супруга, Слава и украшение небесных покоев, Ты – облако чистое, жизни влагой поля поящее, Ты – светоч любви, госпожа Верхнего и Нижнего Египта, Ты – повелевающая сонмом божественным, Правящим сообразно твоим указаниям, Ты – царица очарования, восторга владычица, Ликом прекрасная, свежим миртом венчанная!

Из алькова позади статуи зазвучал высокий голос жреца, отвечающего от имени богини:
– Сколь прекрасны твои дары, моя возлюбленная дочь Исида, увенчанная диадемой Клеопатра! Тебе вверила я эту землю, радуйся!

Послышался сухой серебристый треск систра, и бестелесный голос продолжил:

– Я заставлю эту землю бояться тебя; я отдала тебе эту землю; я заставлю чужие страны бояться тебя.

«Заставлю чужие страны бояться тебя...» К какой судьбе она меня призывает? У Птолемея давным-давно нет никаких заморских владений, а чужие страны боятся Рима.

Я поклонилась, показывая, что приняла ее благословение и дары.

Птолемей стоял рядом со мной прямо, как палка, и дрожал.

– Теперь ты должен обратиться к ней, – сказала я. – Она ждет.

Однако он продолжал молчать, будто боялся заговорить.

– Оставлю тебя наедине с ней, – сказала я. – Может, так будет лучше.

Выйдя из темного, наполненного дымом святилища на яркий утренний свет, я почувствовала, что у меня закружилась голова. Внутренний двор по-прежнему оставался безлюдным: стражи не допускали паломников, пока не удалимся мы. Я была одна, не считая пары жрецов, что ходили в тени колонн, раскачиваясь и произнося нараспев молитвы.

С одной стороны двора находился родильный покой, украшенный символическими изображениями рождения Гора, сына Исиды и Осириса. Храм был расписан образами из знакомой каждому египетскому ребенку истории Исиды и ее супруга и брата Осириса. Все знают, что Осириса убил его злобный брат Сет, но верная Исида, изнемогая от горя, не прекращала поиски, пока не отыскала мужа. Потом она таинственным образом зачала от мертвого Осириса сына – бога Гора, родившегося в папирусном болоте Нижнего Египта. Затем злой Сет снова убил Осириса и расчленил тело, но Исида опять вернула его к жизни в подземном царстве, где «он, который постоянно счастлив», правит в качестве царя мертвых. Выросший и возмужавший Гор отомстил за отца, убив своего дядю. Осирис, Исида и Гор составляют божественное семейство, благословенную троицу. Родильный покой сооружен в память о чудесном зачатии. Рядом с Филами, на соседнем острове Бегех, захоронена частица плоти Осириса, и каждые десять дней золотую статую Исиды переправляют в священной барке к ее божественному супругу, воспроизводя старую историю. Сейчас я видела каменистое побережье того острова в просвет между колоннами.

Меня потрясло, насколько все это похоже на мою собственную историю. Я была Исидой, Цезарь – Осирисом, Цезарион – Гором. Цезарь, убитый злыми людьми, теперь стал богом, мне же осталось скорбеть о нем, мстить за него и воспитать сына так, чтобы тот стал истинным наследником отца, с честью носил его имя и продолжил его деяния. Подобно Исиде, я пребывала в великом одиночестве и искала по земле его следы, каждую его частицу.

Неожиданно набравшись решимости, я направилась к маленькой часовне, где мы когда-то приносили обеты. Следы... частицы... что-то должно там остаться.

Я вошла в маленькую квадратную комнату. Ее стены украшали рельефные изображения фараонов, подносящих дары Исиде под взором крылатого стервятника Верхнего Египта. Как раз здесь мы и стояли, эти камни задевал подол плаща Цезаря. Я протянула руку... но схватила только воздух.

И все же я была не одна. Нас разделял лишь тончайший барьер времени и смерти, строящийся охраняемый и до поры непреодолимый. Я больше не чувствовала себя обманутой и обездоленной, ибо странным образом обрела утешение. Давняя церемония не утратила силу. Она соединяла нас даже через границу смерти.

Выйдя наружу, я стала прогуливаться на солнышке, поджидая Птолемея и прислушиваясь к ласковому, успокаивающему плеску воды. Потом мне вспомнилось, что здесь тоже есть

«нилометр» в виде спускавшейся к воде лестницы с мерными ступеньками. Оказалось, что вода по-прежнему стоит на пять ступенек ниже минимальной отметки, и сердце мое вновь тревожно забилося.

Некоторый подъем, конечно, произошел, иначе мы не преодолели бы вплавь Первый порог; однако он был слабее, чем следовало. Я непроизвольно отыскала взглядом изображение Хапи, бога Нила, пребывающего в пещере Порогов, и стала читать молитвы.

Не помню, сколько времени это продолжалось. Наконец я подняла глаза и увидела, как двое жрецов выводят из храма с трудом переставляющего ноги Птолемея. Тот заходился в кашле.

– Он сильно потрясен встречей с богиней, – сказал один из жрецов, обмахивая его.

Птолемей продолжал кашлять, и меня посетила кошунственная мысль о том, что на бедняжку подействовало не присутствие богини, а дымные курения. Олимпий наверняка согласился бы со мной: он считал, что благовония – яд для легких.

– Мы хотим оставить его на вашем попечении в храмовой лечебнице, – сказала я. – Ведь у вас есть дом, где жрецы и жрицы ухаживают за больными, обратившимися к Исиде?

– Да, закрытый дом. То есть он открыт не для каждого, поскольку всех жаждущих исцеления не вместил бы и огромный дворец. У нас же маленькое помещение, но наши пациенты всегда окружены заботой.

Осмотрев лечебницу, я осталась довольна увиденным: мощный внутренний двор безукоризненно выметен, вокруг колодца в центре двора растут цветы, по комнатам не бегают ни собаки, ни кошки. Служительницы были аккуратны и исполнены рвения, ибо осознавали, сколь почетно служить Исиде на поприще врачевания. Уподобляясь Асклепию, они старательно ухаживали за немощными: выгуливали их на солнышке, читали им, приносили еду. Это сулило Птолемею самый лучший уход, какой только возможен.

Узнав, что его собираются оставить при храме, он не стал возражать, и я встревожилась. Это значило, что у него нет сил бороться.

Когда Птолемея укладывали в постель, я поглаживала его лоб и уверяла, что богиня непременно пошлет ему исцеление и через год он вернется в Александрию, а недуг останется лишь воспоминанием.

Он послушно кивнул и крепко сжал мою руку.

Я решила не отплывать сразу, а задержаться на несколько дней, но не стала говорить об этом брату, чтобы он не взбрыкнул и не попытался уехать вместе со мной. Жрецу было велено докладывать мне о состоянии Птолемея каждое утро и вечер.

В первые четыре дня все шло неплохо. Птолемей хорошо спал, цвет его лица улучшался, он даже ел суп и хлеб. Но на пятый день жрец примчался ко мне до заката.

– Его величество!.. Он поперхнулся едой, и у него начался приступ кашля, а потом он потерял сознание. Мы обмахивали его, посадили в постели, и тогда он стал харкать кровью.

– Я лучше пойду с тобой.

Мы торопливо вышли и поспешили к лечебнице.

Птолемей сидел, тяжело откинувшись на подушки, руки его выглядели вялыми, как срезанные ветви ивы, на смертельно бледных щеках выступили красные пятна. С того дня, когда мы виделись в последний раз, он сильно изменился.

– Птолемей! – тихо позвала я, опустившись рядом с ним на колени.

Он открыл глаза и с трудом сфокусировал на мне взгляд:

– О... а я думал, что ты уехала.

– Нет, я все еще здесь. И останусь, пока я тебе нужна.

– Да...

Он протянул слабую руку и нащупал мою. Я взяла его руку – она была жаркой и сухой, как оболочка саранчи, лежащая на солнце.

Он издал сильный вздох, наполнив легкие воздухом, а когда выдохнул, из ноздрей его появилась красная пена. Потом он закрыл глаза и больше уже их не открыл.

Я почувствовала дрожь. Его маленькая рука чуть сжалась, а потом обмякла. Он умер спокойно, без агонии, распрощавшись с этим миром одним вздохом.

Я ничего не сказала, но еще долго держала в ладонях его бедную маленькую руку. Время для слов настало потом, когда вернулся жрец.

Теперь наша ладья, превратившаяся в похоронную барку, плыла вниз по Нилу. Жрецы в Филах приготовили Птолемея к последнему путешествию – и в Александрию, и в вечность. На изготовление гроба для перевозки и подготовку тела ушло немало времени. Я ждала, повиснув между миром живых и царством мертвых.

День за днем Нил на моих глазах пытался подняться выше, но его усилия были тщетны. Похоже, беды обрушились на меня нескончаемой чередой: после потери мужа, ребенка и брата меня ожидала угроза голода в стране.

«Хватит ли у меня сил? – спрашивала я Исиду. – Мне столько не вынести!»

«Ты должна, а потому справишься», – шептали мне в ответ бесстрастные воды.

Траурная ладья плыла и плыла. Люди по пути следования выходили к берегу и молча провожали нас взглядами, держась в отдалении из-за крокодилов. Путешествие казалось бесконечным. Когда мы проплыли мимо Ком-Омбо, я вспомнила, как Птолемей был заморожен богом крокодилов, и расплакалась. Столько разных вещей интересовали и восхищали его! Мир станет более скучным без его смеха и мальчишеского любопытства.

Он возвращался в Александрию. Я вспомнила свое обещание: «На следующий год ты вернешься в Александрию, и твой недуг останется воспоминанием».

Богиня позволила моим словам сбыться в точности, но не в том смысле, какой вкладывала в них я.

Глава 5

Безжалостное, ослепительно-яркое солнце лило свет на похоронный кортеж, как воду из кувшина. Повозка, что везла саркофаг с Птолемеем, двигалась по улицам Александрии, повторяя маршрут всех официальных процессий. Он завершался на Соме, в царском мавзолее, возведенном на пересечении двух главных улиц.

Все мои предки покоились здесь в резных каменных гробницах. Погребальные вкусы менялись – от простого и неприязнательного каменного четырехгранника, принявшего в свое чрево Птолемея Первого, до пышно изукрашенного надгробия Птолемея Восьмого – всю поверхность саркофага покрывали резные растительные узоры. Это был жуткий парад мертвых. Я поежилась, пройдя мимо гробницы отца и мимо нарочито скромного (так его посмертно наказали за измену) саркофага моего второго, мятежного брата.

Для Птолемея изготовили гроб из отполированного до блеска розового гранита с резными изображениями лодок и лошадей. Мне хотелось запечатлеть в камне все, что он любил в жизни, но такое множество разнообразных вещей просто не могло бы там уместиться.

Пылающие факелы освещали подземный коридор. Но вскоре ворота с лязгом захлопнулись, и мы вышли на дневной свет.

Двое похорон – разные, но одинаково ужасные. Цезаря сожгли и только кости его собрали и замуровали в фамильном склепе. Тело Птолемея благодаря искусству бальзамировщиков сохранено в целости, но заключено в темный холодный камень. Смерть гротескна.

Во дворце и во всей Александрии объявили семидневный траур. Дела были приостановлены, послы ждали, суда стояли на якоре со своими грузами, счета оставались неоплаченными.

Уже наступил октябрь, и сомнений в том, что Нил нас подвел, не осталось. На «нилометрах» вода еле-еле поднялась до «локтя смерти». Здесь, в Нижнем Египте, она растекалась лужицами и струйками, едва наполнив резервуары, а теперь, на месяц раньше срока, уже начала убывать.

Это означало голод.

Правда, низкий уровень воды не сулил ничего хорошего и крокодилам. Не находя добычи, одни зверюги закапывались в ил, чтобы заснуть до лучших времен, а другие – в поисках пропитания выползали далеко на сушу, где крестьяне убивали их копьями. Но большая часть тварей, по всей видимости, вернулась в верховья реки. Собек все-таки внял моим словам. Точнее, словам пребывавшей во мне Исиды.

Когда официальное время траура истекло, я вызвала Мардиана и Эпафродита, чтобы поговорить о видах на урожай.

– Да, будет недород, – сказал Мардиан. – У меня уже есть подсчеты.

– Насколько большая нехватка? – осведомилась я.

– Худшая на нашей памяти, – ответил он, качая головой. – Хорошо еще, что предыдущие два года были щедры и закрома не пустуют.

«А ведь это как раз те два года, когда я была в отлучке», – подумалось мне.

– Может быть, для блага Египта требуется, чтобы его царица жила подальше от своей страны? – невольно промолвила я.

Мардиан поднял брови.

– Интересно, а где бы ты могла жить? Какие другие места сравнятся с Александрией?

– О, я бы подумала об Эфесе или Афинах.

Мне хотелось увидеть эти прославленные города и два чуда – великий храм Артемиды и Парфенон.

– Ба! – воскликнул Эпафродит. – Там же одни греки. Ну кому, скажите на милость, понравится жить среди греков?

– А что, в этом есть смысл, – усмехнулся Мардиан. – Греки очень много спорят, почти столько же, сколько иудеи. Вот почему Александрия так склонна к бунтам: греки и иудеи в одном котле – это гремучая смесь.

– Не то что вы, мирные египтяне! – фыркнул Эпафродит. – Такие спокойные, что сами себе до смерти надоели.

– Вот что, уважаемые, – прервала их я, – давайте хоть здесь обойдемся без споров. Мои сановники должны быть выше национальной розни. Хватит шуток. Скажите, что останется в казне, если нам придется потратиться на помощь голодающим? Смогу ли я приступить к строительству флота?

Мардиан встревожился:

– Дражайшая госпожа, это огромные расходы!

– Без расходов не спасти доходов, – возразила я. – Очевидно, что рано или поздно Рим вновь обратит взор на Восток. Последние разногласия между Цезарем и Помпеем были улажены в Греции. Убийцы хотят направиться на Восток, – я знаю это. Я чувствую это. И когда они поступят так, мы должны быть готовы защищать себя или оказать помощь партии Цезаря.

Мардиан то скрещивал ноги, то расставлял их, – так бывало всегда, когда он напряженно думал.

– А как насчет четырех легионов, оставленных здесь? – задал он вопрос.

– Они приносили присягу Риму. Нам нужна своя собственная сила. В первую очередь на море.

Все хорошо знали, что римляне не отличались любовью к морю. На суше их легионы побеждали, однако римский флот подобной славы пока не стяжал.

– Да, я согласен, – сказал Эпафродит. – Полагаю, казна это выдержит. Правда, потребуется большая часть имеющихся у нас средств. Резервов не останется никаких.

Ничего. Поступления в казну возобновятся, а флот нужно строить как можно скорее.

– Думаю, нам потребуется как минимум две сотни кораблей, – сказала я. На лицах моих собеседников отразилось удивление, и я пояснила: – Если меньше, то это не флот. Полумеры тут неуместны, они обернутся пустой тратой денег.

– Да, ваше величество, – согласился Эпафродит. – Следует ли мне распорядиться о закупке корабельного леса и найме корабельных плотников? Кстати, что ты скажешь о составе будущего флота? Это должны быть боевые корабли, квадриемы и более тяжелые суда, или легкие, ливанского типа? Я должен знать, какие бревна заказывать.

– И те и другие, пополам, – ответила я, поскольку много читала о морских битвах и поняла, что лучше прикрыться по обоим флангам. Бывало, сражения проигрывали как раз из-за того, что чересчур полагались на один тип корабля. – И я сама хочу научиться командовать боевым кораблем.

Эти слова повергли обоих моих советников в растерянность.

– Но зачем? – не выдержал Эпафродит. – Царица вполне может положиться на флотоводцев.

– Флотоводцы, конечно, будут, но под моим началом.

– Ну и дела, – простонал Мардиан, закатывая глаза, но я не обращала на него внимания.

– В марте или апреле голод усилится, и нам придется открыть зернохранилища. Надо уже сейчас объявить об этом народу.

Зерно Египта – пшеница и ячмень – собирали в огромные зернохранилища Александрии, дожидаясь отправки или распределения. Охрана их, особенно в неурожайные годы, была серьезной задачей, и я приказала удвоить караулы.

– Сейчас? – Мардиан нахмурился. – Тогда многие явятся за помощью раньше, чем дойдут до настоящей нужды.

– Может быть. Зато мы избежим страха и неопределенности, что подталкивают народ к бунту.

Мардиан вздохнул. Он предпочитал разбираться с проблемами по мере их возникновения, а не предотвращать их.

– Это вековая проблема Египта, – заметил Эпафродит. – В нашем Писании есть рассказ о точно таком же голоде. Думаю, это представляет некоторый интерес для тебя. Я пришлю копию.

– Похоже, в твоём Писании можно найти все что угодно, – указала я. – Но копию присылай, мне любопытно.

К вечеру, как и обещано, мне доставили манускрипт – список с греческого перевода иудейской (разумеется, мифической) истории о фараоне, сумевшем с помощью провидца предвидеть наступление голода и тем спасти свой народ. Я подумала, что эта легенда понравится Цезариону, и велела слугам перед отходом ко сну привести его ко мне.

Теперь у него были собственные покои, наполненные игрушками, ручными зверьками, мячиками, играми и всем тем, что нужно маленькому мальчику. Там стоял и бюст Цезаря, и к нему каждый день возлагались дары. Я хотела, чтобы сын всегда видел перед собой образ отца.

В три с половиной года Цезарион был серьезным, задумчивым мальчиком. Он обещал вырасти высоким, а его лицо уже теряло младенческую округлость и все более походило на лицо Цезаря. Бойкой речи Цезариона могли бы позавидовать дети постарше.

– Подойди и сядь рядом со мной, – сказала я, подкладывая диванную подушку.

Небо за окном приобрело серый сумеречный оттенок, характерный для того времени, когда день соскальзывает в ночь. Сын послушно подошел и уселся, прислонившись ко мне.

– Наш добрый друг Эпафродит прислал мне историю о древнем фараоне и его мудром сановнике. Я решила, что она тебе понравится.

– Расскажи мне ее, – серьезно попросил малыш.

– В древности, когда иудеи впервые пришли в Египет, тогдашнему фараону приснился сон – что-то вроде ночного кошмара. Ему приснилось, что семь зрелых и сладких колосьев были пожраны семью тощими и иссушенными колосьями, а семь тучных коров, пришедших к Нилу на водопой, – семью тощими коровами, вышедшими из реки.

Цезарион поежился.

– Разве корова может съесть корову? – серьезно поинтересовался он.

– Это был сон, – пояснила я, – а в снах случается много такого, чего не бывает в жизни. Так или иначе, фараона это озадачило. Проснувшись, он созвал своих мудрецов. Однако никто из них не мог понять, что значит такой сон.

– Неудивительно, – понимающе кивнул Цезарион. – В нем нет никакого смысла.

– Давай я расскажу тебе, что случилось дальше. Один из фараоновых слуг вспомнил про заточенного в темницу еврея по имени Иосиф, умевшего толковать сны. Фараон послал за Иосифом. Иудея мигом отпустили из узилища, дали ему побриться и переодеться и привели к фараону. Фараон сказал, что никто из мудрецов не смог истолковать его сон и что ему докладывали, будто Иосиф хорошо умеет это делать. Иосиф в ответ заявил, что не сам он, но Господь дает ответ его устами. Тогда фараон рассказал ему свои сны – ну, про тех коров, толстых и тощих, каких он отроду в Египте не видел. – Цезарион хихикнул, а я продолжила: – Ничего смешного. А потом и про колоски рассказал – как увядшие колоски пожрали другие, налитые полновесным зерном.

Цезарион призадумался.

– Мама, а ведь это не такая уж глупость. Наверное, сны как-то связаны с едой – зерно, коровы...

– Умница! – похвалила его я. – Вот и Иосиф сказал фараону, что семь тучных коров и семь налитых колосков – это сытные урожайные годы, а тощие коровы и колоски, иссохшие на восточном ветру, знаменуют собой семь лет голода, которые наступят после семи лет благополучия. Вот что значил сон, а если он повторился дважды, стало быть, в нем истинное слово Божие. А еще Иосиф сказал ему, – далее я стала читать прямо по выписке: – «И ныне да усмотрит фараон мужа разумного и мудрого, и да поставит его над землею Египетскою. Да повелит фараон поставить над землею надзирателей и собирать в семь лет изобилия пятую часть (всех произведений) земли Египетской. Пусть они берут всякий хлеб этих наступающих хороших годов и соберут в городах хлеб под ведение фараона в пищу и пусть берегут. И будет сия пища в запас для земли на семь лет голода, которые будут в земле Египетской, дабы земля не погибла от голода. Сие понравилось фараону и всем слугам его. И сказал фараон слугам своим: найдем ли мы такого, как он, человека, на котором был бы Дух Божий? И сказал фараон Иосифу: так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты. Ты будешь над домом моим; и твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя. И сказал фараон Иосифу: вот, я поставляю тебя над всею землею Египетскою»⁶.

Цезарион заерзал:

– С чего это фараон так ему доверился? А вдруг Иосиф ошибся?

Я обняла сына:

– Мальчик мой, величайший дар правителя – способность видеть, понимать и верно оценивать тех, кто ему служит. А теперь слушай дальше. «Иосифу было тридцать лет от рождения, когда он предстал пред лице фараона, царя Египетского. И вышел Иосиф от лица фараонова и прошел по всей земле Египетской. Земля же в семь лет изобилия приносила из зерна по горсти. И собрал он всякий хлеб семи лет, которые были плодородны в земле Египетской, и положил хлеб в городах; в каждом городе положил хлеб полей, окружающих его. И скопил Иосиф хлеба весьма много, как песку морского, так что перестал и считать, ибо не стало счета»⁷.

– Ой! – воскликнул Цезарион. – Вот бы мне посмотреть на такие груды зерна!

– А потом, как и предсказано, наступили голодные годы. Во всем мире был недород, но только в Египте имелись огромные запасы зерна. Поэтому, когда пришло время, Иосиф открыл закрома и стал продавать зерно и египтянам, и в те страны, что обращались за помощью. Как видишь, – я отложила свиток, – Египет спас мир от голодной смерти.

– Ты думаешь, это правдивая история? Так было на самом деле?

– Ты хочешь знать, жил ли на свете такой иудей Иосиф, толкователь снов? Не знаю. Зато я знаю другое: у нас есть зернохранилища, где мы собираем хлеб, чтобы защититься от голода. И мы умеем предвидеть голод по тому, как высоко поднимается Нил. Правда, не на семь лет вперед, а лишь на год. Мы уже понимаем, что в нынешнем году еды будет недостаточно. И точно так же, как Иосиф, откроем наши хранилища и распределим пищу, когда придет время.

– Для всего мира!

– Египет уже кормит целый мир, – сказала я. – Мы вывозим зерно в Рим, Грецию, Азию. Мы очень богатая страна.

Я взъерошила его волосы, начинавшие темнеть.

– Когда мы откроем хранилища, хочешь посмотреть?

– Еще бы! – зажегся мальчик. – Конечно, мне хочется взглянуть на запасы зерна. Они, наверное, как горы.

– Да, – кивнула я, – золотые горы.

– Ты доверяешь Эпафродиту и Мардиану, как фараон доверял Иосифу? – неожиданно спросил он.

⁶ Быт. 41: 33–41.

⁷ Быт. 41: 46–49.

Мне не пришлось колебаться.

– Конечно доверяю. Мне повезло со слугами: они надежны и достойны доверия.

– А как ты определяешь, кому доверять, а кому нет? – любопытствовал малыш.

– Как я уже говорила, это дар. И конечно, ты должен следить за тем, что они делают, – ответила я.

Но тут же поняла, что ничего не объяснила. Увы, даже самых умных и проницательных правителей предают, и самый опасный предатель – тот, кто хранит верность до последней минуты. Никто не изобличит его, если он сам не осознает, что собирается изменить.

Цезарион обвил мою шею руками:

– Доброй ночи, мама. Пожалуйста, пусть тебе не снятся гадкие хищные коровы!

Он взял няню за руку и весело направился к себе в спальню.

Нет, хищные коровы мне не снились. Мне приснился флот – мой замечательный флот, который я построю из крепких сирийских бревен. А еще мне снилось морское сражение: я поднимала паруса и устремлялась в бурное море...

И пробудил меня шум беспокойного моря – начинался сезон осенних штормов.

Верфи в Александрии и по всей Дельте работали непрерывно, и постепенно флот становился реальностью. Благодаря своей отваге и мореходным навыкам (очень хорошо оплаченным) сирийцы, несмотря на погоду, доставили к нам морем корабельный лес, включая длинные бревна, пригодные для строительства самых больших боевых судов. Элементы оснастки – весла, паруса, рули, канаты и носовые тараны – изготавливались отдельно и быстро устанавливались. Чтобы иметь возможность скорого развертывания, я решила поделить флот на две части и приказала наместнику Кипра приспособить порт для постоянного базирования военных кораблей. По ходу изучения корабельного дела я, к великому восторгу Цезариона, приказала построить маломерную трирему. Сын часто уговаривал меня спуститься к царской гавани и взглянуть, как идет работа. Предполагалось, что суденышко в двадцать футов длиной будут приводить в движение двое взрослых гребцов; остальные весла представляли собой декорацию.

– А я буду капитаном? – спросил Цезарион, вышагивая по палубе наполовину законченного судна и с любопытством рассматривая все детали.

– Да, но пока тебе не исполнится семь лет, тебе нужен взрослый помощник, – ответила я. – Настоящий моряк. Никто из моей семьи больше не пострадает из-за несчастного случая на море.

– Как мне назвать эту лодку? – задумался мальчик.

– Нужно красивое название. Решать тебе.

Он снова призадумался, отчего стал казаться старше, и посетовал:

– Решать – это так трудно...

С наступлением римского нового года пришло известие: первый из числа заговорщиков поплатился за свои деяния – Требоний. Сам он не орудовал кинжалом, но сыграл в заговоре немаловажную роль: задержал в тот день Антония, не дав ему явиться в сенат. Теперь Требоний решился отправиться в провинцию Азия, наместником которой его, не ведая зла, великодушно назначил Цезарь. Тогда Долабелла, один из приверженцев партии Цезаря, вторгся туда с войском и отобрал провинцию.

Сам Требоний был убит. Его отсеченную голову победитель сначала швырнул под ноги статуе Цезаря, а потом выбросил на улицы Смирны, где мальчишки играли ею как мячом.

Так началось воздаяние. Полученная весть обрадовала меня; жаль только, что я сама не могла попать ногой окровавленную голову убийцы.

В Риме, однако, Октавиан и Антоний стали открытыми врагами, поскольку Цицерон настроил сенат против Антония. Оратор вообразил, что в случае победы Октавиана он, в каче-

стве мудрого наставника при неопытном юноше, будет властвовать над Римом и войдет в историю как великий правитель и спаситель отечества. Самомнение подвело Цицерона: он плохо знал Октавиана и в итоге оказался в дураках.

Однако в те дни тщеславный старик написал и произнес ряд пламенных речей, обличающих Антония. Большинство обвинений представляли собой чистейший неправдоподобный вымысел, но сенат объявил Антонию войну. Что поделать, ложь зачастую звучит убедительнее правды, а в искусстве опорочить человека инсинуациями, намеками и насмешками Цицерон не знал себе равных. Правда, в конце концов клеветник тоже поплатился жизнью, но уже после того, как оклеветанный Антоний расстался со своей.

Мои предвидения оправдались: пробыв некоторое время в Афинах, Брут направился в Македонию, а Кассий прибыл в Азию. Теперь их объединение и попытка установить контроль над восточными землями стали вопросом времени.

Война была неизбежна.

Кассий пытался лишить Долабеллу его наместничества, и тот обратился за помощью ко мне. Он попросил послать к нему стоявшие в Египте римские легионы. И снова ситуация сложилась так, как я предвидела. Выбора у меня не было: если не отправить солдат к Долабелле, их затребует Кассий. Впрочем, на этом этапе Кассий переиграл и меня, и Долабеллу. Он перехватил отправленные мною войска и переманил их на свою сторону, в результате чего солдаты, оставленные Цезарем охранять меня, оказались под началом убийцы своего командира, моего злейшего врага. Получив подкрепление, Кассий обрушился на Долабеллу, изгнал его из Сирии и осадил в городе Лаодикея. Тот понял, что проиграл, и покончил с собой. Кассий установил контроль над Сирией и Малой Азией, собрав под своей рукой четырнадцать легионов: восемь были предоставлены префектами Сирии и Вифинии, четыре достались ему от меня и два – от побежденного Долабеллы.

Четырнадцать легионов! Потом последовал самый тяжкий удар – он вынудил Серапиона, моего наместника на Кипре, отдать все находившиеся там корабли нашего нового флота. Они уплыли в Азию и присоединились к Кассию.

Вероломство торжествовало. Убийцы не просто укрепляли свое положение, но и делали это за мой счет.

Затем Кассий обратил свой взор на мою страну и во всеуслышание объявил: чтобы отомстить за отправку легионов Долабелле, он намерен вторгнуться в Египет, присоединить его к своим владениям и присвоить наши богатства – поставить их, как он сказал, «на службу делу освободителей».

Увы, даже этим наши беды не исчерпывались, и вслед за недородом на Египет обрушилась чума. Казалось, сами небеса ополчились против меня, вознамерившись сокрушить мое царство.

И я, и Мардиан, и Эпафродит, и Олимпий работали без сна и отдыха. Каждое утро на площадях вырастали курганы из свезенных туда мертвых тел. Мертвецов не бальзамировали, ибо бальзамировщики боялись прикасаться к жертвам заразы, а сжигали, словно мусор.

Однажды утром, после особенно тревожной ночи, Олимпий принес мне рукопись и сказал, что я должна ее прочесть: автор дал блестящее описание заболевания.

– А что толку от описания? – спросила я. – Всякий может описать чуму. Лихорадка, жажда, высыпание фурункулов, черные гнойники, которые прорываются, и скорая смерть. Вопрос в том, как остановить поветрие.

– Вот поэтому я и прошу тебя прочесть рукопись. У автора есть свои соображения насчет того, как болезнь распространяется.

Олимпий буквально всунул свиток мне в руку.

– Ладно, уговорил. Чтобы покончить с ней, я готова читать что угодно. Хоть твое Писание. – Я глянула на Эпафродита. – Бьюсь об заклад, там и на сей счет что-нибудь есть.

Он ухмыльнулся:

– Как ты узнала?

– Чего там только нет! Итак, какой способ исцеления предлагает твоя книга?

– Никакого, – нехотя признал он. – Там говорится о череде поветрий: нашествие лягушек, москитов, мошек, саранчи, сыпи, посланной людям в наказание. То есть причина напасти не в земной природе.

– А какой смысл устраивать *эту* чуму? Я не могу поверить, что боги помогают нашим врагам! Теперь нужно ожидать полчищ мошкар, лягушек и саранчи?

Сочетание чумы, недорода и потери половины флота привело нас на грань разорения, но на верфях Александрии строительство кораблей не прекращалось. Если Кассий хочет заполучить и эти суда – пусть явится за ними ко мне. И погибнет.

Мне доложили, что из Сирии прибыл посланец от Кассия, напавшего теперь на Родос для захвата денег и кораблей. Я приняла его в парадном зале, восседая на троне в полном царском облачении.

Когда одетый по-походному римлянин вошел в зал, его вид всколыхнул во мне старые воспоминания. Казалось, этот ничтожный человечешка влез в скорлупу Цезаря: такой же нагрудник, кожаные набедренники, хлопавшие на ходу, плащ, перекинутый через плечо.

Посланец едва удостоил меня кивка, но ему пришлось дожидаться моего разрешения говорить.

– Чего ты хочешь? – холодно спросила я.

– Я явился от имени Гая Кассия Лонгина, – сказал он. – Мой командующий требует, чтобы ты отправила остатки твоего флота в Сирию. Немедленно.

При всей моей ненависти и презрении к убийцам я знала, что хитрости и отговорки, уловки и проволочки – более мощное оружие, чем открытое неповиновение. Если человек не в состоянии контролировать свою мимику и речь перед лицом врага, он обречен на поражение. Поэтому я надела на лицо фальшивую улыбку и беспомощно развела руками.

– Охотно, – ответила я, хотя слова эти терзали мой собственный слух. – Но моя страна опустошена чумой. Строительство флота не завершено, и я не могу найти работников, чтобы продолжить его, не говоря уж о матросах. Мы в бедственном положении. Ты отважный человек, если появился у нас, рискуя собственной жизнью!

Он перетаптывался с ноги на ногу, и я заметила, что ноги у него кривые.

– Правда? – Голос посланца прозвучал хрипло.

– Да. Чума собирает свою жатву повсюду. Один из наших врачей недавно предположил, что зараза распространяется по воздуху. – Я обвела руками зал. – Это объясняет ее таинственную способность атаковать неведомо откуда. Никто не огражден от болезни. А иноземцы, похоже, особенно уязвимы.

– Я чувствую себя отлично, – буркнул гонец.

– Хвала Марсу! – воскликнула я. – Да будет так и дальше!

– Мы пополним команды кораблей своими людьми, – заявил он, – но суда должны быть переданы нам немедленно.

– Да, согласна, – заверила я. – Но вам вряд ли стоит посылать в Александрию моряков, пока свирепствует чума, а строительство не завершено. Корабли не выйдут в море без килей и мачт. Мы достроим флот как можно скорее и доставим его вам.

– Не вздумай шутить с нами! – прорычал он. – Мы не потерпим проволочек.

Я кивнула одному из моих служителей, а тот, в свою очередь, позвал двух своих людей, ожидавших снаружи зала. Те внесли носилки с трупом и поставили у ног римлянина, в ужасе отшатнувшегося от раздутого, смердящего тела.

– Думаешь, он шутит?

Римлянин отвернулся и зажал ноздри. Я подала знак, чтобы носилки унесли.

– У тебя, похоже, крепкий желудок, – выговорил посланник Кассия, когда снова осмелился вдохнуть. – Но не думай отделаться от нас с помощью таких представлений.

– Ну как я могу. Ты ведь на римских играх видел и не такое, – сказала я. – Ни один настоящий *мужчина* не встревожится при виде раздутого трупа. Да, вы получите флот, как только это станет возможно.

– Мой командующий в скором времени встретится с тобой лично, когда прибудет в Египет. Не льсти себе – ты не заморочишь его своими уловками.

Мне была противна его манера двигать плечами – это делало его похожим на фигляра. Теперь он вдобавок выпятил грудь.

– Ты должна узнать, что случилось с Марком Антонием, псом Цезаря. Он попытался отобрать у Децима провинцию Ближняя Галлия...

Децим, гнусный предатель! Децим, как и мерзкий Требоний, забрал себе провинцию, доверенную Цезарем! Это уже слишком!

– И оказал открытое неповиновение сенату, объявившему его врагом народа...

Неповиновение сенату! Вот как обработал их Цицерон!

– И осадил его в Мутине. Но Децим и армия, посланная сенатом, разгромили его. Антонию с остатками его сторонников пришлось бежать за Альпы, где они, как мы слышали, замерзают, проваливаясь по плечи в снег, и вынуждены питаться кореньями. Его песенка спета.

В подтверждение своих слов он энергично кивнул с удовлетворенным видом.

Я испытала болезненное ощущение – мой трон как будто провалился, оставшись без опоры. Антоний увязает в снегу, умирает от голода, замерзает! Этого не может быть. Только теперь я осознала, какие надежды возлагала на то, что он возьмет верх и все приведет в порядок. «Я правая рука Цезаря», – говорил он. Неужели правая рука Цезаря парализована?

И неужели тот единственный оставшийся в живых римлянин, который мне нравился и вызывал уважение, исчезнет, свергнув мир в хаос? Тогда останется выбирать между одним негодяем и другим.

У Антония были недостатки, но при всей его приверженности радостям плоти он был чист духом, чего никак не скажешь о его врагах.

Гонец внимательно следил за выражением моего лица, а я старалась ничем не выдать своих мыслей.

– Значит, Децим торжествует? – спокойно спросила я.

Римлянин нахмурился.

– Дециму тоже пришлось бежать, – неохотно признал он. – Октавиан предал его, хотя и предлагал союз.

А вот это едва ли. Октавиан никогда бы не взял в союзники убийцу Цезаря.

– И куда он бежал?

– Он... он попытался уехать в Грецию, чтобы присоединиться к Бруту, но армия Октавиана преградила ему путь, так что пришлось направиться в Галлию. Там он блуждал, как беглец, и... похоже, был убит одним из местных вождей.

Меня переполнила радость. Еще один убийца мертв, он убит!

– Говорят, тот вождь был агентом Антония, – сказал посланник. – Изменника Антония. Скорей всего, он уже мертв, а его замерзший труп съеден волками.

Нет. В подобный исход я верить отказывалась.

– Все в руках богов, – наконец сказала я. – За мартовскими идами последовала цепь ужасных событий, и нам не дано знать, чем они завершатся.

– Как бы то ни было, «освободители» действовали из высоких побуждений и совершили благородное деяние, – решительно заявил римлянин.

– Боги рассудят, – ответила я.

Даже моя железная воля не могла заставить меня согласиться с его словами. Мне хотелось задушить этого человека. И ведь его жизнь в моих руках – достаточно подать знак страже. Но зачем? Чтобы дать Кассию законный предлог для вторжения? Нет, я переиграю его и, если боги ко мне благосклонны, получу возможность самой сразить Кассия его собственным кинжалом – тем самым, что отнял жизнь у моего возлюбленного. Для этого мне необходимо подблизиться к нему поближе. Если потребуется, я обниму врага – чтобы убить. Лишь бы усыпить его природную осторожность. Да. Пусть он приедет в Александрию! И я устрою для него такой пир, такой радушный прием... Вино, песни, угощения – и его собственный кинжал, загнанный по рукоятку в его тощий живот.

Каждый день я приходила в святилище Исиды, подносила ей в дар священную воду и молила сохранить жизнь Антонию со страстью, на какую уже давно не считала себя способной.

Странно, но я мало думала об Антонии, пока посол Кассия не сообщил о его поражении. Мне вдруг стало ясно, что Антоний значит для меня очень много, а без него в мире погаснет солнце и настанет вечная ночь. Потому ли, что он сиял отраженным светом Цезаря? Потому ли, что все прочие римляне не вызывали у меня иных чувств, кроме презрения? Объяснить я не могу. Знаю лишь, что умоляла Исиду помочь ему и была готова обещать что угодно в обмен на его жизнь.

И снова, как уже бывало, богиня вняла моим мольбам. Пришло известие, что Антоний выдержал невероятные испытания, уцелел и объявился за Альпами, где был принят как герой.

Новости содержались в перехваченном письме к Бруту в Грецию. Свиток скопировали, снова запечатали и отправили по назначению, а копию передали мне.

Получив ее, я удалилась в свой кабинет, дабы прочесть слова, не предназначенные для моих глаз.

Антоний потерпел поражение, причем оба консула убиты, сам же он бежал и подвергся всевозможным бедствиям, худшим из которых был голод. Однако известно, что в силу своего характера именно в невзгодах Антоний проявляет себя несравненно лучше, чем в любое другое время, превращаясь из чудовища в человека доблестного и едва ли не добродетельного. Это достаточно распространенное явление: под гнетом несчастий некоторые люди обретают способность отличать верное от неверного и находят в себе силы делать то, что заслуживает одобрения, либо избегать того, что осуждается. Правда, это не относится к слабым духом, ибо они рабы своих пагубных пристрастий и не способны поступиться ими, следуя велениям разума.

Да, это правда. Но довольно рассуждений! Что же там случилось?

Антоний в данном случае показал своим солдатам весьма поучительный пример. Он, привыкший к невероятной роскоши, сорвавший деньгами и никогда не знавший нужды, ничуть не сетовал на холод, на необходимость пить воду из луж и питаться дикими плодами и кореньями. Более того, при переходе через Альпы он наравне с солдатами ел кору и даже, как говорят, таких тварей, к которым страшно прикоснуться.

Читая эти строки, я представила себе Антония, ведущего войска через горы и с готовностью сносящего невзгоды, чтобы выжить и сражаться, и во мне вспыхнуло восхищение.

План Антония состоял в том, чтобы по ту сторону Альп соединиться с армией Лепида, на чью поддержку он рассчитывал, ибо в правление Цезаря оказал ему немало услуг. Однако

полной уверенности у него не было, и потому, оказавшись по другую сторону Альп, он оставил своих людей отдыхать в наскоро разбитом лагере, а сам, небритый, с отросшими во время скитаний волосами, в черном плаще, явился в лагерь Лепида и напрямую обратился к его солдатам...

Мое восхищение усилилось: казалось, в мир вернулся дух Цезаря.

Далее в депеше описывалось соглашение Антония с Лепидом. Теперь, имея под общим началом семнадцать легионов и десять тысяч великолепных всадников, они двигались на Рим с намерением заключить пакт с Октавианом, объединить силы и преследовать убийц.

Превосходно! Они будут наступать с запада, а я, если судьба предоставит мне возможность, подберусь к убийцам с востока. Я по-прежнему была исполнена решимости любым способом добраться до Кассия и собственноручно вонзить в него кинжал. Меньшее меня не устраивало.

Время, пребывавшее до сих пор в неподвижности, теперь как будто ускорилося. Год побежал вперед. Чума отступила, зернохранилища не дали разгуляться голоду, и Египет выжил.

В первый день римского нового года сенат официально объявил Цезаря богом. Отныне тем, кто не желал видеть его своим вождем, приходилось воздавать ему божеские почести. Представляю, как это забавляло Цезаря, взиравшего на них с небес! Но в Риме происходили более удивительные события. Октавиан (называвший себя не иначе как *Divi Filius* – сын бога), использовавший авторитет и дарование Цицерона для собственного возвышения, теперь холодно пожертвовал седой головой старика.

Октавиан вступил в союз с Антонием и Лепидом, и они втроем составили триумвират. Отстранив от власти сенат с той же легкостью, что и Цицерона, триумвират, наделенный на следующие пять лет диктаторскими полномочиями, провозгласил убийц Цезаря не «освободителями», а врагами народа, каковых надлежит преследовать, изловить и покарать.

Обе стороны отчаянно нуждались в деньгах. Убийцы разбойничали на Востоке – Кассий и Брут нападали на Родос, Ксанф, Ликий, Патару и Тарс, а триумвиры составили проскрипционные списки: люди, внесенные в них, подлежали казни, а их имущество – конфискации. Они заявили, что не повторят ошибки Цезаря, проявлявшего излишнее милосердие, и не оставят у себя за спиной гнездо измены.

Торг между ними привел к тому, что Октавиан, еще недавно льстиво именовавший Цицерона своим отцом, безжалостно выдал его на смерть. Знаменитого оратора закололи, как жертвенного быка. Рассказывали, что Фульвия потребовала отсечь у трупа правую руку, писавшую филиппики против Антония, и собственноручно втыкала в произносивший эти речи язык иголки. В конце концов Антоний отобрал у нее голову Цицерона и велел выставить на Ростре. Должно быть, именно тогда у Антония начался разлад с женой, ибо сам он никогда не отличался жесткостью и считал, что одно дело – торжествовать победу над врагом, а другое – купаться в его крови. Фульвия же, напротив, любила присутствовать при казнях и смеялась, когда кровь окропляла ее платье.

Такая примитивная жестокость внушала тревогу, но куда большие опасения у меня вызывал Октавиан. Только сейчас, сопоставив сведения из разных источников, я поняла, что скрывалось за невинной красотой этого молодого человека. Поняла и ужаснулась.

А ведь Цицерон даже сплел о нем историю. Якобы он видел во сне, как сыновья сенаторов проходят перед храмом Юпитера на Капитолии, дабы бог избрал из их числа правителя Рима. Будто бы Юпитер указал на юношу, незнакомого Цицерону, и предрек, что сей молодой человек обретет власть и положит конец всем гражданским войнам. На следующий день Цицерон увидел молодых людей, возвращавшихся с тренировок на Марсовом поле, и узнал юношу из своего сна. Ему сказали, что это Октавиан, родители которого высокого положения не занимают и ничем особенным не прославились.

Было ли так на самом деле? Видел ли Цицерон этот сон или Октавиан сам распустил слух? Он провел Цицерона, вообразившего, что мальчик у него под контролем. Будучи зеленым юнцом, он одурачил Цезаря – одним богам ведомо как. А теперь собирается обмануть Антония с Лепидом.

Несомненно, он хочет использовать их, а потом избавиться от соперников. Что касается Цезариона – «сын бога» может быть только один. Октавиан прекрасно это понимает. Как и я.

Я оперлась о мраморную раму окна, прижавшись к ней, чтобы охладить лоб, на котором неожиданно выступил пот. Я все поняла – но почему только я одна? Почему лишь я ощущаю угрозу, исходящую от этого юноши, на шесть лет моложе меня?

Потому что он холоден, расчетлив и безжалостен. Потому что он не допускает промахов. И потому, что молодость ему на руку: у него впереди достаточно времени, чтобы добиться исполнения всех своих желаний. Очень много времени.

«О Цезарь, если ты действительно бог или одарен богами, почему же ты не распознал истинного Октавиана?» – мысленно кричала я, стискивая зубы.

Что говорил Октавиан об Ахилле в ночь сатурналий? «Интересно, каково это – быть величайшим воином в мире». До сих пор никто не мог занять трон, не став военачальником, воином. Но Октавиан найдет способ, поскольку он не солдат. Он придумает новый способ... Ведь он стал консулом на одиннадцать лет раньше, чем получил право избрания на эту должность.

Я ощутила холод, как во время снегопада в те сатурналии.

– Антоний, Лепид, берегитесь! – сорвалось с моих губ.

Цицерон писал Бруту, что Октавиана нужно «похвалить, воздать почести, а потом избавиться от него». Он думал использовать юнца в своих интересах, но у Октавиана были точно такие же планы в отношении старика. Он осуществил их, а голова Цицерона слетела с плеч. Октавиан явился в Рим, не имея ничего, кроме завещания Цезаря, где его объявили наследником; явился без войск, без денег, без опыта. Прошло лишь полтора года, и он стал одним из трех полноправных правителей Рима. Ему чуть больше двадцати.

За двадцать месяцев он достиг того, на что великому Цезарю потребовалось двадцать лет.

Глава 6

Ветер благоприятствовал выходу в море. Я неспешно прогуливалась, обозревая свой флот, готовый отплыть к Брундизию, где ему предстояло соединиться с силами поджидавших меня триумвиров. Кассий по-прежнему требовал прислать ему корабли, и я не отказывала, но успокаивала его лстивыми словами и вела тайную переписку с Антонием. Несмотря на угрозы, Кассий не вторгся в мою страну: Брут напомнил ему, что их враги – триумвират, а не Египет. Однако Кассий не преминул нанести мне укол, провозгласив истинной царицей Египта пребывавшую в Эфесе Арсиною.

Арсиноя! Еще одно из проявлений милосердия Цезаря, теперь обернувшихся против меня! Он пощадил Арсиною после триумфа, а теперь она покинула храм и объявилась рядом с убийцами в качестве царицы Египта. Истина быстро вышла наружу: именно Арсиноя убедила Серапиона увести к Кассию флот с Кипра. Убедила, надо полагать, посулив ему высокую должность в Египте, где в скором времени намеревалась воцариться с помощью предателей Цезаря.

Цезарь держал нож у горла каждого из них – Кассия, Брута, Арсинои; они покорно преклоняли колени, и он пощадил их! Что ж, мы такого не сделаем. В этом отношении беспощадность Октавиана сослужит нам хорошую службу.

Да, я вступила в союз с Октавианом, ибо сейчас нас объединяла общая цель – отомстить за смерть Цезаря. Остальное отложим на потом.

Флот был великолепен. В нем насчитывалась сотня кораблей; может быть, маловато для великой морской державы, но вполне достаточно, чтобы оказать существенную помощь триумвирам. Мой флагманский корабль («шестерка», то есть судно с тремя рядами весел, на каждом из которых сидело по два гребца) носил имя Исиды. Я решила, что корабли тяжелее «шестерок» мне не нужны, и отказалась от обычая прежних Птолемеев строить огромные неуклюжие суда, в бою часто оказывавшиеся не средством наступления, а помехой. «Шестерка» с тараном на носу была куда маневреннее, а ущерб врагу могла нанести не меньший. У меня имелось еще пять «шестерок», десять «пятерок» – квинтирем – и тридцать «четверок» – квадрирем. Эти корабли совмещали быстроту и маневренность с мощностью, позволявшей топить более крупные суда. Кроме них у меня было двадцать пять универсальных трирем, годных на все случаи, а также легкие галеры и транспортные баржи.

Этот щедрый дар я положила к ногам триумвиров.

Правда, я преподнесла его не просто так. Я потребовала, чтобы Антоний перед сенатом провозгласил Цезариона законным сыном Цезаря, и триумвират признал его моим соправителем под именем Птолемея Шестнадцатого Цезаря. Они согласились. Они очень нуждались в моих кораблях.

И что это были за корабли! При виде их сердце мое сжималось от восторга, мастерство строителей радовало глаз, а запах смолы, древесины, свежей парусины и канатов ласкал обоняние лучше любых благовоний. Поднявшись на борт «Исиды», я заняла место на главной палубе, рядом с Фидием, выходцем с Родоса. Твердо решив обучиться морскому делу, я прекрасно понимала, что еще не могу взять на себя управление кораблем. Для этого на борту находился опытный капитан.

– Возьми, – торжественно провозгласил Фидий, подавая мне шлем. – Раз флот выходит в море под твоим началом, ты должна надеть его, как положено командующему.

Я приняла шлем и медленно опустила себе на голову, ощутив его тяжесть. Ветер колыхал перья на высоком гребне.

– Благодарю тебя, – сказала я.

Мне не терпелось начать плавание, выступить в поход во главе собственного флота. Простите мне мою гордыню, но Артемисия из Галикарнаса, отважно сражавшаяся и топившая вражеские корабли, командовала лишь пятью судами, входившими в состав великого флота Ксеркса.

Нам предстояло проплыть по Средиземному морю миль шестьсот строго на запад, потом повернуть на север и одолеть еще примерно пятьсот миль, плывя между Италией и Грецией, пока не доберемся до Брундизия. Триумвиры планировали переправить свои войска через море там, где Италию и Грецию разделяет наименьшее расстояние. Я знала, что убийцы, дабы сорвать этот план, вывели свой флот к южной оконечности Греции и намеревались перехватить меня. Что ж, пусть попробуют. Для встречи с ними мне и были нужны «шестерки», «пятерки», «четверки» и «тройки». Я молила богов даровать мне успех в морских сражениях, как некогда Артемисии.

Мы отплыли от Александрии, медленно выйдя из гавани: длинная колонна, нос к корме, прошла через узкий канал между Фаросом и молом. В открытом море корабли собрались вместе.

Как сладок соленый ветер, как манит и влечет лазурное море! Воды становились все темнее, цвет менялся от зеленоватой бирюзы у побережья до темно-синего, где уже не видно дна. Ветер игриво гонял волны, вспенивая их белыми барашками. Нос «Исиды» окунался и взлетал над волнами, как вольно скачущий конь. Рядом с нами ныряли дельфины.

– День безоблачный, – заметил капитан, прищурившись в сторону горизонта. – Если восточный ветер не переменится, плавание пройдет гладко.

Поскрипывали снасти, ветер наполнял паруса и нес нас к берегам Италии.

Мы огибали побережье Африки, проплывая мимо мест, что всегда были для меня лишь названиями: пустыня к западу от Александрии, где бело-алебастровые пески сверкали, точно соль; маленький городок Тапосирис – миниатюрная Александрия с храмом Осириса и маяком в одну десятую величины Александрийского маяка. Я увидела пилоны храма и разглядела мигающий огонь маяка – череда таких сигнальных постов тянулась вдоль побережья до самой Кирены.

Ветер раздувал мой плащ и рвал перья на шлеме. Шлем обеспечивал защиту и прикрывал глаза, а вот платье и плащ плохо подходили для того, чтобы стоять на палубе при сильном ветре. На что бы их сменить? Может быть, надеть штаны, какие носят варвары?

Представив себя в штанах, я рассмеялась. Так можно дойти и до набедренной повязки, как у гребцов, – у нее тоже есть свои преимущества. Но нет, на набедренную повязку я не соглашусь!

Скоро я встречусь с триумвирами, мы соединим наши силы. Трудно представить, что мои войска по доброй воле войдут в состав римской армии, однако это единственный способ отомстить за Цезаря. Хотела ли я увидеть кого-то из римлян? Я-то думала, что мне уже никогда не придется иметь с ними дела. Отплывая из Италии без сил, с невыносимой болью в сердце, я утешала себя словами: «Больше в моей жизни не будет ни Антония, ни Октавиана, ни Цицерона, ни Рима...»

Насчет Цицерона я не ошиблась. А как насчет Антония и Октавиана?

Антоний... Его я хотела увидеть. Лепид... Да, буду рада и Лепиду. Октавиан... С ним дело обстояло сложнее.

Две ночи я хорошо спала на встроенной койке в каюте. Мои пожитки надежно уложили на полки с сетками и в сундуки, прикрепленные к полу. Ничто не падало, не дребезжало и не билось, даже когда на третью ночь ветер изрядно окреп, а потом превратился в завывающее чудовище.

Я спала, ничего не подозревая, пока крен корабля едва не сбросил меня с койки, так что пришлось ухватиться за поручень. Палуба под ногами ходила ходуном, через окошко, хоть и

закрытое, проникали брызги. Хватаясь руками за привинченную мебель, я выбралась из койки, напарила тяжелый непромокаемый плащ, добралась на ощупь до трапа и стала карабкаться на верхнюю палубу.

Там я огляделась. Шторм обрушился на нас со всей яростью, волны одна за другой бились о корпус, словно о волнорез, и захлестывали палубу. Матросы пытались спустить паруса, капитан надрывал глотку, выкрикивая почти тонувшие в реве ветра приказы. Я схватила его за плечи, и он прокричал, обернувшись:

– Шторм напал на нас внезапно, как лев. Ветер сменился на северо-западный. Нас относит назад, к побережью.

– Нет-нет, мы должны держать курс в море! – крикнула я в ответ. – Как далеко мы от берега?

На закате береговая линия еще была видна, но что изменилось за прошедшие часы, я знать не могла.

– Мы стараемся изо всех сил, – ответил капитан, – но наши корабли – игрушки против силы ветра и волн.

Внезапно капитан прервал разговор, стремглав метнулся вперед и закрепил канат, хлеставший, словно кнут, сбивая людей с ног. Следующая волна на моих глазах смыла за борт одного из матросов. Я ползком добралась до мачты и вцепилась в нее. Моя одежда промокла до нитки и казалась тяжелой, как металлические доспехи.

Я посмотрела в сторону берега – вернее, в сторону от ветра – и увидела вдали слабую точку света. Должно быть, один из сигнальных маяков. Если он виден, дела плохи: мы в опасной близости от береговой линии.

– Мы бросили якорь и будем грести против ветра, – сообщил мне капитан, добравшись до мачты. – Может быть, это поможет нам удержаться. Однако я боюсь, что якорный канат не выдержит.

Тогда ветер безжалостно понесет нас к побережью, швырнет на землю и разобьет на части.

В промежутках между черными косматыми тучами на миг проглядывала луна, и в ее свете можно было видеть разъяренное море со вздымающимися волнами – настоящими водяными горами. Когда я разглядела, сколь они огромны, у меня перехватило сердце. Они поднимались выше корабельной мачты и внушали парализующий ужас. Как можно противостоять такой мощи? Корабль качался на них, словно сорванный ветром лист, весла беспомощно двигались над водой, загребая лишь воздух, якорный канат натянулся как струна, готовый лопнуть в любое мгновение.

И это произошло. Корабль резко дернуло, закрутило и – что было неизбежно – понесло к берегу.

Снова выглянула луна, и я увидела, что с остальными судами происходит то же самое. Мой флот двигался плотной группой, и буря накрыла его целиком.

Корабль завалило на подветренную сторону, он почти лег на борт, в отверстия для весел хлестала вода. Теперь наша единственная надежда на спасение состояла в том, чтобы добраться до берега прежде, чем мы затонем. Неожиданно берег, недавно казавшийся совсем близким, стал невероятно далеким. Корабль накренился, зачерпнул воды, и гребцы, кашляя и задыхаясь, стали выбираться из трюма на палубу.

Поскольку устоять на палубе было невозможно, я обхватила мачту руками и ногами. Громкий треск возвестил о том, что рядом два корабля врезались друг в друга; грохот столкновения и отчаянные крики на миг заглушили даже рев бури. Обломки мачт и весел плавали рядом, вертелись, исчезали в пене, снова показывались на поверхности, порой вместе с цепляющимися за них человеком.

Впереди я заметила мерцающий свет. Нас выбросит на берег, это точно, если только мы не затонем прежде, чем до суши можно будет добраться вплавь. Но для этого нужно подойти совсем близко, ибо в такой шторм далеко не уплывешь.

Внезапно корабль встряхнуло, он задрожал, словно наткнулся на какое-то препятствие, но сорвался с него (точнее, был приподнят и снят волнами) и снова понесся вперед, взлетая и ныряя. Толчок вырвал мачту из ее гнезда, и я, отброшенная в сторону, покатила по наклонной палубе, пока не уткнулась в ограждение, где и застряла прямо над морем, отделенная от него лишь поручнями. Меня с головой обдало соленой водой, я наглоталась ее и зашлась в кашле.

Последовал новый страшный толчок – корабль налетел на мель, – а за ним звук, какого я никогда прежде не слышала. Однако я мигом поняла, в чем дело. Корпус судна раскололся надвое, и меня вышвырнуло в бурлящее море. Я ударила о воду с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Я похолодела, но разум подсказывал мне: если корабль сел на мель и развалился, здесь не может быть глубоко. Подталкиваемая волнами, я поплыла на свет маяка. Потом я поняла, что мои ноги касаются дна и есть возможность дойти до берега.

Очередная огромная волна подхватила меня и сбила с ног, но когда она отхлынула, я снова ощутила твердую почву и подобралась на пару шагов ближе к суше. Следующая волна опять столкнула меня, но когда я встала, воды было уже по пояс. Я побрела к берегу, шатаясь и запинаясь, но больше не падая. Лишь когда я выбралась из волн и отошла от моря на безопасное расстояние, меня покинули последние силы. Ноги мои подкосились.

Я лежала на песке, тяжело дыша, и глядела, как другие моряки ковыляют к берегу, а море с презрением швыряет им вслед обломки моего обреченного флота. Один за другим матросы выбирались на сушу и тяжело опускались наземь. Обессиленные, мы лежали на берегу в ожидании рассвета, чтобы оценить размеры постигшей нас катастрофы.

Когда над горизонтом со стороны Александрии появился край солнечного диска, я уже несколько часов пролежала под тяжелым намокшим плащом, дрожа и слушая раздававшиеся вокруг стоны. Рассвет позволил увидеть море, усеянное обломками кораблекрушения, и покореженные, но все еще державшиеся на плаву корпуса. Некоторые корабли – особенно те, что сели на мель, – пострадали не так сильно; во всяком случае, они подлежали восстановлению. Но их было не много. Однако спаслись сотни людей.

Мне оставалось лишь радоваться тому, что я жива и многие мои моряки тоже выжили. Возможно, удастся восстановить и часть судов, однако после такого урона о помощи триумвирам не может быть и речи. Увы, мой прекрасный флот уплыл недалеко!

Тем не менее я не усматривала здесь дурного предзнаменования. Кораблекрушения – дело обычное. Октавиан испытал это на пути в Испанию, Цезарь дважды терял свои корабли в Британии. Одно обидно: придется все начинать заново, и я не смогу принять деятельное участие в предстоящей схватке с убийцами. Роль наблюдательницы плохо согласовалась с моей деятельной натурой.

Впрочем, сейчас предстояло разбираться с более насущными вопросами. Где мы оказались? Кругом расстилались безликие белые пески. Как далеко на запад нас занесло?

Капитан брел по берегу, волоча ногу. Ранен, но жив! Я окликнула его по имени, замахала рукой и сама поспешила ему навстречу.

– Хвала богам, ты невредима! – воскликнул Фидий, нервно поглаживая висевший на поясе кинжал.

– Я надеюсь, ты не собирався последовать примеру римлян, – сказала я. – Вне зависимости от того, что случилось со мной.

По выражению его лица я догадалась, что именно об этом он и подумывал: капитан, допустивший гибель доверившегося ему монарха, терял честь, а вместе с ней и право на жизнь.

Однако Фидий, будучи человеком практичным, решил сначала точно узнать, что произошло, а уж потом решать свою участь.

– Я сделал все, что мог, но флот потерян, – сказал он.

– Я знаю. Воля небес не в твоей власти. Столько людей спаслись – это уже чудо.

– Флот, наш прекрасный флот превратился в обломки! – Он сокрушенно качал головой.

– Мы построим другой, – заявила я, стараясь за уверенностью скрыть горечь утраты.

Флот был моей гордостью, моей надеждой. К тому же я подвела Антония и не смогла сдержать слово. Правда, не люди, но боги помешали мне. Антоний перебрался через Альпы зимой, а я, похоже, не сумела даже покинуть Египет.

– По-моему, мы неподалеку от Паретония, – сказал капитан.

Так назывался одинокий аванпост в безлюдной местности на западной границе Египта.

– Ну что ж, мне давно следовало попасть сюда, – с деланой бодростью отозвалась я. –

Царица должна знать все свое царство, с запада на восток и с севера на юг.

– Да тут и смотреть не на что, одни скорпионы, – пробурчал в ответ Фидий.

Возвращение было невеселым. Торговые суда из Александрии прибыли за уцелевшими людьми, собрали обломки, годные для использования, и отбуксировали в Александрию оставшиеся на плаву корабли. Еще несколько кораблей удалось подлатать и отправить в Египет своим ходом, хоть и медленно. Мы высадились на столичной пристани, притихшие и унылые.

С сокрушенным сердцем мне пришлось написать Антонию и сообщить горькую новость: на помощь из Египта ему рассчитывать не приходится.

Наступило лето – время, когда народ радуется урожаю, а море бороздят груженные товарами суда. Но мы застыли в напряженном ожидании, ибо после того, как легионы покинули нас, а флот уничтожила буря, Александрия была совершенно беззащитна. Я распорядилась немедленно приступить к восстановлению флота, чтобы спустить на воду хотя бы один боевой корабль до того, как на нас нападут. Однако сейчас между убийцами и Египтом не существовало никакой преграды, и они могли двинуть на нас войска через Иудею в любой момент. Разумеется, я собирала собственную армию, поскольку полагаться на римлян в нынешнем положении не стоило. Но и это было делом долгим – за одну ночь новобранцев в солдат не превратить.

Между тем события разворачивались следующим образом. Не получив помощи от моего флота, триумвиры решили оставить Лепида с тремя легионами для защиты Италии, а Антоний и Октавиан во главе восьми легионов направились в Грецию, чтобы сразиться с Кассием и Брутом при почти равном соотношении сил. Судьба избрала для решительной битвы окрестности греческого города Филиппы. Октавиан, как водится, занедужил и остался в глубоком тылу. Антоний повел войска и осадил врага. Убийцы предпочитали отсиживаться за линией укреплений и уклоняться от решающей схватки, потому что слабым местом триумвиров являлось снабжение и очень скоро, с ухудшением погоды, у них должен был закончиться провиант. Однако Антоний прекрасно это понимал и поступил так, как поступил бы на его месте Цезарь, – решил навязать сражение. Враги отсиживались за болотом, и Антоний велел подвести к их позициям насыпь, что позволяло пойти на штурм. Кассию пришлось выступить из лагеря в контратаку. Антоний отбросил врага, захватил и разграбил его укрепления. Но войско Брута обрушилось на тыловой лагерь Октавиана.

Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы в войну, как в Трое, не вмешались боги. Октавиан во сне получил предостережение, побудившее его подняться с одра болезни и укрыться в болоте. Бруту же в ночь накануне решающего сражения явился Цезарь и предсказал его конец. Думаю, Брут узрел не бледную тень Цезаря, а бога в величии и славе. Он понял, что его дело проиграно, ибо Цезарь ныне сильнее, чем когда бы то ни было.

Когда Брут ворвался в шатер Октавиана, чтоб захватить его в плен, постель триумвира оказалась пуста. Тем временем Антоний наседа на Кассия, и Брут послал ему подкрепление. Однако боги затмили взор или разум убийцы – Кассий принял союзников за врагов. Он вообразил, что Брут уже пленен или убит, и, не потрудившись проверить догадку, покончил с собой.

Для триумвиров это стало настоящей удачей – ведь как полководец Кассий значительно превосходил Брута. Убийцы потеряли своего лучшего воина.

Брут отступил и засел в укрепленном лагере, где проводил время в шатре, предаваясь невеселым раздумьям. Несмотря на поражение, положение его не было безнадежным: стоило дождаться зимы, и она сыграла бы на его стороне, уморив противника голодом. Однако Брут не умел руководить людьми и пошел на поводу у нетерпеливых солдат, побудивших его напасть на триумвиров на следующее утро после того, как ему явился Цезарь.

Антоний и уже вылезший из болота Октавиан снова победили. Гибель Кассия подорвала боевой дух его солдат. Брут покончил с собой, и отношение к поверженному врагу еще раз наглядно продемонстрировало разницу характеров Антония и Октавиана. Антоний почти-тельно накрыл тело пурпурным плащом военачальника, но Октавиан сорвал покров, отрубил Бруту голову и отослал ее в Рим, дабы положить у ног статуи Цезаря.

Итак, Брут и Кассий, как и должно было случиться, вонзили свои проклятые кинжалы в собственные сердца.

То, что случилось при Филиппах, удовлетворило Марса Мстителя – и самого Цезаря.

Глава 7

Обстановка в мире вновь изменилась, хотя в курсе происходящего были только мои советники, придворные и я. Большая часть населения Александрии, не говоря уж об остальном Египте, жила своей жизнью.

Помимо государственных забот у нас имелись и житейские. Например, Ирас заявила мне, что попытка стать мореплавательницей загубила мою кожу.

– Смотри, ее разъела соленая вода и обожгло солнце! – говорила она. – Все шелушится – смотреть страшно!

Олимпий согласился с ней. Он сказал, что я похожа на предсказателя из оазиса Моэрис.

– Предреки нам будущее, – предложил он, наклонив набок темную голову. – Кто будет властвовать над миром и долго ли?

– Предсказательница из меня не выйдет, – ответила я. – Во всяком случае, если дело касается политики.

– А как насчет личных перспектив, моя Цирцея? Можешь сказать, женюсь ли я на Фебе?

Олимпий, что казалось странным при его саркастическом нраве, влюбился и, как это часто бывает с такого рода скептиками, полностью отдался любви. А попросту говоря, одурел.

– Если ты ее попросишь, – ответила я.

До сих пор он ждал, полагая, что она прочтет его мысли.

– Ну, это уж слишком, – со смехом отозвался Олимпий.

– А вот ты, моя госпожа, – вмешалась Ирас, – никогда не выйдешь замуж, если срочно не займешься своим лицом. Но ничего, средства есть. У нас в Нубии, где солнце палит еще нещаднее, кожу спасают ослиным молоком.

– Помогает и миндальное масло, – порекомендовал Олимпий. – Его раздобыть легче.

– Сколько ослиц надо подоить, чтобы получить нужное количество молока? – осведомилась я, поскольку эта идея показалась мне забавной. – Или в Александрии их достаточно?

Олимпий поднял брови.

– Миндаль тоже пойдет в дело, – шутливо пообещала я.

Но напоминание о замужестве не радовало. Хотя бы потому, что Мардиан упорно склонял меня к такому шагу.

Я лежала в низкой мраморной ванне, наполненной ослиным молоком, втирала белую жидкость в кожу и размазывала по лицу. Пальцы моих ног, высывавшиеся из белой жидкости, выглядели странно. Ширма из сандалового дерева отгораживала меня от Мардиана, мерившего шагами комнату. Чтобы не скучать в ванной и не терять попусту время, я сочетала процедуры с деловыми беседами.

– Моя дорогая госпожа, – говорил евнух, и его голос звучал еще выше обычного, поскольку Мардиан был раздражен. – Этот вопрос весьма тревожит твоих подданных.

– О чем им беспокоиться, – упорствовала я, – если наследник уже имеется? У меня есть соправитель. Даже римляне признали Цезариона.

Совсем недавно была выпущена новая серия монет со сдвоенным изображением меня и сына.

– Цезариону всего пять лет, – гнул свое Мардиан, приблизившись к ширме. – Жизнь полна неожиданностей, и ни у кого из нас нет уверенности в будущем. Если Цезарион не достигнет зрелости, династия прервется. И разве ты собираешься выйти за него замуж?

– Не говори глупостей, – ответила я, поливая пригоршнями молока свои плечи.

– Но посмотри на происходящее со стороны. Весь мир думает так: поскольку стране нужны наследники, а вы, Птолеми, предпочитаете сочетаться браком внутри семьи – значит ты ждешь...

– Меня не волнует, как там думает мир!

– А зря. Тебя должно волновать. Проблему все равно придется решать.

– Не сейчас!

Я закрыла глаза и погрузила лицо в молоко.

– Нет, сейчас. Тебе уже двадцать семь, скоро двадцать восемь, – многозначительно напомнил он. – Ведь бывали случаи, когда Птолеми женились на чужеземцах. Разве твоя бабушка родом не из Сирии?

– Да, – сказала я. Правда, мой дедушка считал, что она ему не пара. – Но за кого ты предлагаешь выйти мне?

– Ну. Октавиан не женат...

– Октавиан! – воскликнула я. – Октавиан! Какое неаппетитное предложение!

Я позвала Ирас, потому что хотела выбраться из ванны и посмотреть Мардиану в глаза. Ирас явилась с полотенцами и халатом, и очень скоро я с хмурым видом появилась из-за ширмы. Мардиан выглядел искренне озадаченным.

– Я предложил его только потому, что ты в отличие от многих явно не имеешь предубеждения против римлян.

– Цезарь был другим, – коротко заявила я.

Не объяснять же ему, что Цезарь был больше чем римлянином, больше чем смертным человеком.

– Октавиан красив, – неуверенно пробормотал Мардиан, – и обладает огромным могуществом.

Меня передернуло: вспомнилась сцена, которую я увидела через окошко в Регии. Красив, могуществен да еще и сладострастен.

– О да. Тут я с тобой согласна.

– Ну а что еще нужно женщине?

Я рассмеялась:

– Признаю, названные тобой качества вовсе не помешают. Но мне хотелось бы добавить к ним сердце и жизнерадостность.

– Тогда беру свои слова обратно. Тебе придется искать не римлянина.

Ирас принесла горшочек миндального масла.

– Может быть, ты приляжешь здесь. – Она указала на кушетку, застланную плотными полотенцами.

– Потом. – Я хотела закончить разговор с Мардианом. – Понимаю, что ты желаешь мне только добра. Однако...

Могла ли я объяснить ему, как мало все это меня интересует? Даже сны мои были чисты и стерильны. Он, с детства ставший евнухом, не понимал приливов и отливов страсти, не мог уразуметь, что на одной стадии жизни она доводит до безумия, а на другой – исчезает, как в засуху уходит вода из речного ложа. Я прекрасно помнила счастье от близости с Цезарем, но порой удивлялась тому, что могла испытывать подобные ощущения.

– Может быть, тебе стоит подумать о царевиче из Вифинии или Понта, – рассеянно продолжил он. – О молодом супруге, который будет боготворить тебя и делать все, что ты пожелаешь. Никогда не предъявлять никаких требований, но существовать только ради того... чтобы удовлетворять тебя.

Мардиан покраснел.

– Ты рассуждаешь так, будто мне шестьдесят, а не двадцать семь, – отозвалась я.

При этом я попыталась представить себе, о чем он говорит, и невольно покраснела сама.

– Цари берут себе прелестных наложниц, почему бы и тебе не сделать это?

– Мальчишки меня не привлекают.

– Я не имел в виду *настолько* юных. – Он помолчал. – Я слышал, что царевич Архелай из Команы отважный солдат и хорошо образован.

– Сколько ему лет?

– Я не знаю. Но могу выяснить, – встрепнулся Мардиан.

– Вот и выясни, – промолвила я, чтобы улучшить его настроение. – И вот что еще... Прости, что сменила тему, но правда ли это – насчет Лепида?

Похоже, что после сражения при Филиппах официальный триумvirат превратился в неофициальный дуовират – союз двоих. Мир должен был быть теперь разделен, как пирог, между Октавианом и Антонием.

– Да, как раз сегодня утром пришло новое донесение. Я оставил его на твоём рабочем столе.

– Перескажи мне его, – попросила я, плотнее запахнув шелковое одеяние, сшитое из множества разноцветных шарфов.

– Они подозревают (или *утверждают*, будто подозревают, а это разные вещи), что Лепид действует за их спинами и более не достоин доверия. Соответственно, когда Октавиан и Антоний поделили Римскую империю – будем называть ее так, ибо по любым меркам это империя, – они не взяли его в расчет.

– И кто что получил? – спросила я.

– Антоний – герой дня, его престиж невероятно высок, и он прибрал к рукам лакомые куски: всю Галлию и Восток. Ему предстоит властвовать в нашей части мира и, вероятно, заняться претворением в жизнь плана Цезаря по сокрушению Парфии.

– А Октавиан?

Как Октавиан допустил такое? Впрочем, он ведь был болен, лежал на койке в палатке, а если перемещался, то на носилках. Он не мог диктовать условия герою-солдату.

– Ему достались лишь Испания и Африка, а в придачу к ним – почетные, но нелегкие обязанности. Во-первых, он должен обустроить ветеранов в Италии, найти для них землю и деньги. Во-вторых, покончить с Помпеевым сыном Секстом, который занялся пиратством. Неблагодарные задачи.

Да, неблагодарные, требующие времени и усилий. Я улыбнулась. Теперь руки Октавиана связаны надолго. Похоже, он получил не то, на что рассчитывал.

Мардиан ушел, и я позволила себе растянуться на кушетке. Ирас втирала смягчающее масло в мою кожу, а я закрыла глаза, отдавшись аромату и неге.

– Госпожа, ты прислушаешься к его предложению? – прошептала Ирас. – Не беспокойся: прежде чем ты встретишься с каким-нибудь царевичем, твоя кожа вновь обретет совершенство.

– Я лишь хотела, чтобы Мардиан успокоился, – пробормотала я. Благовония и массаж навевали сон. – Мало быть красивым царевичем для того, чтобы... чтобы...

Мой голос сошел на нет, но мысленно я закончила фразу: «Чтобы пробудить ту часть меня, которая впала в спячку. Она спала так долго, что, возможно, незаметно умерла».

Мардиан с энтузиазмом и удовольствием принялся подыскивать подходящего претендента на мою руку. С этой целью он обшарил весь мир: предлагал идумейцев, пафлагонцев, греков, нубийцев (включая сына кандаке), галатов и армян. Чтобы позлить его, я составила список требований к претенденту; вряд ли ему удастся отыскать человека, подходящего по всем пунктам. Жених должен быть молод, но не моложе двадцати лет; на голову выше меня ростом; атлет; сведущий в математике; знающий не менее трех языков; поживший за границей; хорошо играющий на каком-либо музыкальном инструменте; знаток греческой литературы и

морского дела; и, наконец, потомок великого царского рода. Таковы минимальные требования, заявила я. Бедный Мардиан!

Урожай был хорош, и мы начали возмещать потери предыдущего года. Доходы позволили заложить шестьдесят новых кораблей и оплатить ремонт большей части каналов, дамб, водохранилищ и прочих элементов оросительной системы. Кроме того, у меня теперь имелась армия в двадцать тысяч солдат. Разумеется, о военной мощи говорить не приходилось – римляне посмеялись бы над нами. Но это пока. После потери флота мы начинали с нуля, и успех был очевиден.

К моей досаде, главный кандидат Мардиана Архелай из Команы подходил по всем пунктам, и теперь мой советник настаивал, чтобы я пригласила царевича в Александрию с визитом.

– Хотя бы для вида, – убеждал он. – Народу понравится. Люди поймут, что ты, по крайней мере, думаешь об этом.

Касу, моя ученая обезьянка, выступила вперед и предложила Мардиану блюдо с финиками. Она умела вести себя как настоящая служанка. Мардиан поджал губы и долго выбирал финик, пока не остановился на самом сочном. Он отведал плод и причмокнул губами.

– Хм. Они, должно быть, из Дерры.

Да, по части лакомств Мардиан был знаток. Касу вспрыгнула на стул рядом со мной, а я, уже не зная, как от него отделаться, сказала:

– Совсем забыла, есть еще одно требование. Мой избранник должен любить животных, особенно обезьян, и не возражать против того, чтобы Касу пристраивалась в ногах постели.

Мардиан пожал плечами и облизал пальцы.

– Слишком поздно, – сказал он. – Я уверен, Архелай сделает вид, что она ему нравится.

– А когда он приезжает?

При мысли о необходимости притворяться и любезничать с посторонним человеком настроение у меня ухудшилось.

– Как только он и его семья завершат визит почтения к Антонию. Все местные цари должны явиться к нему, дабы получить подтверждение своих прав на престолы и короны.

Я тоже взяла с блюда финик, но мне он показался неестественно приторным.

– Зависимых от Рима царств очень много, – заметила я, – и вопрос с каждым придется рассматривать отдельно. Многие восточные правители поддерживали убийц – кто по принуждению, а кто по убеждению. Теперь-то, конечно, все будут уверять, что подчинялись насилию. И что Брут с Кассием обобрали их до нитки.

– Антоний это знает. Деньги, конечно, ему нужны, и он их требует. Но он выслушивает тех, с кем разговаривает. Например, Гибр из Миласы, искусный оратор, сказал, что если Антоний желает собрать в один год налоги за десять лет, пусть он распорядится, чтобы в этом году не было зимы, а вслед за осенью настало второе лето. И Антоний смягчился.

– Где он сейчас? – задумалась я.

Мне было известно только, что он покинул Афины.

– В Эфесе. Уже несколько недель держит там свой веселый двор. Его приветствуют как Диониса и даже называют богом.

– Должно быть, ему это нравится, – сказала я. – Получается, что он превзошел Октавиана, который всего лишь *сын* бога. Правда, жители Эфеса называют богом всякого, кто хоть что-то собой представляет. Надеюсь, что он это понимает.

Мардиан рассмеялся:

– Я думаю, ему все равно. Он слишком занят Глафирой, матерью Архелая. Она вроде бы... скажем, опутывает его своими чарами.

По какой-то неясной причине я была шокирована. Это казалось таким... нечестным, что ли? Я представила себе, как правители-мужчины дожидаются своей очереди, пока Антоний любезничает с Глафирой.

– Так что сама понимаешь – как только его мать будет удовлетворена, Архелай сможет уехать.

Конечно, он имел в виду, что, как только Антоний будет удовлетворен, мать Архелая сможет уехать. Я покачала головой:

– Значит, у нас есть время.

Мне следовало поблагодарить эту Глафиру: пока она удерживала внимание Антония, я была избавлена от внимания ее сына.

Несколько месяцев в Эфесе продолжалась непрерывная череда празднеств, шествий и пиров. Антоний исполнял роль Диониса: увенчанный короной, он разъезжал по городу в увитой виноградными лозами колеснице. Его сопровождали женщины, обряженные вакханками, и мужчины-сатиры в венках из плюща. Вокруг играли на цитрах и флейтах, пели, танцевали и на каждом углу возглашали хвалы Дионису-Антонию, «дарующему радость». Эти крики разносились эхом по всему Востоку.

«Должно быть, Антоний наслаждается жизнью», – думала я. Интересно, как повел бы себя на его месте Октавиан? Наверное, на людях держался бы гораздо скромнее, а распутничал скрытно, вдали от чужих глаз. Он предпочитает тайные удовольствия.

Полгода спустя при моем дворе появился римский посланец Антония. Его звали Квинт Деллий, и он переменял уже много хозяев: служил у Долабеллы и у Цезаря, потом переметнулся к Кассию, затем перебежал к Антонию. Мне этот человек не нравился, и я заставила его долго дожидаться аудиенции.

К сожалению, незадачливый Архелай прибыл почти в то же самое время, стремительно преодолев немалое расстояние по суше и по морю. Его рвение тронуло меня, и я приняла царевича очень ласково. Но ему пришлось ждать, пока я разберусь с Деллием.

Деллий стоял передо мной, и его глаза находились вровень с моими, хотя я сидела на троне, а трон стоял на возвышении. Очень темные глаза на изрытом оспой лице смотрели сурово. Создавалось впечатление, будто не я, а он принимает гостя.

– Тебе, восхваляемая царица Египта, от господина Антония привет, – лаконично промолвил он. – Я явился, дабы передать тебе повеление прибыть к его двору и ответить на некоторые обвинения.

Мне показалось, я неправильно расслышала.

– Повтори, пожалуйста, – попросила я невозмутимым тоном.

– Я сказал, что тебе надлежит предстать перед господином Востока Антонием, дабы защититься от обвинений, перечень коих содержится в этом письме.

Деллий вручил мне свиток и с самодовольной ухмылкой отступил.

– Значит, Антоний просит меня, – сказала я, взвешивая каждое слово. – Но мне послышалось, будто ты сказал «повелевает».

– Наместник Антоний будет весьма рад, если ты прибудешь к нему и сочтешь возможным ответить на вопросы.

– Ага, стало быть, он не «повелевает», а «будет весьма рад», и мне предстоит не защищаться от «обвинений», а отвечать на вопросы, – насмешливо проговорила я. – Кажется, к тебе вернулась память.

Я сжала свиток, решив прочесть письмо потом, не на глазах у этого наглого и враждебно настроенного человека.

– И куда Антоний *просит* меня прибыть?

– В Тарс, где в скором времени появится и сам.

– Ты можешь передать наместнику Антонию, что царица Египта не подчиняется римским магистратам, не внимает чьим-либо «повелениям» и не собирается ни перед кем оправдываться. Я разочарована тем, что мой союзник, а некогда и друг счел возможным обратиться ко мне подобным образом. Если, конечно, его желание было передано верно.

Этимися словами я предоставила послу возможность обелить Антония, но он ею не воспользовался.

– Значит, таков твой ответ? – спросил Деллий. – Ты не приедешь?

– Нет, – отрезала я. – Если ему угодно поговорить со мной, пусть приедет сам. Он уже был здесь четырнадцать лет назад и дорогу, наверное, помнит.

Оставшись одна в своей комнате, я прочитала свиток и нашла «обвинения» смехотворными: будто бы я помогала Кассию и Бруту, отдав им четыре римских легиона! Всем известно, что легионы были посланы к Долабелле и захвачены Кассием. Изменник Серапион передал им флот на Кипре, а мой собственный я потеряла, пытаясь прийти на помощь Антонию! Неужели он мог забыть об этом? Какое оскорбление!

Позднее мне пришло в голову, что все это можно объяснить наветами недоброжелателей – той же Глафиры или самого Октавиана. Особенно Октавиана: он был бы рад дискредитировать мать Цезариона и тем самым разорвать все связи сына Цезаря с Римом.

Архелай прождал несколько дней, и после отбытия Деллия мне пришлось согласиться на встречу с ним. Прежде чем отправиться в тронный зал для официальной аудиенции, я позволила Ирас заняться моим лицом и волосами, чего ей давно хотелось. Хармиона подбирала мне наряд.

Зачем я это делала? Рассчитывала ли я отпугнуть юношу неестественным цветом лица или слишком пышным нарядом? Хотя я была самой богатой и могущественной женщиной в мире – как легко произнести эти слова! – я умела располагать к себе людей. Но умела и удерживать их на расстоянии. Все определялось наклоном головы, тоном голоса, выражением глаз.

Усевшись на скамью так, чтобы свет с севера падал мне прямо на лицо, я сказала:

– Хорошо, Ирас, пускай в ход свою магию.

Потом закрыла глаза и стала ждать.

Ее проворные пальцы погладили мои щеки и пробежались по линии скул.

– Лечение помогло, – заключила она. – Следов воздействия соли практически не осталось.

«А жаль, – подумалось мне. – Лучше бы они сохранились подольше. По крайней мере, пока соискатель не отправится восвояси».

Она распределила какую-то нежную субстанцию по моему лицу, втирая ее круговыми движениями.

Аромат был восхитительный.

– Масло из сыти, моя госпожа, – пояснила она. – А сейчас я удалю его смесью соков сикомора и огурца.

Ирас протерла мое лицо этим настоем, и кожу стало пощипывать.

– Твоя кожа станет гладкой, как отполированный мрамор, – говорила Ирас. – Хотя она и так хороша, в особом уходе не нуждается. А теперь закрой глаза, и я положу на твои веки охлаждающую смесь молотого сельдерея и конопли.

На мои глаза легла прохладная повязка.

– Полежи, расслабься.

Я и расслабилась – мысленно перенеслась в какое-то место, никогда не виданное прежде. Это был лесистый склон холма с высокими кипарисами и пасущимися овцами, где играли легкие ветерки.

– Ну вот, – сказала Ирас через некоторое время, сняв повязку. Я вернулась в реальность моей комнаты. – Чем ты сегодня хочешь подвести глаза – черной сурьмой или зеленым малахитом?

– Малахитом, – выбрала я. – Сурьма хороша на каждый день, а сегодня я все-таки встречаюсь с претендентом на мою руку.

Собственно говоря, если бы он хотел лишь поддержать меня за руку, не стоило бы так суетиться.

Ирас взяла косметическую палочку и провела тонкие линии вокруг моих глаз, поверх век и за уголками.

– Теперь смотри. – Она поднесла зеркало. – Видишь, как зеленый цвет усиливает природную зелень твоих глаз?

Да, правда. Цезарь любил оттенок моих глаз – говорил, что они цвета Нила в тени. Но я давно не использовала зеленый цвет и привыкла к тому, что подсурьмленные глаза выглядели темнее. Теперь я сама удивилась – какими, оказывается, яркими они могут быть.

Ирас обмакнула палец в маленький горшочек с бараньим жиром, смешанным с красной охрой, и провела им по моим губам, придав им сочный красный цвет.

– Вот так! – вздохнула она. – Отказываясь красить губы, ты скрываешь их свежесть и форму.

Я уже чувствовала себя как усовершенствованная и дополненная версия знакомой Клеопатры.

– Твои волосы блестят от сока можжевельника и масла, в котором мы их промыли вчера. Теперь мне осталось расчесать их и вплести золотые украшения.

– Это хорошо, – послышался за спиной голос Хармионы. – Потому что я как раз подобрала зеленый наряд с золотой вышивкой.

Обернувшись, я увидела в ее руках зеленое платье финикийского покроя, подобранное у плеч, со вставкой на спине.

– Похоже, ты готовишь меня к визиту на Олимп и пиршеству в обществе богов, – заметила я. – Между тем я собираюсь выйти в собственный тронный зал.

– Может быть, для тебя это обычное событие, – сказала Хармиона, – но подумай о госте. Пусть он увидит то, ради чего стоило проделать такой дальний путь.

Я вздохнула. Бедный юноша, кем бы он ни был. Мардиан, наверное, обнадежил его, хотя и высказывался неопределенно.

Хармиона натянула на меня платье, другая служанка надела мне на ноги, тоже умощенные ароматическим маслом, расшитые золотом сандалии. Потом Ирас принялась укладывать мои волосы, а Хармиона вынула шкатулку с драгоценностями и выбрала изумрудное ожерелье, а также золотые с жемчугом серьги. Потом прибавила к ним браслет в форме кобры.

– Это подарок царевича, госпожа, – сказала она. – Архелай привез его и просил тебя надеть.

– Понятно.

Я повертела браслет в руках и нашла его изысканным. Тонкая работа: выделялась каждая чешуйка, в глазах полыхали рубины. Интересно, откуда он узнал о моей склонности к змеям?

Браслет подошел к моей руке.

Торжественно вступив в тронный зал, я прошествовала мимо собравшихся людей и поднялась к трону. Произнесла приветствие, я попросила выйти вперед царевича Архелая из Команы.

Рослый молодой человек отделился от группы придворных, послов и писцов и направился ко мне. Он держался как настоящий царевич, без подобострастия и надменности, но с достоинством. Я была приятно удивлена его внешностью и прекрасными манерами.

– Добро пожаловать, царевич Архелай, – сказала я. – Мы рады приветствовать тебя в Александрии.

Он улыбнулся.

– Видеть тебя, восхитительная царица Клеопатра, – это высокая честь.

Как я ни старалась, мне не удавалось найти в его словах или манерах что-либо недостойное.

– Благодарю за подарок, – промолвила я, поднимая руку с браслетом. – Прекрасная работа.

– Я счастлив познакомить тебя с мастерством ювелиров Команы, – прозвучал учтивый ответ.

После обмена любезностями я пригласила его в дворцовый павильон отобедать на открытом воздухе, а своих слуг, мастеров подглядывать и подслушивать, отослала. Вместе мы спустились по широким ступеням дворца и прошли через зеленую лужайку к белому затененному павильону, где нас поджидал стол. Архелай шагал легко и уверенно. Он превосходил меня ростом больше чем на голову.

Как обычно, мы расположились на ложах. Он оперся о локоть, внимательно посмотрел на меня, и мы оба неожиданно покатались со смеху, как будто были участниками одного заговора. От моего официального торжественного образа не осталось и следа.

– Прости меня, – наконец проговорила я. – Я смеюсь не над тобой.

– Я понял, – ответил он, и я поняла, что он действительно понял. – Я тоже смеюсь не над тобой. Наверное, я смеюсь от облегчения. Я ведь сотню раз задавался вопросом, зачем же сюда приехал. Чувствовал себя круглым дураком.

– Ты смелый, это очень ценное качество, – заметила я, присматриваясь к нему.

Кажется, он мой ровесник, волосы у него темные и прямые, рот – как у Аполлона. Интересно, так ли привлекательна его мать, вызвавшая интерес Антония?

– Но оказалось, все не напрасно, – продолжал он. – Стоило проделать такой путь, чтобы увидеть тебя.

– Пожалуйста, не переходи на избитые фразы.

Он улыбнулся:

– Беда с избитыми фразами в том, что порою они верны, но им никто не верит.

– Расскажи мне о твоём царстве, – попросила я, меняя тему. – Я ведь нигде не бывала, кроме Рима и Нубии.

В последнее время у меня пробудился интерес к внешнему миру.

Он объяснил мне, что его страна – это область Каппадокии, менее гористая, чем остальной край, и пока сохранившая независимость.

– Римский орел распростер над нами крылья, но пока не унес в свое гнездо.

– Да, аппетиты Рима мне известны.

Архелай удивился:

– Ну, у тебя-то нет оснований для беспокойства. Египет – слишком большой кусок, его трудно переварить.

– Боюсь, у Рима вместительный желудок.

Я видела, что он размышляет о том, можно ли задать вопрос о моей связи с Цезарем. Он решил не спрашивать, ограничившись словами:

– Но сейчас Комане ничто не угрожает.

Теперь я задумалась, можно ли сказать: «благодаря чарам твоей матери», – и тоже решила промолчать. Вместо этого я спросила:

– Что ты думаешь о новом наместнике Востока?

Пришел слуга и принес первое блюдо: латук, огурцы, фаршированные морским окунем, и пряные перепелиные яйца.

– Мы рады, что им стал Марк Антоний, а не Октавиан. После битвы при Филиппах побежденные строились в очередь, желая сдаться Антонию. Никто не хотел попасть в руки Октавиана: все знали, что он не ведает пощады. Некоторые пленники перед казнью просили Октавиана лишь о достойном погребении, но тот усмехнулся и ответил, что их тела будут пищей для ворон.

Есть ему явно расхотелось.

Да, такое я могла себе представить. Я воображала, как при этих словах Октавиан улыбается своей безупречной улыбкой.

– Власть над Востоком не могла отойти ни к кому другому, кроме Антония, – сказала я. – Наместнику предстоит подготовить вторжение в Парфию, и только Антоний может его осуществить. Кроме того, он служил здесь и раньше, он знает местные условия.

Я сделала маленький глоток белого вина, разбавленного горной водой. У него был легкий вяжущий привкус.

– А он... очень занят?

– И днем и ночью, – отозвался Архелай. – Особенно ночью.

Видимо, на моем лице отразилось удивление, ибо он счел нужным пояснить:

– Он неустанно занимается делами, принимает правителей и послов, совещается с чиновниками, выносит решения – которые, к слову сказать, все находят продуманными и справедливыми. Эфес – прекрасный город на море, с мраморными зданиями и мостовыми. Конечно, жителей Александрии этим не удивишь, но там есть кое-что, чего у вас нет: живописные окрестности, прекрасно подходящие для верховых прогулок. Несколько раз Антоний приглашал меня на эти прогулки и на охоту, так что я смог узнать его ближе.

Принесли новые угощения: жареные почки, копченого павлина и нарезанное ломтиками мясо быка. К ним полагалось три соуса: перец и мед, огуречный крем и порубленная мята в уксусе.

– Ну и каков он, по-твоему? – осведомилась я.

То было не праздное любопытство: грубость Деллия заставила меня заподозрить, что неожиданное возвышение повлияло на Антония не в лучшую сторону.

– Царь среди царей, – прозвучал неожиданный ответ, – и солдат среди солдат.

– О, ты хочешь сказать, что у него разные манеры в зависимости от ситуации! Меняет окраску, чтобы приспособиться к окружению?

Хамелеоны в человеческом облике никогда не вызывали у меня симпатии.

– Нет, я имел в виду нечто противоположное, – возразил царевич. – Я хочу сказать, что он всегда остается собой, вне зависимости от окружения. По сути своей Антоний человек скромный и честный. Что может быть более благородным и царственным?

– К сожалению, как раз среди знатных и могущественных особ подобные качества встречаются редко, – сказала я.

– Мне кажется, он вводит людей в заблуждение лишь тогда, когда без этого не обойтись, а на свой счет не обманывается вовсе. Если люди ошибаются, то только потому, что сами видят то, чего нет.

– Встречался ли Антоний с моей сестрой? – спросила я.

Как он поступает с Арсиной?

– Нет, – ответил Архелай. – Арсиноя по-прежнему находится в храме Артемиды, а Антоний не относится к числу его посетителей. Хотя многие его люди не отказывают себе в посещении храмовых блудниц... То есть женщин, которые служат богине не духовно, но телесно.

Мы снова расхохотались. Я радовалась, что Антоний не ходит туда и соблюдает приличия. Впрочем, какое мне до этого дело?

Архелай стал рассказывать о своем дворе, но я прислушивалась не столько к его словам, сколько к своим чувствам. Я наблюдала за ними так же пристально, как ребенок смотрит на кокон бабочки, дожидаясь, когда он раскроется.

Признаюсь, наша беседа доставила мне удовольствие, да и сам Архелай пришелся по душе. Однако он понравился мне точно так же, как множество других людей и вещей: жрец Сераписа, являвшийся ко мне всякий раз, когда я хотела отметить годовщину или сделать особое приношение; женщина, что ухаживала за лотосами в дворцовом пруду и сплетала из них изящные гирлянды и венки; или мой бравый главный колесничий. Все они были привлекательны и согревали мое сердце остроумием, мастерством или добротой, скрашивая повседневную жизнь.

Но они ничем и никак не пробуждали ту часть меня, что погрузилась в сон или, хуже того, умерла вместе с Цезарем. Такая же история и с Архелаем. Я, например, не могла вообразить его без одежды, а самое главное – не имела желания воображать. Как не могла и не желала воображать рядом с ним саму себя.

Потом ночью я лежала в постели и ощущала жаркий летний воздух, наполнявший комнату. Мне пришло в голову: с одной стороны, я вроде бы не хочу телесной близости с мужчиной и не воодушевляюсь, думая об этом; но все-таки я об этом думаю.

Иногда можно внушить себе что-то – например, пробудить интерес к учению, к путешествиям, к какому-то роду деятельности. Но страсть неподвластна мыслям и воле, никакие ухищрения или уловки не способны призвать ее или изгнать. Похоже, у нее есть собственная независимая жизнь. Она погружается в сон, когда стоило бы танцевать, или бьет ключом без причины и без надежды.

Я жалела о том, что не могу испытать влечение к Архелаю, но, похоже, это не в моих силах. Ничто не затрепетало, не взволновало меня. Я по-прежнему покоилась в священных водах озера Исиды.

Глава 8

Ветры дули над Средиземным морем, неся корабли и новости. Меня информировали обо всем: и о тяжелой, почти неизлечимой болезни, свалившей Октавиана на обратном пути в Рим, и о шумном и веселом путешествии Антония по Азии. По возвращении в Италию еще неокрепший Октавиан столкнулся со множеством трудностей: от недовольства ветеранов, требовавших уплаты денег, которых у Октавиана не было, до дерзких налетов Секста Помпея, перехватывавшего суда с продовольствием. Похоже, судьбы союзников расходились: звезда Октавиана закатывалась, Антоний же шел в гору.

От Антония ко мне прибывали посланцы с «приглашением» посетить его, но потом визиты прекратились, как и все официальные связи. Оно и к лучшему. Я решила, что поеду к нему в удобное для меня время, и выбрала тот момент, когда он уже перестал ждать.

А ехать следовало, поскольку взаимопонимание с Римом было жизненно необходимо. Я могла давать сколь угодно резкие отповеди на бестактные послания, но это ничуть не меняло того факта, что мой сын – сын Юлия Цезаря – наполовину римлянин. Я навеки связала себя с Римом, родив его. То, что происходило в Риме, имело значение для моего сына, как и для Египта.

Судьба благословила меня, послав на Восток Антония, а не Октавиана. С Антонием я могла иметь дела и намеревалась склонить его к соглашению, выгодному и для Цезариона, и для Египта. Он уже говорил о происхождении Цезариона в сенате, так что я надеялась и далее видеть его защитником прав моего сына. В конце концов, он должен понимать, что лучше иметь Египет в союзниках, чем в противниках. Моя страна слишком велика, чтобы относиться к ней как к одному из подвластных царств вроде Команы. Если Антоний хочет обеспечить тылы и развязать себе руки для действий в Парфии, он должен вести себя со мной уважительно. Просить, а не приказывать. Я не знала, что там наговорил по поводу моего отказа Деллий, но поскольку попытки вызвать меня для отчета прекратились, можно считать, что эту партию я выиграла. Теперь пора начинать следующую.

Потребовалось два месяца, чтобы подготовить корабль для столь важной миссии. Я выбрала «шестерку» и распорядилась отделать ее так, чтобы мое судно не походило ни на один корабль на свете. Корму покрыли листовым золотом, а под палубой разместили пиршественный зал на двенадцать обеденных столов, да еще место для выступлений музыкантов и акробатов. Золотой посуды хватило бы, чтобы накрыть эти столы трижды, а в трюме поместились стояла на тридцать лошадей. Корабельные мастера знают: одна лошадь занимает столько же места, сколько четыре человека.

Кроме того, по моему повелению художники и мастера изготовили невиданные светильники, крепившиеся к корабельной оснастке: их можно было поднимать, опускать, совмещать в различных комбинациях, образуя разнообразные фигуры. Они светили ярче звезд на ночном небе и выглядели волшебным.

Мои личные покои находились в кормовой части корабля. Там стояли большая кровать, столы, стулья и множество зеркал, а также лампы, прикрепленные к стенам.

Да, у меня имелся свой план, и деньги, вложенные в отделку корабля, должны были окушаться.

Но я пока не решила, в каком образе лучше всего прибыть в Тарс. Явиться туда суровой воительницей, в шлеме (конечно, церемониальном) и со щитом? Вдовой Цезаря в строгом темном наряде? Подчеркнуть свой царский сан? Да, это государственный визит – но все же какой образ мне принять? Стать воинственной Афиной, или скорбящей Деметрой, или царственной Герой, или...

Пока я в сотый раз перебирала в голове образы, мой взгляд случайно упал на пол, на мозаику пиршественного зала. Там я увидела Венеру, во всей красе и великолепии поднимающуюся из моря.

Венера... Афродита... По пути в Тарс мы будем проплывать мимо ее родины – острова Кипр... где она могла бы восстать из морской пены и взойти на борт...

Антоний был Дионисом... Кому же, как не Афродите, следует нанести визит Дионису?

Да, Цезарь тоже называл меня Венерой. Он поставил мою статую в облике богини в своем фамильном храме... Антоний, как и Юлий, ведет свой род от Венеры.

Значит, в Тарс, к Дионису, должна прибыть богиня любви. Таким образом, встреча приобретет особую окраску, и это не останется незамеченным, слухи распространятся по всем сопредельным царствам, и тогда...

– Хармиона! – Я встала со стула. – Хармиона, пришли ко мне портного.

Паруса наполнились ветром сначала нерешительно, а потом упруго и мощно. Наш корабль, рассекая волны, устремился вперед – к лежавшему в шестистах милях отсюда побережью Киликии. В Тарс.

На борту корабля было все необходимое, чтобы поддерживать жизнь царского двора и принимать римлян и жителей Тарса. Я не стану ничьей гостьей, не буду никому ничем обязана. Напротив, я приглашу людей к своему двору.

Правителей там собралось немало, но кто они? Ни один не может говорить с Антонием на равных, все они лишь захудалые царьки. Другое дело – я. Пусть владения Птолемеев и сократились, но Египет велик и богат, и я не осрамлю своих великих и могущественных предков. Я явлюсь в Тарс не просто царицей, но истинным воплощением Афродиты. Пусть они разинут рты от изумления.

Мой наряд, я знала это, не походил ни на какой другой. Он не был ни церемониальным, ни традиционным, однако он соответствовал ситуации. Я явлюсь туда женщиной – но такой, которую нельзя трогать.

Погода стояла прекрасная. На сей раз ветра согласились доставить меня туда, где я желала оказаться. Когда мы огибали Кипр, «остров вечной весны», я опустила в воду цветы и зажженные свечи, чтобы волны поднесли их к ногам богини, именно там явившей себя миру.

«Афродита! – взмолилась я. – Будь ныне со своей дочерью!»

Венки и свечи поплыли по воде искать встречи с богиней.

С тех пор как Антоний призвал меня к себе в первый раз, прошло более полугода. Я заставила его долго ждать, и он, наверное, уже смирился с тем, что я не приеду. Может быть, его это раздражало, но я верила, что зла на меня он не держит. Я помнила его человеком отходчивым и легким.

Однако моя задача заключалась не в том, чтобы улестить его или угодить ему. Это несложно. Завоевать же такого человека, напротив, нелегко. Его жизнерадостную натуру радует все: случайно услышанный обрывок песни, вкус хлеба, пусть и черствого, вино в жаркий день. Но ничто не поглощает его целиком, чтобы он забыл обо всем прочем. Увлеки его до такой степени – и можешь считать, что торжествуешь победу!

Я рассказывала по палубе, погруженная в мир воспоминаний и мечтаний.

Я вспоминала Антония в Риме. Особенно он запомнился мне на луперкалиях; этот образ сохранился в каком-то тайном уголке моей души, потому что... потому что, по правде говоря, он волновал меня. И причиной тому не только телесное совершенство – хотя и его не стоит сбрасывать со счетов, – но энергия и мощь, бьющие через край, отчего он воистину уподоблялся богу.

Да, я помнила Антония так отчетливо, что вынуждена была напомнить себе: это было почти четыре года назад. Теперь ему сорок один, а не тридцать семь, за это время многое могло

измениться и уйти без следа. Но его умение радоваться, его мальчишеская жизненная сила... может ли он утратить их полностью? А артистизм, любовь к перевоплощениям – может ли он их лишиться?

Нет, не верю. В этом его суть. Нельзя перестать быть самим собой.

Итак, я приду к нему в обличье, соответствующем именно этим восхитительным чертам его натуры. Не сомневаюсь, мое появление вызовет достойный отклик – ведь, подобно эху, оно добавит блеска его великолепию.

Вместе мы поразим всех.

На горизонте появилось побережье Киликии, та ее равнинная часть, где горы отступили, оставив рядом с морем плоскую низину. Некогда ею владели Птолеми, как и Кипром. Западнее простиралась «дикая» Киликия – суровый край с побережьем, изрезанным заливами, и высокими мачтовыми лесами на берегах реки Кидн, текущей к морю из глубины страны. Говорили, что вода в ней бывает ледяной, потому что весной ее питают тающие снега. Александр при переправе через Кидн сильно простудился.

– Якорь! – скомандовала я капитану, когда мы приблизились к побережью.

Нам придется подождать здесь до завтра, чтобы продолжить путь вверх по реке. К тому же пора начать подготовку к встрече. Я не посылала никакого известия о визите, но не сомневалась, что мой корабль будет замечен и Антонию о нем доложат.

В ту ночь, когда корабль мягко покачивался на якоре, мне снились странные сны: образы предков, давно ушедшая в прошлое жизнь, а потом римлянин в восточном одеянии. Сбросил ли он свою тогу? Значит ли это, что я увижу незнакомого мне Антония? А он увидит Клеопатру такой, какой меня видел Цезарь, – в облике дочери Востока? Мы будем новыми друг для друга.

На рассвете мы поставили особые паруса – пурпурные, пропитанные эссенцией кипарисового масла. При дуновении ветра они распространяли его аромат. Однако, двигаясь по запруженному лилиями водному пути, приходилось полагаться не на ветер, а на гребцов. По этому случаю обычные сосновые весла заменили на парадные, с серебряными лопастями. Музыканты с флейтами, дудками и арфами, задававшие ритм гребцам, заняли места на верхней и гребной палубах. Временно, лишь на этом коротком отрезке плавания, обветренных матросов на палубе заменили женщины, одетые нимфами. Одни стояли у руля и поднимали снасти, другие держали курильницы, над которыми вились тяжелые клубы дыма, благоухающего ладаном и миртом. Их относил к берегу ветер.

Хармиона облачила меня в ниспадающий складками наряд Венеры. Золотистая, почти прозрачная невесомая ткань окружила меня волшебным сиянием. На палубе тем временем устроили золоченый павильон в виде священного грота под роскошным балдахином, а установленное в нем ложе покрыли леопардовыми шкурами. Прежде чем мы бросили якорь, я возлегла там. По обе стороны от меня стояли красивые отроки-купидоны с опахалами из страусиных перьев. Эта сцена максимально соответствовала тому представлению о Венере, которое внушали нам произведения искусства. Медленно и величаво корабль плыл сквозь водяные лилии вверх по течению, а я все это время сохраняла принятую позу. На берега реки сбегались люди; скоро там стало трудно протолкнуться от изумленных зевак. Хармиона и Ирас, одетые наядами, стояли у кормила и бросали им цветы.

Когда река расширилась, превратившись в уютную гавань, я велела купидонам позвать капитана. По его прибытии я приказала не швартоваться у пристани, но бросить якорь прямо посередине гавани.

– Мы не сойдем на берег, – заявила я. – Мы не ступим ногой на землю Тарса, пока нам не окажут почести здесь, на борту.

С моего ложа было хорошо видно, что от забитой народом пристани отвалила и устремилась к нам маленькая лодка с римскими командирами на борту. Один из них встал и начал что-то кричать, сопровождая речь энергичными жестами.

– Узнай, чего они хотят, – велела я моему придворному управляющему.

Он подошел к поручням и перевесился через них, чтобы поговорить с римлянами.

Их маленькое суденышко было переполнено людьми, а тех, в свою очередь, переполняло любопытство. Один за другим они поднимались и вытягивали шеи, опасно раскачивая лодку.

– Доверенный трибун префекта Антония спрашивает, кто мы и с какой целью, – доложил управляющий.

Над ответом я размышляла недолго.

– Скажи ему, что прибыла Афродита, желающая пировать с Дионисом ради блага Азии. На лице управляющего отразилось удивление.

– И постарайся не смеяться, когда будешь это говорить. Чтоб все прозвучало достойно, с официальной серьезностью.

Он выполнил все точно, и я с интересом наблюдала за растерянным римлянином, явно не знавшим, как на такое реагировать.

Наконец мой управляющий вернулся.

– Он говорит, что его благородный командир, наместник Антоний, приглашает тебя отужинать с ним сегодня вечером на приветственном пиру.

– Передай ему, что я не желаю сходить на берег в Тарсе, но сама приглашаю благородного Антония, а с ним и видных граждан города стать сегодня вечером моими гостями на борту этого корабля.

Он отбыл на переговоры, а по возвращении сообщил, что сегодня благородный Антоний вершит суд на городской площади и мне надлежит почтить его, явившись туда.

– Должно быть, он сидит на помосте один, – рассмеялась я. – Ведь весь город собрался сюда, к причалам.

Потом, помолчав, я серьезно добавила:

– Ступай и повтори то, что я сказала раньше. Нужно, чтобы он явился ко мне первым.

Послание было передано, и лодка отгребла прочь, к пристани.

– А теперь, мой дорогой друг, – сказала я, – готовь все для пира.

Пока повара готовили угощение, а слуги убирали пиршественный зал, корабль медленно направлялся к берегу. Мы подошли к причалу, когда уже наступили сумерки. Нас окутала сине-пурпурная дымка, сливавшаяся с туманом курящихся благовоний. Были зажжены светильники, и волшебство дня уступило место магии ночи.

Уже совсем стемнело, когда звуки и появившиеся со стороны порта огни возвестили о появлении направлявшейся в нашу сторону процессии. Кто-то энергично шагнул к причалу в сопровождении факельщиков, музыкантов, певцов, длинного хвоста свиты и еще более длинной вереницы любопытствующих зевак. Встать с ложа я не решилась, чтобы не нарушить тщательно выверенную позу, хотя мне очень хотелось узнать, кто идет.

Наконец сходни закрипели, я услышала тяжкую поступь и увидела, как на борт один за другим поднимаются римские командные чины: легат, а за ним военные трибуны. Оказавшись на корабле, они, не в силах скрыть изумления, разглядывали светочи на снастях и приветствовали их диковинную свиту из нимф.

Антония среди римлян не было, и я на миг подумала: уж не остался ли он на берегу, чтобы поставить меня на место? Цезарь так бы и поступил – или нет?

Но тут он взошел на палубу и замер, уставившись на меня. Потом моргнул, набросил плащ на плечо и двинулся ближе.

Антоний остановился и с высоты своего роста воззрился на ложе, где возлежала я, опершись на локоть. Несколько бесконечных мгновений царила тишина: он смотрел на меня, я – на него.

На моей шее красовалось (скрывая медальон, который я не снимала никогда) ожерелье из огромных жемчужин; две жемчужины, самые крупные из когда-либо добывавшихся ныряльщиками, украшали мои уши; волосы локонами ниспадали на плечи. Ноги я подобрала под уложенное изящными складками платье, так что взору были открыты лишь украшенные изумрудами сандалии. Взгляд Антония пробежал меня всю, от волос до сандалий, и лишь потом обратился к моему лицу.

– Вот бессмертная Афродита на троне дивной работы, – наконец произнес Антоний.

Вот как – стало быть, он знаком с поэзией Сафо! Ну что ж, отвечу ему цитатой из Еврипида:

Бог Дионис, Вакх, веселье несущий, я прибыл в Элладу, В Фивы явился, где встречен был радостным криком. Женщин в менад обратил я, мужей же – в мохнатых сатиров, В руки вложив им свой тирс, жезл священный, лозою увитый.

– Добро пожаловать, Дионис.

Он огляделся по сторонам и посмотрел на свои пустые руки:

– Вот незадача – тирс-то я, похоже, забыл. Что за Дионис без жезла? Гай! Может, сбегаешь, принесешь?

– Сегодня он тебе не понадобится, – сказала я, протянув ему руку. Он принял ее и помог мне подняться с ложа. – Добро пожаловать, Марк Антоний.

– Это я должен приветствовать тебя. – Он покачал головой и поднял глаза на снасти, с которых свисали сияющие светильники на шелковых шнурах. – Да у тебя тут весь зодиак разом! – вырвалось у него изумленное восклицание.

– Ты же знаешь наших александрийских астрономов, – сказала я. – Со звездами мы на дружеской ноге.

– Да, конечно. Ваша страна полна чудес.

Антоний повернулся к своим людям, сделал широкий приглашающий жест и сказал:

– Добро пожаловать в Египет.

– Это следовало бы сказать мне, – заметила я.

– Ну так скажи.

Я подала знак музыкантам, и они заиграли приветственную мелодию.

– Добро пожаловать, дорогие гости, – провозгласила я.

Слуги начали подносить римлянам золотые чаши. Антоний принял кубок, попробовал вино и одобрительно улыбнулся. Его крепкие пальцы обхватили усыпанную драгоценными камнями поверхность чаши.

– Очень рада нашей встрече, – сказала я. – Мы давно не виделись.

– Три года, пять месяцев и десять дней, – ответил он.

Я опешила. Должно быть, он велел своему писцу высчитать это, когда рассердился на мой отказ приехать.

– Правда?

Где мне было запомнить время нашей последней встречи? Я едва ли знала точную дату моего отъезда из Рима.

– Или мой секретарь не умеет считать, – отозвался он и пробежал рукой по своим волосам. – Надо же, я и венец Диониса забыл. Без него чувствую себя голым. Но все равно, – голос его зазвучал серьезно, – я очень рад, что ты здесь. Ты хорошо выглядишь. Годы добры к тебе.

Если бы он только знал!.. У меня вырвался горький смешок.

А как выглядел он? Пережитое изменило его, добавив властной суровости, но не испортило. Может быть, даже наоборот – пошло на пользу.

– Благодарю за добрые слова, – промолвила я и поймала себя на том, что говорить с ним мне нелегко.

Для бывшего добродушного подшучивания друг над другом, кажется, не осталось места.

– Кассий не получал от меня никакой помощи! – заявила я, тоже перейдя на серьезный тон. – Ты должен знать, как попали к нему легионы, отправленные мною на помощь Долабелле.

– Да знаю я, как же иначе.

– И я сделала все возможное, чтобы отправить тебе корабли. Могу добавить, что это стоило мне огромных расходов.

– Да все я знаю.

Что это он заладил – «знаю» да «знаю»?

– Тогда почему ты обвиняешь меня в том, что я действовала против тебя?

– Донесения поступают противоречивые, обстановка запутанная. Вот я и хотел, чтобы ты прибыла и сама разъяснила, что к чему. В конце концов, ты лучше разбираешься в здешних обстоятельствах, чем мы.

– Прекрасно. Только вот в письме твоём было совсем другое.

Антоний вскинул вверх руки, и вышколенный слуга тут же заменил его пустую чашу полной.

– Прости, – промолвил он с обезоруживающей улыбкой. – Это моя ошибка.

Надо же, как у него все просто!

– Прощаю, – улыбнулась я, – хотя тон письма меня удивил. Я думала, мы друзья.

– Друзья, да, мы друзья, – повторил он и следующим глотком осушил вторую чашу.

Ему тут же подали новую.

– Ну что ж, друг мой, – сказала я, – добро пожаловать на пир.

Мы спустились в банкетный зал, где нас ожидали расставленные у пиршественных столов двенадцать лож. Антонию приготовили почетное место напротив меня. Служитель возложил на его голову венок из цветов.

– Вот твой венец на сегодняшнюю ночь, – сказала я, про себя отметив, что в таком убранстве он уже не выглядит грубым солдатом.

– Отлично, – отозвался Антоний. – Вот я и коронован.

– А тебе бы хотелось?

Он усмехнулся:

– Нет уж, в эту ловушку я не попадусь. Сказанное слово имеет свойство напоминать о себе, причем в самое неподходящее время.

Значит, ему бы хотелось. Впрочем, кто откажется от короны, если есть возможность ее получить? Споры нет, в Риме были и убежденные республиканцы, но после гибели Брута они лишились вождя.

– Знаешь, – сказала я, – когда мне доложили о битве при Филиппах, я несчетное количество раз благодарила богов за твою победу. Но боги богами, а победил ты, и я рада поблагодарить тебя лично. Я в неоплатном долгу перед тобой, Антоний.

Судя по выражению его лица, он поверил в мою искренность, и мои слова его тронули.

– Все было в руках богов, – произнес Антоний после долгого молчания. – На сей раз они рассудили по справедливости. Теперь наш Цезарь отмщен.

Подали первую перемену блюд: диковинный и для римлян, и для тарсийцев копченый заяц из ливанских пустынь, устрицы на блюдах, высланных водорослями, белые булочки из лучшей египетской муки, дрожащее желе с медом и гранатовым соком, финики. Разговоры за столами становились все оживленнее, что радовало меня: так легче вести приватную беседу.

– Именно ты переломил ход событий на похоронах. Я никогда не забуду эту ночь.

– Я тоже.

Он приступил к еде, обильно запивая ее вином.

– Но останавливаться на достигнутом нельзя: я хочу не только отомстить, но и воплотить в жизнь то, что не удалось ему. Совершить поход на Парфию. Я даже оружием воспользуюсь тем же самым, какое он приготовил для кампании. Оно до сих пор хранится в арсеналах Македонии, где Цезарь собрал его.

– Но это ведь дело не срочное?

– Нет, с ним придется подождать. Еще осталось немало вопросов, которые необходимо уладить, прежде чем затевать войну.

Пир шел своим чередом: слуги приносили из кухни новые блюда, певцы и танцоры развлекали гостей.

Когда пришла пора расходиться, Антоний встал первым.

– Завтра вечером приглашаю к себе, – сказал он. – Конечно, такого... – он со смехом обвел рукой мой зал, – мне не устроить, тут и надеяться не на что. Но ты должна дать мне возможность хотя бы отблагодарить тебя за гостеприимство.

Антоний повернулся к своим людям и подал им знак:

– Идем, пора.

– Постойте, – остановила я гостей. – Прошу всех, кто оказал мне честь и возлежал за моим столом, принять подарок. Пусть на память об этом пире каждый заберет с собой золотое блюдо, с которого ел.

Все изумленно глядели на меня.

– Да-да, – беззаботно подтвердила я. – В знак благодарности моим гостям. За то, что мы прекрасно провели время.

Стараясь притвориться, будто это их не волнует, люди хватали блюда и тарелки.

– Ни о чем не беспокойтесь, – добавила я. – Мои факельщики проводят каждого до дома и отнесут подарки.

Теперь вытаращился Антоний.

– Тебе тоже положен подарок. Но почетному гостю, римскому главнокомандующему, подобает особенный дар.

Я сняла с шеи драгоценное жемчужное ожерелье.

– Пожалуйста, прими его в знак уважения от царицы Египта.

Он сжал ожерелье в кулаке, так что нити жемчуга свисали по обе стороны.

Когда все разошлись, я уединилась в своей каюте. После шумного пира тишина казалась особенно полной. Похоже, затея удалась. Рассказы о моем волшебном корабле станут повторять на разных языках. Что же до Антония, пусть пересчитывает жемчужины и изумляется.

Я вытащила из ушей серьги и положила их в шкатулку, сняла массивные золотые браслеты, устало вытянула босые ноги – и только теперь почувствовала, каких трудов и усилий стоил этот успех. На меня навалилась усталость, я едва могла верить, что пир уже позади. Он обошелся в стоимость небольшого дворца. Одни благовония...

Я покачала головой. Драгоценные ароматические вещества жгли, как уголь, и все ради того, чтобы показать: Египет богат и могуч.

Снаружи слышались шаги, потом нерешительный стук в дверь.

– Открой! – приказала я.

Стоявший за дверью страж распахнул ее, доложил:

– Посетитель к вашему величеству, – и отступил в сторону.

В проеме двери появился Антоний.

Я недоуменно воззрилась на него. Он держался обеими руками за дверной косяк. Он заболел? Или пьян? Но он вполне владел собой, когда уходил.

– В чем дело? – спросила я, поднимаясь на ноги и вглядываясь в его лицо.

– Похоже, я вернулся не вовремя, – проговорил Антоний. – Лучше в другой раз.

Он отступил, и я заметила, что его развезло. Голос звучал трезво, но вино все же ударило ему если не в голову, то в ноги.

Я подошла к нему. Хорошо, что я не успела раздеться, а лишь сняла украшения.

– Нет, не уходи. Останься и объясни, зачем пришел.

Я потянула его в каюту, и он, после небольшого колебания, вошел. Я затворила за ним дверь.

– Вот что. – Антоний показал бумаги, которые держал в руках. – Мне подумалось, что нам нужно поговорить наедине. А здесь меньше вероятности, что нас подслушают, чем в моей резиденции.

– Хорошо.

Я умолкла, ожидая дальнейших объяснений. Почему дело не могло подождать до утра? Почему он отправился за бумагами, ничего мне не сказав, а потом вернулся? Почему он казался таким напряженным?

Как бы невзначай (не хотелось, чтобы у него создалось впечатление, будто мне не по себе) я наклонилась, подняла шаль и накинула ее на себя, словно защитный покров.

– Ты помнишь о документах Цезаря? Тех, из его дома?

Он помахал свитками, словно они могли говорить.

– Что с ними?

Все это было так давно... Да и какое значение имеют старые деловые записи? Единственное, что казалось важным, – это завещание, где Цезарь проигнорировал Цезариона и усыновил Октавиана.

– Я переделал их, – признался Антоний. – Я хотел рассказать тебе, объяснить... Я покажу тебе оригиналы.

Он выглядел смущенным.

Я не обрадовалась. Да, конечно, мне хотелось снова увидеть почерк Цезаря, хотя это и болезненно, но почему именно ночью, когда я так устала?

– Тут света мало, – попыталась возразить я, чтобы не садиться за бумаги прямо сейчас в угоду Антонию.

С другой стороны, отталкивать его не стоило: это может свести на нет весь мой дипломатический успех.

– Ничего, нам хватит. – Антоний махнул рукой; не спросив разрешения, уселся за мой письменный стол, развернул первый свиток и, склонившись над ним, стал водить пальцем. – Вот видишь, здесь, где он назначил магистрата надзирать за играми...

Я устало подошла и остановилась у него за плечом, пытаясь понять, из-за чего он так горячится. В полумраке я едва разбирала слова, да и Антонию, судя по тому, как низко он склонился, чтение тоже давалось с трудом.

– А почему нас должно волновать, кому и как устраивать те игры? – спросила я.

Чтобы говорить с ним, мне пришлось склониться еще ниже, буквально прильнув к его спине и плечам.

– Я тут многое изменил, – признался он. – Вот только одно из изменений. Взгляни на почерк. Видишь, он немного другой.

Мне пришлось наклониться еще ниже – и прижаться к Антонию еще сильнее. Неожиданно я поняла, что чувствую теперь только его.

– Да.

Я сглотнула.

– Всегда чувствовал себя виноватым из-за этого. Потом я использовал его печать, чтобы, так сказать, усилить свою руку...

«Я правая рука Цезаря», – говорил он.

– Твоей руке требовалась сила, чтобы отомстить за него, – отозвалась я. – Ничего страшного – ведь ты думал о нем.

Я помолчала.

– А зачем ты открылся мне?

Он вздохнул, его плечи двинулись, и я вместе с ними.

– Наверное, потому, что ты единственная, кто имеет право – во всяком случае, в моем представлении – простить мне подобные вольности. Ты можешь сказать: «Я прощаю тебя от имени Цезаря», – если поймешь, какая сложилась ситуация и почему коррективы были жизненно необходимы.

– Да, я понимаю. Я уже сказала: я в вечном долгу перед тобой, потому что ты отомстил за него. Если пришлось по ходу дела изменить правила, что ж...

Я начала отстраняться от него, поскольку разобрать написанное мне так и не удалось.

Но когда я попыталась выпрямиться, он тоже сделал движение, и его щека мимолетно коснулась моей. Я застыла; это запретное прикосновение мгновенно разрушило разделявший нас невидимый барьер, поддерживаемый традициями и воспитанием.

Он шевельнулся снова, мы опять соприкоснулись, и тогда – его движение казалось растянутым во времени, как во сне, но в действительности, конечно же, все произошло почти мгновенно – он повернул голову и поцеловал меня. Позабыв обо всем, я ответила на поцелуй и почувствовала, что Антоний поднимается со стула, увлекая за собой и меня. И вот мы уже стояли лицом к лицу, не прерывая страстных поцелуев. Не помня себя, я обняла его и прижалась к нему.

Он целовал меня со всей силой страсти, и я, удивляясь самой себе, откликалась с тем же желанием. Его прикосновение открыло тайную дверцу, что так долго оставалась запертой. Она распахнулась неожиданно, и эта неожиданность сделала меня беспомощной.

«Но ведь это безумие! – промелькнула мысль. – Необходимо остановиться!»

Я пыталась отстраниться, но Антоний словно боялся выпустить меня из объятий.

– Я всегда хотел тебя, – тихо прошептал он у самого моего уха, тогда как его левая рука удерживала мой затылок.

Что значили эти слова? Извинение? Он оправдывался в том, что явился в полночь, под надуманным предлогом, в мои покои?

– Полагаю, это началось, когда ты впервые приехал в Египет, а я была еще девочкой? – спросила я словно в шутку.

На самом деле я пыталась успокоиться, унять колотившееся сердце. Оно стучало так громко, что я боялась, как бы Антоний не услышал этот стук – ведь наши головы сблизились, а сердце стучало прямо в висках.

– Не знаю. Но я не забывал тебя. И когда снова увидел тебя в Риме – ярчайшую звезду в созвездии Цезаря... О да, я жаждал тебя как мальчик, увидевший чудесные свечи в лавке, но не имеющий денег. Ты принадлежала Цезарю, и даже мечтать о тебе было изменой. Но... – Он помолчал. – Я все равно желал тебя. Во всяком случае, когда бодрствовал.

Я почувствовала, хотя и не могла увидеть, его смущенную улыбку, и от этого улыбнулась сама.

Теперь между нами возникла обоюдная неловкость: ни он, ни я не знали, идти ли вперед, навстречу желанию, или отступить, укрывшись в безопасном одиночестве. Я решила выбрать второе.

– Мой солдат, – сказала я, как бы шутя, – мой командир.

И снова я попыталась выйти из затруднительного положения, спрятавшись за иронию. Но не получилось.

– Нет, я не *твой* командир, я просто командир, – возразил он. – Если только ты не возьмешь меня на службу.

Он принялся целовать мою шею около уха.

– Я думала, ради этого и устроена наша встреча. Ради будущих союзов – политических союзов.

– Нет, – снова возразил Антоний, – вот ради чего наша встреча.

Он продолжал целовать меня. Словно играя с моим платьем, он развязал тесемки, и оно упало с моих плеч. Почему я не остановила его? Разум говорил, что нужно сопротивляться, но кожа, которую покалывало от возбуждения, не давала воли разуму. Она страстно желала его прикосновений, словно у нее были собственное сознание и свои потребности.

На палубе находилась стража – стоит кликнуть, и его мигом пронзят копьем. Да что на палубе – прямо за дверью стоит часовая. Положить этому конец можно в одно мгновение: позвать охранника, и он спасет меня от моего тела, охваченного внезапным желанием. Проблема, однако, заключалась в том, что тело решительно побеждало. У меня не было воли позвать людей. Я безмолвно позволяла Антонию целовать себя, гладила его плечи и касалась его волос.

– Я хотел увидеть тебя. Должно быть, я наполовину сошел с ума, если стремился увидеть тебя так сильно, – торопливо, невнятно говорил он. – Это тянулось так долго, а у меня... у меня не было никакого вразумительного предложения для встречи. Ты понимаешь? Моя власть заканчивается на границе Сирии. Я мечтал о том, чтобы ты официально пригласила меня в Египет, но не дождался. Месяц проходил за месяцем, ты молчала, вот мне и пришлось выдумать причину, чтобы вызвать тебя. Да, получилось неловко. Ты, наверное, обиделась и рассердилась.

Он наклонил голову и стал целовать верхнюю часть моей груди.

Волны возбуждения накатывали на меня с такой силой, что я едва выговорила:

– Если б я знала истинную причину, я бы не рассердилась.

– Ты должна была знать. Ты должна была догадаться.

Он замолчал и продолжал целовать меня. Его губы спускались все ниже.

И снова я стыдилась себя, стыдилась желания, которое он во мне пробуждал. Еще один женатый римлянин – не безумие ли с моей стороны вновь вступать на стезю, уже принесшую столько горя?

Я отстранила его и собиралась сказать, чтобы он уходил и не бесчестил ни себя, ни меня; что причиной всему вино, а завтра он обо всем забудет. Но эти слова так и не прозвучали – ведь он на самом деле мог устыдиться и уйти. А я этого не хотела.

В полумраке я видела его лицо, искаженное вождением, от которого трепетало его тело. Да что там – и мое тоже. Я забросила руки ему на плечи и потянула вниз, на кровать, стоявшую как раз позади нас. Обнявшись, мы перекатились по ложу, как борющиеся дети. Я пробежала руками по его густым волосам, мигом полюбив это ощущение, а он снова поцеловал меня – на сей раз не торопливо и жадно, а нежно, долго. Это подогрело мое возбуждение еще больше, чем первые горячие поцелуи.

– Я не дикий зверь и не сделаю ничего без твоего желания, – выдохнул Антоний.

Он смотрел на меня серьезно, ожидая ответа.

Я попыталась собраться с мыслями, но в моей голове крутилось одно: сегодняшняя ночь – первая за долгие годы ночь, отданная мне. Я буду не чьей-то вдовой, а просто женщиной. Свободной женщиной.

Мои пальцы пробежали по его плечам – широким, крепким и молодым. Антоний находился в расцвете сил.

– Мой солдат, – повторила я, но уже по-другому, с собственническим оттенком. – Мой командир.

Запустив руку мне в волосы, он привлек мое лицо к своему и поцеловал так, что я забыла обо всем на свете. Мое тело жаждало слиться с ним воедино, и ничто другое не имело значения.

В ту ночь Дионис, темный бог экстаза и вседозволенности, воистину воплотился в Антония. Я не боялась воспоминаний или сравнений, ибо испытанное мною не походило на то, что я знала раньше. Он взял меня сразу, без слов, и заставил позабыть обо всем, кроме него.

Я уступила его страсти, и крик, родившийся в самой сердцевине моего потаенного «я», был сродни тому, что вырвался у меня при первом погружении в воду гавани – теплую, но опасную, пугающую глубиной и неведомыми течениями.

И до рассвета он еще много раз, снова и снова овладевал мною в темноте. Я думала, что умру от наслаждения.

Перед наступлением нового дня мы проснулись обессиленные, но счастливые. Голова Антония лежала на моей шее, и он, потянувшись, взял пальцами медальон Цезаря.

– Хватит носить его, – сказал он. – Цезарь теперь бог, смертные ему не нужны. Они нужны другим смертным.

– Таким, как ты? – спросила я. – Но разве ты не бог? По крайней мере, в Эфесе?

Антоний хмыкнул, потом вздохнул:

– Ну, не знаю, пока я к этому не привык. – Он повернулся и окинул взглядом мое тело, едва видимое при слабом свете. – Как, наверное, никогда не привыкну к вот такой тебе.

– Значит, никогда не заскучаешь...

Разговор между нами шел нелепый, сумбурный, но радующий сердце, какими и бывают разговоры влюбленных. Во всяком случае, в начале любви.

Когда на небе забрезжил свет, он сказал:

– Пока не совсем рассвело, мне нужно уйти.

– Но все уже знают, что ты здесь. Они видели, как ты поднялся на борт. Тебя пропустила стража. Ведь ты придумал для своего визита какое-то объяснение?

Он покачал головой:

– Придумать-то придумал, но боюсь, оно не слишком убедительное. Государственными делами не обязательно заниматься по ночам.

– Так или иначе, люди узнают, – заявила я. – Поэтому нет никакой надобности убегать тайком, как нашкодивший мальчишка. По-моему, нам некого бояться и нечего стыдиться. – Я чувствовала себя заново рожденной и смелой, как никогда. Отказываться от этой ночи я не собиралась. – Думаю, тебе следует выйти с восходом и появиться одновременно с солнцем.

Он рассмеялся:

– Ты очень поэтична. И это твое свойство я давно люблю.

– Ты не мог его знать.

– Ты представить себе не можешь, как много я о тебе знаю. Мне очень хотелось вывести о тебе побольше, и я сделал все возможное.

– Вижу, ты знаешь меня лучше, чем я тебя. Мне и в голову не приходило, что ты собираешь обо мне сведения.

– Я же сказал: мне очень хотелось знать о тебе все.

Я верила ему, ибо его слова не звучали как обычная любезность.

– Но теперь ты получил меня всю.

– Не так просто, – возразил Антоний. – Одна ночь еще не отдает тебя в мои руки. Это лишь начало.

Я поежилась. Мне-то хотелось, чтобы все было просто. Всепоглощающее томление – желание – удовлетворение. А что в итоге – еще один женатый римлянин? Ну, это и вправду слишком просто.

Я покачала головой: как меня угораздило так поступить? Но воспоминание о прошедших часах дали исчерпывающий ответ на вопрос.

- Не уходи тайком, – повторила я. – Нам нечего стыдиться.
- Ты хочешь сказать, что мы не подотчетны земным властям?
- Нет, я имела в виду именно то, что сказала: нам нечего стыдиться. И не стоит вести себя так, будто мы совершили нечто недостойное.

Глава 9

Но рассвете Антоний вышел на палубу и направился к сходням. Первые лучи солнца играли на его черных волосах, заставляя их сиять. Я вышла вместе с ним и встретила удивленные взгляды моих матросов. Уже на трапе он повернулся и отсалютовал мне.

– Сегодня вечером мы повторим... ужин, – со смехом произнес он. – Я постараюсь не ударить в грязь лицом.

– Ну, тогда до вечера, – ответила я, провожая его взглядом.

Он слегка качающейся походкой удалялся по пристани. Я развернулась и закрыла глаза, опершись о поручень. Мое тело устало, зато мысли порхали и путались от возбуждения. Обездыхать их не было никакого желания, и я лишь глубоко дышала, постепенно возвращаясь в повседневный мир деревянных палуб, канатов и поднимавшегося над озером тумана. Солнце словно пронизывало мои глаза, вынуждая их открыться.

За водной гладью виднелись зеленые лесистые склоны горы Таурус. Тарс прекрасно расположен – наилучшее окружение для того, чтобы... чтобы...

Встряхнув головой, я торопливо вернулась в каюту, опустилась на стул, где меня вчера вечером застал неожиданный стук, и долго сидела неподвижно.

В каюте ничего не изменилось. Кроме меня самой.

Некогда (теперь кажется, что очень давно) я, завернутая в ковер, совершила путешествие на запад – напрямик в постель Цезаря, как неловко выразился Олимпий. Теперь я совершила путешествие на восток – на собственном корабле, в облике Венеры – и оказалась в постели с Антонием. Два путешествия – один результат. Олимпий, конечно, снова не покусится на неодобрительные слова.

Теперь мне стало ясно, что я всегда обращала внимание на Антония и выделяла его среди прочих, но лишь подсознательно, не отдавая себе отчета. Теперь все встало на свои места.

Ну и что мне делать? Одну ночь можно считать случайностью, наваждением, приступом безумия. Но если она повторится, то порыв превратится в обдуманное решение. Не стоит приоткрываться перед собой: Антоний не захватил меня врасплох, а сделал то, чего я подспудно ждала. Есть ли будущее у наших отношений? Он женат на вспыльчивой Фульвии, имеет от нее двоих сыновей. Он – наместник восточных провинций, но не останется же он здесь навсегда. А я больше ни за что не отправлюсь в Рим в качестве чьей-то любовницы. Значит, у нас впереди несколько встреч, несколько таких же горячих ночей и неминуемое расставание.

С другой стороны – ну и что? Может быть, оно и к лучшему. Пусть это ни к чему не обязывающая, мимолетная вспышка страсти. Почему бы мне не насладиться мгновением? Разве я не имею права принять наслаждение как награду? Правда, не совсем понятно, за какие заслуги.

Воспоминания о ночных часах осаждали меня, и я кусала губы, чтобы укротить слишком жаркие мысли. Вдруг в зеркале позади меня, к моему смущению, отразилось лицо Хармионы.

– Дорогая госпожа... ваше величество... я... – бормотала она.

Вид у нее был потрясенный.

– В чем дело? – спросила я. Боюсь, слишком резким тоном.

– Это правда – то, что говорят люди? Будто господин Антоний всю ночь пробыл здесь?

Она бросила взгляд на смятую постель.

– Да, это правда. И доставил мне огромное наслаждение! – с вызовом выпалила я.

– Госпожа... – упавшим голосом вымолвила Хармиона.

– И не надо меня порицать! Слышать ничего не хочу. Мы не подотчетны никаким земным властям! – Я повторила фразу Антония.

– А как насчет твоего собственного сердца? Как насчет египетского двора? Как насчет общественного мнения в Риме?

– Пренебрегать общественным мнением Рима мне не впервой, двору Египта я ничем не повредила, а что до моего сердца, то оно... оно тянется к нему!

– Лучше бы этого не было! – заявила она. – Лучше бы к нему тянулось твое тело.

Я рассмеялась:

– По правде сказать, именно тело и тянется. Ведь во всех других смыслах, кроме... телесного, я его почти не знаю.

Но все же... пока и этого было более чем достаточно.

Судя по виду, Хармиона почувствовала облегчение.

День прошел. Я поблагодарила поваров и слуг за удавшийся пир и, приметив, что они с трудом скрывают улыбки и смотрят на меня с любопытством, многозначительно толкая друг друга под ребра, велела им нащипать к завтрашнему вечеру несколько коробов розовых лепестков. Вот так. Пусть будут при деле, а не гадают, чем занимается по ночам их царица!

На пир к Антонию я вознамерилась прибыть уже не как Венера, а как Клеопатра: ведь новость, повторенная дважды, уже не впечатляет. Пока меня одевали, я светила от переполнявшего меня радостного волнения.

Я отправилась к нему на носилках, в наступающих сумерках, в сопровождении четырех факельщиков. С возвышения были видны чистые улицы и аккуратные дома Тарса. Этот город был предан Цезарю, и Кассий обошелся с ним весьма сурово, но Антоний вознаграждал горожан за верность и перенесенные страдания.

Резиденция Антония находилась в самом центре. Меня доставили туда, опустили носилки, и я вышла на широкие ступени, ведущие к большому крытому залу. По обе стороны лестницы стояли часовые. Вооруженный эскорт проводил меня в помещение с высоким плоским потолком, разделенное на три секции рядами колонн.

На самом деле это был торговый зал, освобожденный специально для торжественного мероприятия. По такому случаю ему попытались придать роскошный вид. Шероховатые стены завесили сирийскими драпировками с ручной вышивкой, через каждые несколько локтей расставили светильники на подставках, а близ входа устроили помост, где играли музыканты. Однако запах рынка не могли перебить даже обильно курившиеся благовония. Вдоль стены расположили вооруженных солдат, а большую часть гостей составляли мужчины. Немногочисленные женщины, скорее всего, были женами местных магистратов.

В центре зала находились традиционные обеденные столы и ложа, а гостям попроще предлагали места за длинными столами, наводившими на мысль о солдатской трапезе. Среди собравшихся я заметила и Деллия. Доспехи он сейчас не нацепил, но все равно оделся по-солдатски просто: в скромную тунику и крепкие грубые сандалии. Единственной данью праздничной обстановке был широкий золотой браслет на левой руке. Его окружала группа других солдат, все пили и слишком громко смеялись. Должно быть, они предавались пьянству чуть ли не с утра.

И тут в сопровождении двух военных трибунов в зал влетел Антоний. Увидев его, я вздрогнула – так странно было смотреть на него на людях, в окружении пьянствующей солдатни.

Одет он был получше Деллия, но ненамного: накинул поверх туники плащ с бронзовой фибулой да вместо сандалий натянул сапоги. Однако, судя по растрепанным волосам и раскрасневшемуся лицу, он тоже уже успел немало выпить.

Увидев меня, Антоний кивнул, вскинул руку и выкрикнул:

– Приветствую вас, добрые друзья! Рад вас видеть!

Шум слегка стих, но несколько человек продолжали смеяться и разговаривать. Чтобы призвать их к молчанию, ему пришлось схватить свой кинжал и ударить им о металлическую тарелку.

– Мы здесь, чтобы почтить царицу Египта, проделавшую долгий путь для встречи с нами! – крикнул он.

Голос его, даже под влиянием вина, звучал внушительно и властно.

Вся компания загалдела. Я поморщилась. Что это такое – меня пригласили в казарму?

– Добро пожаловать в наш скромный обеденный зал, – обратился Антоний ко мне, и его речь не была простой любезностью. – Для тебя я попытался превратить его в царские палаты.

Хотя слова его предназначались для меня, смотрел он при этом на своих людей, – похоже, в отличие от моих спутников римляне ничего не знали. Они провели ночь на берегу и полагали, что их командир находился там же.

– Садитесь! Садитесь! – призвал Антоний.

Его повеление было встречено одобрением и незамедлительно исполнено.

Я заняла отведенное мне место рядом с ним на пиршественном ложе, однако сам он довольно долго, стараясь не смотреть в мою сторону, вел разговоры то с одним, то с другим из своих людей. Однако в конце концов ему пришлось сесть, чтобы подать сигнал к началу пира.

Я оперлась на локоть, подвинулась к нему и шепнула:

– Ты постарался.

Но он не взглянул на меня, а лишь опустил голову и буркнул в сторону:

– Я предупреждал, что мой пир не сравнится с твоим.

– Он другой, но мне и сравнивать не с чем. Я бывала на пирах лишь в Риме и Александрии. Откуда мне знать, как принято в столицах провинций?

Меня начала раздражать его странная манера смотреть в сторону. Такой разговор после всего, что между нами было, казался неестественным. Мне очень хотелось повернуть его лицом к себе... а может быть, и поцеловать. Ручаюсь, его солдатам это бы понравилось.

– Да посмотри ты наконец на меня, – с укором сказала я.

Он повернулся, и я увидела на его лице вожеление – или то было отражение моего собственного чувства? Воображение порой заставляет принимать желаемое за действительное. Что поделать, если весь его облик – широкий лоб, темные глаза, полные изогнутые губы – вызывал у меня лишь одну мысль.

– Охотно повинуюсь приказу, – промолвил Антоний, но тут его внимание привлек Деллий.

– Хорошо бы знать, когда в здешних краях наступает зима, – говорил он. – К ее приходу нужно подготовиться заранее.

– У нас долгая осень, потому что гора защищает долину от северных ветров, – ответил один из магистратов Тарса. – А в каком направлении намерены вы двинуться отсюда?

– Дальше, в Сирию, – отозвался Антоний. – А затем в Иудею. Мне нужно встретиться с Иродом.

– А потом? – спросила я.

– Обратно в Рим.

В зал вбежала группа клоунов, одетых в пародийные римские доспехи. Они принялись носиться по залу, выкрикивая загадки.

– На закате поднимается, на рассвете опускается – что это?

Я не сомневалась, что они имеют в виду неполную луну.

Остальные загадки были в том же роде. Попадались, правда, и политические, но тут приходилось шутить с оглядкой. Собравшимся развлечение явно пришлось по вкусу: они хлопали в ладоши и притопывали ногами.

«Что ж, – напомнила я себе, – это все же веселее, чем традиционный римский ужин. Некоторые шутки можно даже признать остроумными».

– Мне всегда хотелось стать солдатом, – сказала я Антонию и положила на его руку свою. К моему удивлению, он отстранился, быстро потянувшись за горстью оливок.

– Тогда пойдем в Парфию вместе со мной, – последовало искреннее предложение.

Но я не собиралась давать ему то, в чем отказала Цезарю. Хочет воевать – пусть организует авантюру за свой счет.

– Может быть, я прибуду туда в качестве твоей гостьи.

В какой-то степени солдатский пир показался мне даже интереснее обычного: здесь не было места длинным пустым любезностям. К тому же для меня эта компания была в новинку, как для Антония – корабль Венеры.

Когда все нагрузились так, что пир превратился в обычную попойку, я решила вернуться к себе. Антония, однако, это разочаровало – он хотел, чтобы я осталась.

– Зачем? Хлестать вино с солдатами? Им от моего ухода только полегчает – будут чувствовать себя свободнее. Они наверняка ждут, когда я отбуду, чтобы разгуляться вволю.

– Отправляйся в мои покои, – предложил он. – Я скоро приду.

– Как солдатская девица! – рассмеялась я. – Нет уж, спасибо.

– Но я приготовил их для нас!

– Наверное, заменил походную койку настоящей?

Проблема, конечно, была не в койке, а в том, что это позор – отправиться к нему и ждать, когда великий полководец соблаговолит явиться. Да еще на глазах у его командиров. Неожиданно я разозлилась.

– Так вот к чему ты клонил все это время? Ты хвастался, да? – Я указала на огромную компанию. – Хочешь произвести на них впечатление?

Мне нужно было уходить. Я чувствовала себя преданной.

– Нет, постой. Я не...

Он осекся, но не протянул руки, чтобы задержать меня.

– Ты должен прийти ко мне, — сказала я. – Это единственная возможность.

Я встала с ложа, вышла и села в свои носилки.

По пути к пристани я отчаянно злилась и думала, что, если Антоний явится на корабль, я не допущу его к себе. Настроение не располагало к любви: весь вечер он демонстративно держался на расстоянии, а потом решил, будто я стану дожидаться его в постели. Видно, женщины избаловали его сверх всякой меры. Взять хотя бы его вчерашнюю выходку: нужна большая самонадеянность, чтобы заявиться ко мне посреди ночи, как в палатку лагерной шлюхи!

Но как я сама себя повела?

Было уже поздно, когда я поднялась на борт моего корабля и спустилась в каюту. Вчера в это же время я только начала отдыхать после пира. Неудивительно, что меня одолевала усталость. Путешествие, приготовление, пиршество... бессонная ночь, новые приготовления, новый пир. Я валилась с ног, а потому выбросила из головы все мысли об Антонии и его солдатском празднике и, не удосужившись даже позвать Хармиону, скинула одежду, буквально заползла в постель и провалилась в глубокий крепкий сон без сновидений.

Пробудило меня ощущение чьего-то присутствия. Мгновенно вострепнувшись – сна не осталось ни в одном глазу, – я села, открыла глаза и увидела стоявшего посреди каюты в круге света от тусклой лампы Антония.

– Меня впустила Хармиона, – пояснил он. – Я пришел, как только смог.

Торопливо прикрывшись простыней, я уставилась на него. Я в жизни не оказывалась в таком положении – захваченная врасплох, сонная, раздетая.

А он – одетый, даже в плаще – невозмутимо смотрит на меня сверху вниз.

На Хармиону обижаться не приходилось: после моих признаний она решила, что я жду этого посещения, и впустила позднего гостя.

Не успела я что-нибудь сказать – способность соображать и тем более говорить возвращалась ко мне очень медленно, – как он сел на кровать и обнял меня. Я вздрогнула от прикосновения его холодных от ночного воздуха рук к моей голой спине, и он крепче сжал меня в объятиях.

– Мои вояки пили и распевали песни, я не мог их покинуть, – прошептал он мне на ухо. – Командир должен быть со своими людьми и в бою, и на пиру. Но поверь, мне не терпелось уйти к тебе.

Пока он говорил, я поняла, что он совершенно трезв. Значит, он действительно не бражничал вместе с остальными и пришел не по пьяной прихоти. У него было время подумать.

– Я еле дождался, когда все разойдутся.

– И никто не видел, как ты пошел сюда?

Конечно, ко мне он отправился тайком!

– Боюсь, на тебя не угодишь, – промолвил Антоний. – Сначала ты настаиваешь, что мы не должны стесняться и скрывать наши отношения. Потом, когда я прошу тебя подняться, не стесняясь, в мои покои, обвиняешь меня в желании похвалиться и даже опозорить тебя, хотя ничего подобного у меня и в мыслях не было. Именно поэтому я ничем не выдал наших отношений. Ты сама решишь, как себя вести. И ты, похоже, хочешь сохранить тайну.

Он говорил и просто держал меня в объятиях, не пытаясь даже поцеловать.

– Это из-за растерянности, – призналась я. – Не спорю, вчера утром я говорила одно, сегодня вечером – другое. Это потому, что легче быть смелой на своем корабле, среди своих людей, чем в незнакомом обществе. Мои слуги прекрасно знают, что постель со мной не делил ни один мужчина, кроме тебя, а твои солдаты привыкли, что ты меняешь женщин. Я не хочу стать очередной Глафирой.

– Какая Глафира? С тобой не сравнится никто в мире! – воскликнул Антоний так искренне и пылко, что я невольно рассмеялась.

– Ох, Антоний, как бы я на тебя ни злилась, все равно прощаю. Я рассердилась, когда ты прислал мне нелюбезное приглашение, когда вломился в мою каюту, когда застал меня врасплох вот такой...

– Вот такой? – Он поцеловал мое плечо там, где с него соскользнуло покрывало. – Это гораздо соблазнительнее, чем наряд Венеры. Самые прекрасные статуи Венеры обнажены.

В его поцелуе не было той нетерпеливой настойчивости, что отличала лихорадочные объятия предыдущей ночи, однако его обволакивающая неторопливость внушила мне особенную эротичную истому. Его спокойствие пробуждало меня – и возбуждало.

– Так и быть, останься, – сказала я и положила руки ему на плечи.

Потом я подалась вперед и сама, первая, поцеловала его в губы. Этот долгий поцелуй зарядил меня возбуждением; я и не догадывалась, что поцелуй может существовать сам по себе, словно отделенный от всего остального на свете. Я чувствовала, что могла бы жить в нем вечно.

Бесконечно долго я наслаждалась этим поцелуем, обнимая мужчину, способного вызвать у меня вожделение и нежность одновременно.

Естественно, вскоре я лежала с ним рядом в темноте, желая, чтобы ночь продолжалась вечно. Мною никогда так не восхищались, никогда не боготворили меня телесно. Я окунулась в мир новых ощущений.

А ведь еще недавно мне казалось невозможным полюбить кого-либо, кто физически не похож на Цезаря – худощавого и отличавшегося элегантно пропорциональностью сложения. Собственно говоря, все мои представления о любви были привязаны к телу Цезаря, неотделимы от него. Теперь это осталось в прошлом, и мне пришлось учиться любви заново, с самого

начала. Когда я, полностью удовлетворенная, перевернулась лицом вниз, он начал новые ласки: стал распускать и разглаживать по спине мои волосы, спадавшие гораздо ниже лопаток.

– Всегда мечтал прикоснуться к твоим волосам, – признался Антоний. – Но ведь нельзя было. К тому же они все время зачесаны наверх и уложены в прическу, украшенную драгоценностями. А им не нужны украшения, их темный блеск драгоценен сам по себе.

Мне вспомнилось, как девочкой-подростком я полоскала волосы в настоях душистых трав, расчесывала их и пыталась представить, понравятся ли они кому-нибудь. И вот наконец это случилось. Я рассмеялась, но не насмешливо, а радостно.

– Они твои, делай с ними, что хочешь.

– Тогда я, пожалуй, отрежу их, – пошутил он. – Да, отрежу и сохраню для себя, а ты, остриженная как овца, станешь прятаться под головным убором. А правда – интересно, как бы ты выглядела без твоих прекрасных волос? Впрочем, думаю, это не имело бы значения. Да, для тебя не имело бы.

– А что, женщина с короткими волосами – и впрямь необычно, – откликнулась я. – Наверное, я чувствовала бы себя юношей-атлетом. Например, бегуном.

– Мне кажется, ты была бы на него похожа.

– Вообще-то, я бегаю довольно быстро.

– Но тебе пришлось бы состязаться в обнаженном виде, – сказал он. – А никто, кроме меня, не должен видеть тебя нагой.

– Ты мне не муж, не брат и не отец, и у тебя нет никакого права делать такие заявления.

– Есть – самое основательное из всех возможных. Я ревнив и не допущу этого.

– Не допустишь? От кого я это слышу? От мужа Фульвии! – произнесла я и тут же пожалела о сказанном. Здесь и сейчас эти слова были совершенно неуместны.

– Прости, мне не следовало так говорить.

– Почему? Ты сказала правду. Но Фульвия – в Риме, а Рим далеко.

– Антоний, поедem со мной в Александрию.

Я просто не могла распрощаться с ним, проведя вместе лишь три дня. Это слишком мало даже для того, чтобы наполниться воспоминаниями.

– Даже не знаю, могу ли я, – промолвил он после долгого молчания, поглаживая мои волосы.

– А что тут такого? Прибудешь с визитом, как мой гость. Ты же бывал у других правителей. Чем я хуже?

– Я не могу относиться к тебе как к другим.

– Значит, ты наказываешь меня за то, что я Клеопатра, а не Китерис или Глафира.

– Я не следовал за ними в их города, у всех на виду.

– У «всех». Вечно эти «все»!

– Опять, моя госпожа, в одном случае ты заявляешь, что мнение «всех» тебя не интересует, а в другом – очень о нем беспокоишься. Ты не захотела раскрывать нашу связь перед моими товарищами. А ведь они не ханжи, прикидывающиеся ревнителями строгой морали.

– Считай это моей ошибкой, которую следует исправить, – пылко заявила я.

Мысль о расставании была для меня непереносима, поскольку мое желание не исчезало, а все сильнее распалялось.

– Поедем со мной в Александрию. Я покажу тебе мир. И покажу тебя миру, без всякого стеснения.

– Я не идол и не кукла, чтобы выставять меня напоказ, – сказал он. – Если бы я поехал, то как частное лицо. Иностранный сановник, наносящий визит вежливости.

Про себя я отметила, что, хотя на словах Антоний не собирается наносить мне визит, на самом деле он уже обдумывает, как его обставить.

Однако мне не хотелось тратить драгоценные часы на пустые разговоры. Я протянула руку, переплела его пальцы своими и, целуя мочку его уха, прошептала:

– Если ты не поедешь в Александрию, то оставшиеся несколько часов нам нужно использовать полностью.

Он не возражал.

Глава 10

Когда сумерки окутали небо своим туманным покровом, на мачтах и реях моего корабля вновь зажглись волшебные фонарики. На сей раз гостям предстояло взойти не на деревянную палубу, а на ковер из розовых лепестков. Не будь сверху наброшена сетка, люди проваливались бы в них по колено. Лепестки не только пружинили под ногами, но и источали восхитительное благоухание.

Аромат сотен тысяч роз – для обоняния, блеск золотых сосудов и мерцающие светочи – для зрения, шелковые покровы на ложах – для осязания, чистые голоса и нежная лютневая музыка – для слуха и изысканные блюда – чтобы ласкать и дразнить вкус. Прощальный пир, данный мною в Тарсе, должен был навсегда запечатлеться в памяти гостей как наслаждение для каждого из пяти чувств.

Я сочла уместным появиться на пиру в облике царицы Древнего Египта: в золотисто-голубом одеянии и золотой короне с лазуритовыми змеями. Когда Ирас заплетала мои волосы в косы и укладывала в сложную прическу, я невольно улыбнулась, вспомнив слова Антония. Он прав, эти торжественные церемониальные прически лучше не трогать. Ирас заглядывала лишь в отражение моих глаз в зеркале, но и этого хватало, чтобы на ее лице отразились тысячи вопросов, которые она не решалась задать. Но сегодня вечером мне все равно не до ответов. И ночью тоже.

Широкое, как воротник, наборное ожерелье из золота с сердоликом и лазуритом обхватило мою шею, широкие золотые браслеты украсили руки выше локтей.

Откупорив тонкую алебастровую бутылочку, Ирас стряхнула несколько капель благовоний себе на ладони, потом легко коснулась ими моего подбородка, локтей, предплечий и лба.

– Аромат роз должен исходить и от тебя тоже, – сказала она. – Это благоухание белых роз. Они пахнут иначе, чем красные, чьи лепестки покрывают палубу.

Ожидалось прибытие той же компании, что и в прошлый раз. На двенадцати ложах предстояло возлечь тридцати шести гостям.

Антоний не проявил интереса к подготовке прощального пира. Видимо, он решил, что удивить его мне уже нечем, и я настояла, чтобы он ушел до рассвета. Мой возлюбленный принял это за проявление вновь пробудившейся скромности. На самом деле мне не хотелось, чтобы он увидел ожидавшийся на палубе груз, хотя запах розовых лепестков нельзя было не уловить. Пусть это удивит его так же, как остальных.

– Сегодня у нас прощальный ужин, – сказала я. – А если ты не приедешь в Александрию, то это наша последняя ночь.

Он по-прежнему утверждал, что не сможет приехать. Ну а я заявляла, что в Тарсе больше не появлюсь.

Сходни накрыли ярким пурпуром из Тира, превратившим их в триумфальный мостик. По ним поднимались на борт гости. Один за другим они ступали на пружинивший под их сапогами ковер из розовых лепестков. На лицах римских воинов и старейшин Тарса было написано изумление, но я воспринимала это как должное. Более всего мне хотелось поразить и порадовать Антония.

Когда он остановился наверху трапа, опираясь о поручень, его глаза разом вобрали в себя всю картину: малиновый ковер из роз, пурпурные драпировки, искусственные созвездия на снастях – и я, раззолоченная и разукрашенная, как статуя. Зрелище получилось очень театральное, своего рода вызов природе.

– О дивный корабль! – промолвил Антоний. – Давайте обрубим канаты и уплывем в ту волшебную страну, откуда он явился.

С этими словами Антоний совершил высокий прыжок, а когда по приземлении толща роз прогнулась под его весом, потерял равновесие, упал и развалился на спине, раскинув руки.

– Ах! – воскликнул он. – Я задохнусь, опоенный эликсиром из роз. Помогите, помогите мне, ибо я теряю сознание!

Он устроил представление, якобы пытаюсь встать на колени, в результате добрался до меня на четвереньках и ухватился за мои сандалии.

– Я умираю! – простонал он, и вся его компания покатилась со смеху.

Я наклонилась, взяла его за руку и со словами: «Вернись же к жизни, благородный Антоний!» – подала знак слуге, чтобы тот поднес чашу. Это была большая чаша, украшенная кораллами и жемчужинами, наполненная хиосским вином.

Антоний сделал большой глоток и покачал головой:

– Никогда еще не бывало, чтобы вино избавляло от чар. Напротив, оно имеет свойство усиливать их действие.

– Добро пожаловать, и прошу всех выпить с нами! – возгласила я, и слуги начали обносить гостей чашами. – Я хочу, чтобы наш прощальный пир навсегда остался в вашей памяти.

Смесь изумления, восхищения и растерянности на их лицах говорила о том, что на сегодня они уже подпали под мои чары. Даже Деллий широко раскрыл глаза. Что ни говори, а театральный эффект – великая сила! При правильном использовании он дает немалую власть.

– С этого ли корабля я ушел сегодня утром? – тихо спросил Антоний.

– Да, с этого самого, – сказала я.

– А что ты сделала с каютой внизу?

– Увидишь немного позже. Если, конечно, не захочешь отправиться туда прямо сейчас.

Он огляделся по сторонам и с немного нервным смехом пробормотал:

– Думаю, тебе хватит смелости и на такое.

Я лишь улыбнулась. Пусть удивляется.

Между тем Деллий очень громко начал поносить сначала парфян, а потом Кассия, причем последнего он ругал такими словами, что даже один из тарсийцев, вряд ли имевший причины защищать разорителя своего города, попытался сменить тему.

– Деллий, – сказала я, мягко подходя к нему, – что касается парфян, то, полагаю, когда ты отправишься против них в поход под началом благородного Антония, тебе представится возможность покарать их не на словах, а на деле. Но забудь Кассия – он за свои злодеяния заплатил. Человек умирает только раз.

– Нет, это не так. Можно умереть дважды. Можно лишить человека не только жизни, но и доброго имени. Причем это страшнее телесной гибели!

Его слова прозвучали с такой страстью, что впору было забыть, как сей обличитель служил Кассию и перешел к Антонию только после сражения при Филиппах.

– Значит, есть еще и третья смерть – когда тебя бросают прежние друзья, – проговорила я.

Деллий вымучил противную улыбку, и я отвернулась. Хотелось верить, что на войне у Антония будет на кого опереться, помимо этого лицемера.

Тем временем глава городского управления Тарса объяснял Антонию, чем он руководствовался, назначая человека на должность гимнасиарха города. Сам этот толстенький корытщик к стадиону и палестре явно не приближался, но, подобно многим изнеженным сибаритам, любил судить об атлетике и воинских искусствах.

Антоний кивал и не знал, как отделаться от назойливого магистрата, державшего его за плечо и жужжавшего как шмель. Округлый и широкий, он и внешне походил на шмеля.

Его жена, стоявшая рядом, привлекла мое внимание своим несуразным и невыразительным нарядом. Ну почему, скажите, многие считают унылую скуку непременным атрибутом респектабельности, а стремление к красоте и изяществу – признаком легкомыслия? Впрочем,

я любезно приветствовала ее, выразила восхищение чистотой и порядком в городе и не преминула отметить его удачное расположение среди зеленых лесов и гор, защищающих от ветров.

Я не упомянула одного: что когда-то всем этим владели Птолемеи. Поросшие лесом склоны принадлежали нам так же, как морское побережье, пески пустыни и долина Нила. Когда я увидела их, во мне пробудилось желание вернуть моей стране как можно больше утраченных владений. Цезарь отдал Кипр Арсиное. Может быть, Антоний...

Женщина что-то проговорила в ответ тихим, застенчивым голосом. Я пыталась прислушаться к ее словам, но они были столь же невыразительны, как и ее лицо. Серая мышка, да и только.

Спускаясь в пиршественный зал, гости думали о том, чтобы не оступиться на пружинящем ковре. Поэтому глаза они подняли лишь у самого входа – и снова замерли в изумлении.

В сиянии светильников их взорам предстали новые лежа – еще более прекрасные, чем в прошлый раз, – а также мраморные столики с золотыми ножками и рубинами по ободу столешниц. Красные розы, алая обивка стен, рубины и малиновые покрывала на лежах – от этого смешения оттенков сам воздух мерцал красным сиянием.

Мы с Антонием заняли свои места, и я подала знак к началу пира. Кушанья не представляли собой ничего необычного – да и как иначе? Корабельная кухня не в силах соперничать с дворцовой, да и продуктов с собой много не привезешь. Пришлось использовать местные – например, пурпурных моллюсков, павлинов и почки. Но копченых уток, гусей и нильских окуней я доставила из Египта, а также стебли папируса, поджаренные и позолоченные. У нас их (конечно, без позолоты) ел лишь простой народ, но для римлян и жителей Тарса они стали диковиной. Еще я привезла множество амфор с лучшим вином. Я знала, что сегодня вечером они опустеют. На обратном пути в Египет корабль станет легче.

Музыканты – тоже в красном – играли негромко, чтобы музыка не мешала вести беседу. Вино постепенно развязывало языки, и скоро разговорились все.

– Ты экстравагантна и расточительна, – заметил Антоний.

Его взгляд перебегал с одной диковины на другую.

– Не сказала бы, – возразила я. – По-моему, это скромный пир. Роскошный обошелся бы раз в десять дороже.

– Конечно, если пригласить вдесятеро больше гостей.

– Ну, количество гостей еще не делает пиршество роскошным. Я могу удешевить его стоимость прямо сейчас, с теми же гостями и тем же меню. – У меня появилась идея, которую стоило осуществить. – Давай побьемся об заклад: если мне это удастся, ты приедешь в Александрию.

Ответ последовал лишь после долгого размышления.

– Согласен. Но при одном условии: тот же состав гостей, те же блюда и никаких дорогих подарков присутствующим. Идет?

– Да.

Я позвала слугу и приказала принести мне чашу не с вином, а с уксусом.

– Вроде бы не самый дорогой напиток, – съязвил Антоний.

Я оставила его слова без внимания, а когда уксус принесли, громко возгласила:

– Дорогие гости, мы с благородным Антонием заключили пари. Я утверждаю, что способна сейчас же довести расходы на этот пир до миллиона сестерциев. Он считает, что столы, накрытые на тридцать шесть гостей, никак не могут обойтись в такую сумму. Так вот...

Я подняла чашу с уксусом. Антоний, не отрывая от меня взгляда, подался вперед. Медленно, демонстративно я вынула из уха жемчужную серьгу и уронила в чашу. Она с плеском погрузилась на дно.

Я покрутила прозрачный сосуд, чтобы все видели, как жемчужина перекачивается внутри.

– Итак, сейчас жемчуг растворится, и я осушу чашу с самым дорогим напитком в истории.

Я подняла сосуд обеими руками, мягко покачивая его.

Все стихло, взоры гостей обратились ко мне. Антоний выглядел потрясенным. Я продолжала покачивать чашу, пока не почувствовала, что пора. Тогда я поднесла ее к губам, закинула голову и залпом выпила. Все ахнули.

– Горько! – сказала я. – Уксус, даже облагороженный жемчужиной, все-таки не самый вкусный напиток. Но пить так пить – слуга, еще чашу!

Когда появилась вторая чаша, я стала вынимать из уха вторую сережку.

– Нет, не надо! – воскликнул Деллий. – Не стоит губить драгоценности. Хватит и одной! Антоний, опомнившись, остановил мою руку.

– Ты выиграла, – спокойно сказал он. – Нет нужды повторять то же самое.

Я вернула чашу слуге.

– Ты... ты неопишима! – промолвил Антоний. – Мало сказать «экстравагантность» или «расточительность». У меня просто нет слов!

Я взглянула на него и поняла, что выиграла нечто большее, чем это пари.

Слуги выносили угощения, а мне казалось, что облик пиршественного зала и царящая в нем атмосфера буквально пропитаны эротикой. Видимо, волнение от нашего пари переросло в чувственное возбуждение. Тело Антония, его загорелые мускулистые руки, державшие чашу, – все это кружило мне голову. Словно проглоченная мною жемчужина превратила напиток в любовное зелье такой силы, что трудно было дожидаться окончания пира. Будь моя воля, я увлекла бы Антония в каюту прямо сейчас.

Наконец пришло время перейти к заключительной части представления. После того как гости расправились с последней переменной блюд, я встала, обвела жестом убранство зала и объявила:

– Это ваше. Ложа, посуда, столовые приборы – все.

Поскольку утварь была еще более изысканной и дорогой, чем в прошлый раз, они остолбенели.

– О доставке, как и раньше, не беспокойтесь – об этом позаботятся мои слуги. Кроме того, я желаю подарить вам еще и по скакуну. Мои эфиопские факельщики, – я указала на темнокожих юношей, один за другим заходивших в зал, – будут сопровождать вас, ведя в поводу лошадей.

Теперь пир действительно закончился. Осталось сделать лишь один эффектный жест. Взяв Антония за руку, я произнесла:

– Всего доброго, дорогие гости! Мы с благородным Антонием желаем вам спокойной ночи.

С этими словами я повернулась и, не отпуская его руки, пошла вместе с ним к своим личным покоям. Спутникам Антония не оставалось ничего другого, как подняться на палубу и сойти на берег. Они поняли, что Антоний за ними не последует. Где и как он проведет ночь, ни у кого сомнений не было.

В каюте я привалилась к двери и закрыла глаза. Все прошло удачно. Я хорошо сыграла свою роль, а ведь этого не предскажешь заранее.

Антоний стоял посередине комнаты и поглядывал вокруг с опаской, будто ожидал еще какого-то сюрприза. Вдруг змея выскользнет из-под кровати, или невидимые руки подадут чаши с вином, или начнет завывать призрачный хор.

– Мне весь вечер не терпелось сделать вот так. – Я обняла его.

– Тогда ты должна это убрать, – сказал он, наклонившись, чтобы снять с меня корону. – Все твои дорогие, но жесткие и холодные побрякушки. – Бережно расстегнув мое драгоценное ожерелье, Антоний положил его на столик. – И твои волосы. Пожалуйста, распусти их.

Я вынула гребни и стала расплетать косы; кожу на голове пощипывало от прилива крови. Ирас постаралась на славу, так что с прической пришлось повозиться. Когда мои волосы наконец свободно упали, Антоний прошелся по ним пальцами, как гребнем, и я ощутила слабость от нестерпимого желания.

– Теперь ты снова человек, – сказал Антоний.

Он прибавил к словам такой поцелуй, что мне стало ясно: весь вечер он чувствовал не меньшее возбуждение, чем ощущала я.

Наше вожделение было столь сильным, что мы немедленно слились воедино, пытаюсь справиться с накалом страсти.

Потом, лежа рядом со мной в темноте, он сказал:

– Вижу, ты хочешь объявить о наших отношениях всему миру.

Слова прозвучали сбивчиво – Антоний еще не успел отдышаться.

– Да, – подтвердила я, положив голову ему на грудь, что, наверное, приглушило мой голос. – Скрывать их уже невозможно, да и желания прятаться у меня нет.

Он нежно поцеловал мою макушку.

– Значит, как говорится, «гори все огнем»?

– Не «все» – это мы горим. Огонь в нашей крови, его не потушить.

– Да, огонь, – пробормотал он, словно думал в тот момент о чем-то другом. – В Риме от него займется пожар, это точно. Там не любят ничего необычного. Мне и самому не понравилось, когда Октавиан явился туда, чтобы заявить о своих правах наследования.

– И лишил этих прав моего сына.

Я помолчала и добавила:

– Ведь у Цезаря есть родной сын, а не только приемный, присвоивший чужие права.

– И все же именно его Цезарь назвал наследником в своем завещании, – заметил Антоний. – Что касается тебя – я думаю, он не упомянул тебя из уважения. Понимал, что ты в состоянии обеспечить свои интересы и без его помощи.

«Обеспечить свои интересы». Да, оставалось еще одно дело, которое следовало уладить перед отплытием. Мне совсем не хотелось вмешивать в наши отношения политику, но другого выхода не было.

– Антоний... Ты должен сделать кое-что для меня. Моя сестра Арсиноя в Эфесе помогала убийцам. Замечу, что тебе следовало вызвать для объяснений ее, а не меня. Кассий и Брут даже провозгласили ее царицей Египта, и именно она убедила наместника Кипра Серапиона отдать им мой флот. Мне докладывали и о том, что в мое отсутствие она посылала своих людей в Александрию, чтобы разведать обстановку и поискать сторонников. К тому же объявился очередной самозванец, претендующий на имя Птолемея Тринадцатого – побежденного, как известно, самим Цезарем и мертвого настолько, насколько может быть мертв человек. Все это угрожает стабильности моего трона.

– И?... – спросил он голосом человека, еще не опомнившегося от любовных утех.

– Уничтожь их.

– Да, любовь моя.

Антоний снова принялся ласкать мои плечи, но я решила заручиться его обещанием прежде, чем он опять позабудет обо всем.

– Обещай мне. Предай их казни.

– Да, любовь моя. И я возвращу тебе и Кипр.

Он вплеl пальцы в мои волосы, нежно повернул мое лицо к себе, и я подставила губы для поцелуя.

Та ночь, как никакая другая, никогда не изгладится из моей памяти. Я запомнила все: как часто мы предавались любви, как именно мы делали это. Все мельчайшие подробности, о которых я не стану говорить публично, вспоминаются мне каждый раз, когда нужно отвлечься от печали, огорчения или боли. Та ночь была даром богов, какой редко дается и еще реже повторяется. Она подтвердила мое убеждение, что телесные восторги (хоть философы и утверждают иное) вполне могут сравниться с радостями мысли и духа.

Когда Антоний ушел, я не опечалилась. Да, эта ночь завершилась, ее нельзя ни продлить, ни сохранить во всем ее совершенстве. Но впереди нас ждут другие ночи, тоже совершенные, пусть и по-другому.

– Прощай, мой командир, – сказала я, целуя его на палубе.

Солнце поднялось над горизонтом и окрасило корабль алым и золотым цветом. Огни на корабельных снастях выгорели, и теперь там болтались обычные глиняные плошки – никакой магии.

– Прощай, моя царица. – Он обнял меня, на миг прижав к своему пурпурному плащу. – Я буду у тебя при первой возможности.

– Это так долго, – отозвалась я. – Мне бы хотелось, сойдя с корабля в Александрии, увидеть тебя на пристани.

– Умей я летать, так бы оно и было, – улыбнулся Антоний. – Но, увы, человеку крыльев не дано.

Он отстранился и несколько мгновений стоял молча. Восходящее солнце вызолотило каждую складку его одеяния.

Я потянулась, коснулась его лица и сказала:

– Прощай.

Оставшись одна в своей каюте, я упала на кровать, чтобы наконец отдохнуть – в прошедшую ночь, разумеется, о сне не было речи. Поскольку за окном уже ярко светило солнце, мне пришлось натянуть простыню и закрыть глаза.

На губах моих блуждала улыбка: да, роскошные пиры с дорогими подарками обошлись недешево, но это выгодное вложение. Как любят подчеркивать Мардиан и Эпафродит, «скупясь на расходы, не рассчитывай на доходы». Однако последний пир, при всем его великолепии, стоил вовсе не миллион сестерциев. В отличие от гостей, я, прилежная ученица александрийских наставников, прекрасно знала: жемчуг не растворяется в уксусе. Жидкость, способная растворить жемчуг, разъела бы и мой желудок. Нет, драгоценная жемчужина в целости и сохранности пребывала у меня во чреве, и вернуть ее не составит особого труда.

Но воинам и магистратам не посчастливилось слушать наставления ученых нашего Мусейона, и они простодушно поверили моему обману.

Умение управлять государством предусматривает, помимо прочего, наличие множества самых разнообразных познаний и навыков, и на первый взгляд они могут показаться ненужными. Засыпая, я поняла, что восприняла это у Цезаря, и теперь он мог бы гордиться мной. Не «мог бы» – он гордился бы мной. Возможно, Антоний прав: Цезарь знал, что я сумею позаботиться о себе.

ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ЧЕТВЕРТЫЙ СВИТОК

Пятый свиток

Глава 11

– Сначала Цезарь, теперь Антоний! – воскликнул Мардиан, подняв брови. – Это у тебя что, особая болезнь – теряешь голову всякий раз, когда на горизонте появляется римлянин?

– Высокопоставленный римлянин, – сухо дополнил Олимпий.

– Не просто высокопоставленный, а поставленный на самую вершину власти, – уточнил Мардиан, качая головой.

– До чего же вы оба жестокосердны, – промолвила в ответ я, хотя особого раздражения не испытывала: к их укорам я привыкла.

– Мы твои друзья, – рассмеялся Олимпий. – Мы и не думали тебя порицать, а просто пересказали, что говорят римляне. Чтобы у тебя была возможность подготовиться к наветам.

Мы сидели у окна, выходившего на запад, откуда со стороны открытого моря надвигался очередной зимний шторм. Был отчетливо виден приближавшийся грозовой фронт. Я поежилась, уютно завернувшись в теплую шерстяную stole.

– Архелай – царского рода, но тебе он по вкусу не пришелся, – проворчал Мардиан. – Думаю, Олимпий прав: дело в общественном положении и реальной власти. Архелай знатнее этих римлян, но не обладает и малой толикой их могущества. Да, моя дорогая, именно власть тебя возбуждает.

– Ну и что с того? – ошетинилась я.

Олимпий пожал плечами:

– Наверное, не будь у тебя жажды власти, ты не принадлежала бы к роду Птолемеев.

– А может быть, – предположил Мардиан, – играет роль и то, что они женаты? В конце концов, Архелай...

– Да забудь ты об Архелее! Он мне понравился, он прекрасный человек, но...

– Он не женат и не правит миром. Мелкие недостатки! Ладно, притягательность власти ты уже признала, а как насчет наличия брачных уз? – спросил Олимпий.

– Ясное дело, соперничество разжигает интерес, – криво усмехнулся Мардиан.

– Не много ли вы на себя берете, обсуждая мое поведение? – не без досады осведомилась я.

– Это наше увлечение! – фыркнул Мардиан. – Надо же нам чем-то заняться в твоё отсутствие.

– Но теперь я присутствую, и скоро в Александрию прибудет Антоний. Поэтому предлагаю вам обоим попридержать язык.

Я говорила вполне серьезно, однако только рассмешила Мардиана и Олимпия.

– Мы-то что, – пробурчал, подавляя смех, Олимпий. – Мы-то помолчим, но вот за народ на рынках я не поручусь.

После того как мои друзья, все еще посмеиваясь, ушли, я уселась у окна и задумалась, глядя на темнеющее небо над гаванью. Все, что они говорили, звучало вполне справедливо. Тем более некоторые аспекты сложившейся ситуации я и сама для себя не могла объяснить. Политическая целесообразность очевидна: дружба и союз с преемником Цезаря позволят и мне, и Египту в целом чувствовать себя гораздо спокойнее. Однако дружбу и союз можно обеспечить дипломатическими средствами, а не через постель.

Меня до крайности бесило то, что в постели Антония я испытала величайшее наслаждение. Было бы лучше (неужели?), оказался он человеком скучным, бесцветным, непривлекательным да и никчемным любовником. Тогда бы я, наверное, отбыла домой с превеликой радостью

и постаралась забыть о нашей близости, убедившись, что целомудренная жизнь куда полезнее любовных историй, приносящих разочарования.

Однако разочарования не случилось. Мою уступчивость в первую ночь можно приписать растерянности и неожиданности, но дальше... я хотела этого ничуть не меньше, чем он. А в результате, нельзя не признать, поставила себя в неловкое положение. И это еще мягко сказано.

От окна повеяло влажным холодом. Я подошла к жаровне, от которой исходило хоть слабое, но тепло, и погрела над ней руки.

«О Исида, научи меня!» – мысленно твердила я.

Так или иначе, свершится то, что должно свершиться, и нелепо препятствовать predetermined. Грядущее сокрыто от взоров смертных, однако ближайшее будущее очевидно: Антоний явится в Александрию, и это произойдет скоро.

Шторма, возможно, продлится не одну неделю, и судоходство будет прервано.

Но Антоний приедет сухопутным путем.

– Дело сделано, госпожа, – невозмутимо сообщил Мардиан, прибывший ко мне с очередным донесением. – Арсиноя мертва.

Я сломала печать и прочла о том, как по приказу Антония ее оттащили от главного алтаря храма Артемиды в Эфесе, где она просила убежища, и убили.

– Убили на ступеньках храма, – сухо и официально произнес Мардиан.

Я поежилась. Итак, Антоний не забыл о своем обещании, данном между делом, в темноте. С одной стороны, он показал, что держит слово, но с другой – Цезарь не позволил бы себе так легко поддаться на уговоры, он никогда не давал подобных обещаний. Ну что ж, это позволило мне лучше понять натуру Антония, а всякое знание можно использовать в своих интересах.

– Арсиноя не имела права требовать убежища, – сказала я. – Цезарь, милосердием которого пользовались многие, однажды уже даровал ей прощение. Но тех, кто совершал преступление во второй раз, он не щадил.

– Ее похоронили рядом с главной улицей Эфеса. Надгробие соорудили в виде Александрийского маяка, – сообщил Мардиан.

– Ну что ж, ей хотелось править под его сенью, пусть теперь покоится под его подобием, – отозвалась я и продолжила чтения.

Очередной самозванный Птолемей тоже был убит, а изменник Серапион бежал в Тир, но это ему не помогло – его схватили и казнили.

Что ни говори, а свои обещания Антоний выполнил в точности.

День за днем ко мне поступали донесения о его передвижениях и деяниях. Сначала он побывал в Сирии, где утвердил наместником Децидия Сакса, потом в Иудее, власть над которой вручил своему другу и союзнику Ироду, оттуда переместился в Тир и продолжал движение на юг, в направлении Египта. Мне сообщили, что он прибыл в Ашкелон, а потом, в сопровождении преторианской гвардии, выступил через Синайскую пустыню в направлении Пелузия – туда, где четырнадцать лет назад он возглавил кавалерийскую атаку, вернувшую этот город под власть моего отца. Отец хотел казнить за измену солдат тамошнего египетского гарнизона, но Антоний пощадил их.

Чем снискал благодарность и любовь египтян.

Он прибыл в Александрию в ясный холодный день. Гонцы возвестили о нем заранее, так что я распорядилась вывесить на воротах Солнца гирлянды, а широкую Канопскую дорогу вымести и украсить. Расставленные вдоль дороги гвардейцы должны были указывать ему дорогу ко

дворцу, трубачи возвещать о его появлении сигналами, ворота надлежало распахнуть, едва он появится на виду.

Между первым звуком трубы, раздавшимся у городских ворот, и последним, зазвучавшим у ворот дворцовых, прошло немало времени, поскольку Антонию и его спутникам пришлось буквально протискиваться сквозь толпу людей, высыпавших на улицу приветствовать его.

– Антоний! – раздавались крики. – Радуйся, Антоний! Оставь трагическую маску для Рима, нам больше по душе комическая!

А потом я увидела, как он легкими уверенными шагами, с прямой спиной, высоко держа кудрявую голову, поднимался ко мне по широким ступенькам дворца. Голова его была не покрыта, он не надел ни лаврового венка, ни даже шлема, вместо парадных доспехов или официальной тоги на нем была обычная дорожная одежда. Да и зачем украшения тому, кто лучится жизнерадостной силой и уверенностью? Будь он простым гражданином, его атлетическая красота и горделивое достоинство все равно покорили бы сердца. Неудивительно, что и мое сердце радостно подскочило.

Увидев меня, он остановился на полпути на ступеньках, и его лицо озарила лучезарная улыбка. Отбросив назад закружившийся вокруг него плащ, Антоний протянул мне руки в радостном приветственном жесте.

– Моя прекрасная царица! – промолвил он, после чего медленно преодолел несколько оставшихся между нами ступеней.

– Мой самый желанный гость! – отозвалась я, протягивая ему руку.

Он поднес ее к губам, и я ощутила их волнующее прикосновение.

– Наконец-то ты вернулся в город, который любит тебя, – сказала я, побуждая его встать рядом со мной. С верхней площадки лестницы мы могли обозревать большую часть Александрии: длинные портики Гимнасиона, обширный комплекс Мусейона, а дальше, на юг, – массивную громаду храма Сераписа и поблескивающую водную гладь озера Мареотис. – Ты помнишь?

– Я помню все, – ответил он.

Навстречу ему вышли все мои сановники, кроме Олимпия: Мардиан, Эпафродит, командир македонской придворной гвардии, гимнасиарх, глава Мусейона, верховные жрецы Исиды и Сераписа. Цезарион тоже был здесь, но приветствовал гостя отдельно от всех – он восседал на троне, с диадемой на голове.

Антоний направился к нему, и Цезарион сказал:

– Добро пожаловать, мой родич Антоний.

Они и в самом деле приходились друг другу хоть и не близкими, лишь в четвертой степени, но родственниками. Это свойственно Цезариону – знать такие подробности.

– Благодарю тебя, мой царственный родич, – отозвался Антоний, преклонив перед ним колено, после чего вдруг запустил руку за пазуху своей туники. Стражи по обе стороны трона напряглись, сжав рукояти мечей.

– Вот, смотри, какую диковинную ящерицу я поймал в Тире, в своей резиденции! – промолвил Антоний, показывая мальчику пупырчатое зеленое существо с выпученными глазами. – Мне подумалось, что в Александрии таких нет, и я решил преподнести его вашему величеству.

Цезарион улыбнулся, подался вперед и принял подарок. При этом от меня не укрылось, что на лице Антония появилось нечто вроде удивления, но он тут же замаскировал его словами:

– Думаю, вы с ней подружитесь. Или с ним. Должен признаться, я не умею их различать.

Цезарион рассмеялся, как обычный шестилетний мальчонка.

– Я тоже, – признался он. – Но я с этим разберусь.

– Конечно разберешься, – согласился Антоний. – Я уверен, с ящерицами можно поладить, а никаких хлопот не будет.

После официальной церемонии встречи, взаимных представлений, приветственных речей, преподнесения даров, раздачи указаний о размещении свиты и личной охраны мы с Антонием наконец остались наедине в одном из отведенных ему дворцовых покоев. Апартаменты были достаточно просторны, чтобы служить и местом отдыха, и резиденцией. Он мог заниматься здесь теми делами, что неизбежно следуют за ним по пятам даже на край света. Правда, пока неотложные заботы его не догнали, и по окончании обеда он был свободен. Небо-склон еще окрашивали последние отблески вечерней зари, но во всех помещениях уже зажгли светильники.

– Я давно мечтал вернуться в Александрию, – сказал Антоний, выглядывая в окно.

– Почему же было так трудно тебя уговорить? – спросила я.

– Потому что Александрия – не просто город: это ты. И всем понятно, что я приехал не для того, чтобы побывать в Мусейоне или посетить маяк, но чтобы увидеть царицу.

– Это была шутка, – сказала я. – Мне тоже понятно, что это значит.

Потом я вспомнила его разговор с Цезарионом, а особенно мимолетно промелькнувшее на его лице удивленное выражение и спросила:

– Что ты думаешь о моем сыне?

Антоний покачал головой:

– Меня поразило сходство с Цезарем, особенно в движении. Вот уж не думал, что увижу Цезаря снова.

– Да. Меня это и радует, и навевает грустные воспоминания.

– Увидев его, никто не усомнится, что он сын Цезаря.

– Даже Октавиан? – спросила я.

– Особенно Октавиан, – ответил Антоний.

– Антоний, что мне делать? – вырвалось у меня. – Я не могу стоять и смотреть, как сына Цезаря оттесняют в сторону, пренебрегают им. Я знаю, что у него нет законного права претендовать на что-либо в Риме, но... ты видел его. Ты меня понимаешь.

– Понимаю. – Он помолчал. – Но правда сильна. Я знаю, что наступит день...

– Мы должны приблизить этот день! – страстно заявила я. – Разве ты не понимаешь, что у судьбы лишь один ключ от дверей удачи, а остальные – у решимости и воли? Судьба не высечена в камне, она переменчива. Она ждет. Мы должны показать ей, что намерены добиваться результата.

– Однако, – откликнулся он, несколько смущенный моим напором, – взламывать врата судьбы тоже не стоит. – Он помолчал. – Нам надо усвоить урок Цезаря: случай и коварство ничтожных людишек превозмогли и его гений, и его мощь.

Антоний взял мою руку и накрыл ее своими ладонями.

– Я сделаю все, что в моих силах, дабы Цезарион стал наследником Цезаря. Но сейчас он царь Египта и твой сын. Не такой уж плохой удел.

Я улыбнулась, сознавая, что по большому счету Антоний прав. Да и какая мать пожелает, чтобы ее дитя устремилось в бурные, опасные – зачастую смертельно опасные – воды римской политики? Египет гораздо спокойнее.

– Ты устал, – сказала я. – Мне не следовало беспокоить тебя политическими вопросами. Пойдем, – я потянула его за руку, – тебе нужно прилечь, поспать...

– С тобой, пожалуй, заснешь.

Он вовсе не выглядел усталым.

– Ну, не заснешь, так взбодрись.

С этими словами я провела его в свою спальню – еще недавно запретную территорию для любого мужчины, кроме Цезаря. Для Антония это был способ взбодриться после путешествия, а для меня – освободиться от прошлого.

Я заключила его в объятия, и мы упали на широкую кровать, радуясь все более тесной близости. Наши лица оказались на подушке одно напротив другого, и в его темных глазах я увидела собственное отражение – какой я была, какая я есть, какой буду. Мы стали друг для друга судьбой, но за то, чтобы наша общая судьба оказалась счастливой, следовало сражаться.

Впрочем, это относилось к будущему. В настоящем я позволила себе отдаться чистому наслаждению и в наивысший его миг подумала: тот, кто познал блаженство, уже прожил жизнь не зря. Даже самые скромные из моих подданных могут испытать его с той же остротой. В этом отношении боги милостивы к людям.

Александрия принадлежала ему: с первого же мгновения город и Антоний прониклись взаимной любовью. Людям нравилось, что он прибыл как частное лицо, как добрый гость, а не увешанный регалиями грозный предводитель могучих легионов, каким им запомнился Цезарь. Им полюбились его приветливые манеры, его греческое платье – Антоний охотно одевался по-гречески в неофициальной обстановке, чего никогда не позволил бы себе Цезарь, – его доступность и любознательность.

Восхищение было взаимным, ибо Антоний пленился городом настолько, что это почти пробуждало во мне ревность. Он махнул рукой на свои римские титулы и должности, отпустил охрану, спрятал тогу в сундук. На стол ему подавали египетские и греческие блюда, его часто видели в местных храмах, а то и вовсе просто гуляющим по улицам. Антоний вел себя совсем не как римлянин. Кажется, его действительно давно тянуло сюда. Что-то его натуре было созвучно Александрии, а ее дух, в свою очередь, находил отклик в его душе.

– К человеку, так легко принимающему чужую культуру, следует относиться с осторожностью, – кисло пробурчал Олимпий. – Это разрушительно для него.

Олимпий избегал Антония, видел его только издалека и отклонял все мои попытки познакомиться с ним, утверждая, что у него много пациентов и нет времени.

– Все-таки тебе следует с ним познакомиться, – настаивала я. – Странно, когда мой личный врач и один из ближайших друзей так упорно держит дистанцию.

– Мне нет нужды встречаться с Антонием, – возразил Олимпий. – Чтобы узнать о человеке больше, лучше присмотреться к нему незаметно, издалека.

– Ну и что ты узнал?

– В физическом отношении он просто образец мужчины. Действительно похож на Геракла; часом, не утверждает, будто Геракл – его предок?

– Ты отвечаешь уклончиво, – заметила я. – Каков он с виду, ни для кого не секрет. Но раз уж ты такой наблюдательный и проницательный, поведай, что Антоний за человек.

– Я понимаю, почему ты находишь его привлекательным.

– Я тоже. Лучше скажи мне то, чего я не знаю.

– Не доверяй ему, – неожиданно выпалил Олимпий. – Он ненадежен.

Я удивилась, ибо ничего подобного не ожидала.

– В каком смысле?

– О, человек он, спору нет, хороший, – неохотно признал мой друг. – Честный, добрый. Но природа его такова, что... – Олимпий замялся. – Короче говоря, на самом деле его вовсе не манит удел властителя мира. Он не любит брать на себя ответственность и, когда это зависит от него, выбирает путь наименьшего сопротивления. А потому всегда попадает под влияние более сильной личности – той, что в данный момент рядом. Эта личность всегда будет подталкивать

его в нужном направлении. Сейчас рядом с ним ты, и он находится под твоим влиянием. Но когда Антоний вернется в Рим, рядом с ним окажется Октавиан.

И снова я удивилась:

– Ты никогда не видел Октавиана. Как ты можешь говорить о его натуре и характере?

– Просто знаю, – упрямо заявил Олимпий.

– Может быть, мне придется послать тебя в Рим, чтобы ты присмотрелся к Октавиану поближе, – обронила я с деланой шутливостью.

Его замечания насчет Антония мне не понравились. Однако куда хуже было то, что мы оба по отдельности уловили нечто, касающееся истинной природы Октавиана – жестокой и непреклонной. Раньше я успокаивала себя тем, что мое впечатление объясняется личными счетами.

Наступил двадцать девятый день моего рождения, но праздновать его я не стала и даже не сообщила о нем Антонию. Он наверняка затеял бы по этому поводу грандиозное празднество, а меня ни к чему подобному не тянуло. Пиров в Тарсе хватило надолго.

Все торжество свелось к тому, что Мардиан подарил мне новый письменный прибор с печатями из аметиста, Цезарион решил позабавить меня и научил свою ящерицу возить миниатюрную тележку, а Олимпий притащил огромный флакон отборнейшего сильфия из Киренаики, присовокупив к нему записку следующего содержания: «Вот! Подарок, который действительно может тебе пригодиться».

Я так смутилась, что сразу же убрала его в сундук, с глаз долой. Право, если Олимпия так волнуют постельные вопросы, стоит жениться и озаботиться своей собственной постелью вместо чужих!

Однако если с моим днем рождения все прошло тихо, то свой, как я понимала, Антоний захочет отпраздновать со всей возможной пышностью. И я решила пригласить его и гостей в Гимнасион.

– Мы можем устроить в твою честь игры, – заявила я как-то вечером. – Правда, до очередных Птолемей еще три года, но разве это имеет значение?

Птолемей – самые масштабные атлетические игры, не считая Олимпийских, включавшие в себя и конные гонки, и все виды состязаний, – проводились в Александрии каждые четыре года и сопровождалась постановками в театре трагедий и комедий.

– Как же ты их назовешь – Антониями?

Он рассмеялся, но я сразу поняла, что идея его затронула.

– Я назову их *Natalicia Nobilissimi Antoni*, – сказала я. – Празднование дня рождения благороднейшего Антония.

Он поднял брови:

– Да ты, я смотрю, сильна в латыни.

Мне всегда нравилось удивлять его.

– Ну а поскольку тебе, конечно, придется принять участие во всех состязаниях, размах будет поменьше, чем на обычных играх. Ведь ты, кажется, не управляешь колесницей. И не можешь быть акробатом.

Я надеялась, что он не захочет выступить в роли колесничего, потому что организация гонок весьма дорого стоила.

– Нет, я не колесничий, – ответил Антоний. – И ты не забыла, сколько лет мне исполняется? Сорок два. Не уверен, что участие в состязаниях в моем возрасте – удачная идея. Вряд ли проигрыш будет для меня лучшим подарком.

– Вздор, – отмахнулась я. – Тебе предстоит состязаться с солдатами и командирами, а не с профессиональными бегунами и борцами. Иначе было бы нечестно.

Кроме того, я надеялась, что подготовка к состязаниям заставит его упорядочить образ жизни. Он слишком горд, чтобы выйти на палестру неподготовленным, а значит, придется тренироваться. Что пойдет ему на пользу, поскольку в последнее время Антоний допоздна засиживается за вином, а потом спит до полудня.

– Это будут атлетические игры на греческий манер, – предупредила я. – Никаких убийств, как вы, римляне, любите.

– Живешь среди греков – веди себя как грек, – пожал плечами Антоний. – Ваши обычаи более цивилизованные.

– Ты говоришь как новообращенный, – улыбнулась я. – Тебе бы еще воспринять наше греческое представление о гармоничной жизни.

В ответ Антоний рассмеялся:

– У греков мне по душе культ Диониса – культ излишества, радости жизни, свободы чувств...

– А как же культ Геракла, которому ты тоже склонен подражать? Не забудь, Геракл должен пребывать в наилучшей физической форме, дабы совершить все свои подвиги и стать богом. Геракл и Дионис – две стороны твоего «я», и тебе придется выступать в роли то одного, то другого.

– Я только этим и занимаюсь, – хмыкнул он. – Разве ты еще не заметила?

По правде говоря, воистину глубокий и искренний интерес Антоний испытывал к театру: он не только старался не пропустить ни одной пьесы, но и покровительствовал гильдии актеров. Актеры и актрисы состояли в его свите даже в Риме, он дружил с ними, и Цицерон использовал это как повод для осуждения. Однако в Александрии Антоний посещал не только театр: вместе со мной он бывал на публичных лекциях в Мусейоне. Я же принимала участие в его полуночных пирушках. Мы старались доставить друг другу удовольствие.

Четырнадцатое января, день *Ludi et Natalicia Nobilissimi Antoni* – игр и празднования дня рождения благороднейшего Антония, – выдался ясным и безветренным. Меня удивляло, с каким энтузиазмом горожане восприняли это увеселение. Женщинам не терпелось поглазеть на набальзамированные маслом обнаженные мужские торсы, а многим мужчинам, в том числе и немолодым, вдруг захотелось скинуть с себя одежду и покрасоваться перед публикой. Принять участие в состязаниях пожелали и шестидесятипятилетний интендант из армии Антония, и чемпион Птолемеевых игр двадцатилетней давности. Остальные участники были нашими друзьями, что добавляло интереса к событию. Мы знали этих людей в совершенно ином качестве, а теперь они сняли туники и предстали перед нами в роли атлетов. Может быть, они давно тайно мечтали о таком?

Поскольку игры посвящались личному празднику и ничего официального, а тем более религиозного в них не было, мы решили, что полная нагота не обязательна.

– Если только ты сам не захочешь! – уточнила я, обращаясь к Антонию.

В конце концов, он появлялся почти голым на луперкалиях. Правда, то было давным-давно, когда он занимал куда менее значимое положение.

– Нет, – ответил он. – Я, может, и не против, но не хочу оказаться единственным нагим атлетом. А мои соотечественники, боюсь, здесь меня не поддержат.

Тут он не ошибся. Лишь греки совершенно не стыдились наготы; римляне, египтяне и даже варвары стеснялись ее, иудеи же и вовсе видели в ней нечто столь предосудительное, что старались не подходить близко к Гимnasiону.

Программа праздников состояла из пятиборья: бег, прыжки, метание дисков, метание копий, борьба и воинские состязания вроде поединков на мечах и бега в полном вооружении. Впрочем, в воинском разделе принимали участие только солдаты и командиры.

– Готов ли Геракл? – спросила я, когда мы намеревались выехать из дворца к Гимnasiону. Нас сопровождала толпа гостей на носилках и колесницах. Были запряжены все лошади из царских конюшен.

– Готов, – ответил Антоний, но выглядел он странно притихшим.

– Что с тобой?

Неужели он боится? Сейчас для этого совсем не время!

– Я тут подумал – ведь я почти в два раза старше Октавиана. На каждый год, прожитый им, приходится два моих. И неизвестно, что лучше – мой опыт или те года, что он имеет в резерве.

– Ну вот, римлянин Антоний предстал передо мной в редкостном обличье философа, – беззаботно промолвила я, поскольку считала необходимым развеселить его. – Как философ, ты должен понимать, что стольких лет у него в резерве нет: Октавиан очень болезненный и попросту не доживет до твоего возраста. Он гораздо слабее тебя, он не смог бы совершить переход через Альпы! Ему бы добраться от дома до форума.

Антоний рассмеялся:

– Ну, это преувеличение, любовь моя.

– А разве в самые критические моменты его не одолевает хворь? Он заболел перед сражением при Филиппах. Он был слишком слаб, чтобы сопровождать Цезаря в Испанию... Всего и не перечислить. Он вечно болен!

– Не вечно, а в критические моменты, как ты верно подметила. Не исключено, что дело тут в нервах, а не в телесной немощи. – Антоний рассмеялся. – Так вот, мой маленький воин. Почему бы тебе не взять мой меч? Тот самый, что служил мне при Филиппах. Надень его, он соответствует духу твоей затеи. Я выйду на арену, а ты заменишь меня в качестве командира.

Он отстегнул меч и вручил мне.

То был прославленный клинок, клинок мщенья, и я приняла его почти с трепетом.

– А разве тебе он сегодня не понадобится?

– Нет, я никогда не стал бы использовать боевой меч для игр. Но я хочу, чтобы он на них присутствовал.

С этими словами Антоний опоясал меня мечом, помяв мое безупречное платье.

– Вот – то, что надо! – Похоже, настроение его улучшилось. – Слушай, надень-ка еще и шлем. – Шлем мигом переключался с его головы на мою. – Отлично! Ты грозный воитель!

– Который, если потребуется, способен и убить! – медленно произнесла я. Он знал это.

– И у кого сейчас хмурое настроение? Ну-ка, улыбнись! – Он рассмеялся. – Веди меня туда, куда тебе угодно, моя царица.

– Сегодня поведу всего лишь в Гимnasiон, – сказала я. – Ничего страшного.

Трубы возвестили о начале игр, и на поле перед первым забегом собрались с полсотни по-разному одетых мужчин. Некоторые были в туниках, но большинство с обнаженными торсами – кто в набедренных повязках, кто в коротких, до колен, варварских штанах. Все они побывали в помещении, именуемом *eliothesium*, где их тела смазали оливковым маслом. О, как они блестели, как выделялись каждый их мускул и каждое сухожилие!

– Меня восхищает оливковое масло на мужском теле! – прошептала Хармиона. – Это возбуждает еще больше, чем пот.

– Мне нравится и то и другое, – отозвалась жена помощника казначея.

До сего момента я думала, что ее больше всего возбуждают счетные книги.

Глядя на соперников, я удивлялась тому, насколько пропорционально, при столь мощной мускулатуре, сложен Антоний. Такие люди лучше выглядят обнаженными, поскольку в одежде из-за ширины плеч и обхвата могучей груди они – что не соответствует действительности – кажутся излишне тяжеловесными. Возраст никак не сказался на совершенстве его тела. По

благословению богов ему даже не приходилось прилагать усилий, чтобы поддерживать себя в форме. Да, стройность и гибкость он наверняка унаследовал от Диониса благодаря предкам из восточных провинций.

В играх участвовали римляне из отборного отряда преторианцев Антония, египтяне (несколько лучников и главный колесничий), несколько греков из числа служителей казначейства, актеры из труппы Диониса, некий наставник по имени Николай, подобранный Антонием в Дамаске, мой любимый философ Филострат из Мусейона и – вот уж кто удивил – престарелый врач Атенагор, возглавлявший общество сохранения мумий. Жизнерадостного старца встретили приветственными возгласами и дождем цветов.

Я заметила, что Хармиона не отрывала глаз от одного из римских гвардейцев, что находился рядом с Антонием. Этот рослый светловолосый мужчина был близок к Антонию, знал всю его подноготную, но умел держать язык за зубами.

– Вижу, тебя тут кое-кто заинтересовал, – заметила я.

Хармиона кивнула.

– Если он выиграт, ты поднесешь ему лавровый венок.

Участники состязаний разогревались в серии движений, которые выглядели почти комическими: подпрыгивали, били себя в грудь, совершали рывки с места и резко останавливались. Потом они выстроились у мраморной стартовой линии, погрузив пальцы ног в расщелину в камне, и по команде «Вперед!» устремились в забег на дистанции в триста шестьдесят локтей. Поначалу они бежали тесной, поблескивавшей от масла толпой, но потом начали разделяться: вперед вырвался рослый египтянин, за ним мчался грек, а третьим, что удивительно, Антоний. Я не ожидала от него такой прыти, поскольку мужчины с могучей мускулатурой обычно не слишком проворны. Но может быть, крепкие мускулы ног способствуют быстроте бега?

Старый врач в набедренной повязке прибежал последним, но ему досталось больше всего приветствий.

– Да, я не Гермес, – крикнул он, пробегая мимо трибун, – но чего вы хотите? Мне шестьдесят два года.

Бывший чемпион Птолемеевых игр, которому едва перевалило за сорок, финишировал четвертым.

Потом состоялось метание диска. Состязание требует силы, ловкости и скрупулезного соблюдения правил, но зато это лучший способ продемонстрировать красоту тела. Недаром у эллинов так популярны статуи дискоболов. Женщины взирали на атлетов с восхищением.

– Они движутся как живые статуи, – заметила Хармиона, чей фаворит тоже намеревался метать диск.

Не все собирались участвовать в каждом из состязаний, лишь Антоний не пропустил ни одного.

Пятнадцать человек, вложив всю силу в разворот корпуса, отправили в полет тяжелые диски, и воин, приглянувшийся Хармионе, опередил прочих на пядь. Вторым оказался главный египетский колесничий, третьим – снова Антоний. Что не диво – силы ему было не занимать.

Поскольку в соревновании дискоболов наиболее полно раскрывалась телесная красота, зрители особенно увлеклись зрелищем.

Следом настал черед метания копий – любимого состязания солдат, из всех видов классических соревнований наиболее приближенного к боевому искусству. Правда, копия для состязаний, в отличие от боевых тисовых, делали из легкой бузины, обматывали посередине ремнями для устойчивости в полете, а концы заостряли. При падении копия вонзалась в землю, что облегчало замер расстояния. Каждому участнику разрешалось сделать три броска.

Война безобразна, и ни один хороший правитель не желает, чтобы народ испытывал ее тяготы. Но даже самый страстный критик войны вынужден признать, что многие солдатские

навыки и умения достойны именоваться искусствами. Метание копья, безусловно, принадлежит к их числу. Какой восторг наблюдать, как метатель взвешивает копье в руке, устремляется к стартовой отметке, отводит руку с копьем назад, вытянув другую для равновесия, и выпускает древко в полет! Да простят меня боги, но, созерцая это, я испытала искреннюю радость.

И снова, как ни странно, Антоний стал третьим. Двое других победителей были воинами: один – преторианец, другой – мой придворный гвардеец.

Когда объявили прыжки в длину, состав участников изменился: вперед вышли Николай из Дамаска и философ Филострат. Последний устроил из разминки настоящее представление: присел на корточки и стал подпрыгивать, приговаривая:

– Прости, мое верное тело, что я пренебрегал тобой. Разум держал тебя в плену! Но сейчас у тебя есть шанс посчитаться.

Шанс был невелик, – судя по хилому сложению, философ и вправду был редким гостем палестры. Зато он не боялся над собой посмеяться. Его короткие мешковатые штаны обвисали вокруг хлипкого зада, открывая бледные тощие ноги.

Участникам предстояло прыгать вперед с места, без разбега, но с помощью зажатого в обеих руках груза, при взмахе увеличивавшего инерцию прыжка. Приземлялись они в яму с песком. Как и ожидалось, Филострат показал худший результат. Он прыгал последним, и ему, по крайней мере, не пришлось смотреть, как прочие атлеты перелетают за его черту. Прыжки считались одним из самых трудных соревнований, поскольку здесь принимался в расчет только чистый след на песке. Всякий, кто падал назад или вперед, подлежал дисквалификации. Таким образом, расчет и баланс играли не меньшую роль, чем скорость и сила. Чтобы помочь держать ритм, использовались сигналы труб.

Участники начали уставать. Дождаясь своей очереди, они уже не красовались, не шутили – было не до того. Но Антоний, в отличие от большинства, усталым не выглядел. Он улыбался и энергично разминался, поигрывая грузами. Может быть, кто-то из молодых соперников превосходил его в быстроте или ловкости, но теперь сказывалась его потрясающая выносливость.

Молодой Николай совершил превосходный прыжок, в полете его стройное тело выглядело великолепно. Еще удивительнее был результат немолодого интенданта. Преторианец, приглянувшийся Хармионе, обошел его, и у моей служанки вырвался вздох. Потом рослый галл, один из телохранителей Антония, установил самую дальнюю метку. Последним прыгал Антоний.

Он медленно приблизился к стартовой линии, произвел несколько взмахов руками назад и вперед, последний раз примериваясь к весу грузов, наклонился, словно хотел расслабить мускулы, припал к земле, сжавшись в сгусток энергии и, словно снаряд, выпущенный из катапульты, пролетел над песком, приземлившись как раз за установленной галлом меткой. Его приветствовали восторженным ревом: прыжок стал не только победным, но и зрелищным, и даже приземление вышло безукоризненным. Не пошатнувшись, не потеряв равновесия, Антоний медленно сошел с песка.

– Он поистине великолепен! – сказала Хармиона, словно заметила это только сейчас. Может быть, так оно и было.

Я поерзала на своем месте, и тяжелый меч, висевший сбоку, звякнул. Я не понимала, зачем Антоний попросил меня надеть его, но у меня создалось впечатление, что клинок передал ему силу. Шлем покоился у моих ног. Он уже вошел в историю при Филиппах, хватит и этого.

Последним состязанием пятиборья была борьба. Теперь участникам пришлось позвать служителя, который утер пот и посыпал тела атлетов порошком, чтобы они не выскальзывали из захвата. Противникам предстояла борьба в стойке. Цель состязания – повалить или бросить соперника наземь. За три падения засчитывалось поражение, причем падением считалось

любое касание песка спиной, плечами или бедром. Приставшие к телу песчинки служили доказательством. Разрешались подножки, но не удушающие захваты и не удары по болевым точкам.

Антоний, как и другие, надел плотную кожаную шапочку, чтобы противник не мог схватить его за волосы. Это неожиданно придало ему более грозный вид, чем обычно, скрыв мальчишеские кудряшки.

Противники сошлись один с другим согласно жребия. Против Антония выступил здоровенный, как бык, гигант: его ноги походили на древесные стволы, а плечи были шириной с бычье ярмо. Рядом с ним могучий Антоний выглядел стройным и гибким. Некоторое время борцы кружили, выставив вперед руки и стараясь улучшить удачный момент для атаки. К моему удивлению, Антоний сначала сбил здоровяка с ног подножкой, потом захватил врасплох, проведя неожиданный бросок, а в третий раз, когда они сцепились и покатались по песку, сумел оказаться наверху.

Из всех пар борцов только Антоний одержал чистую победу, и в результате его, занявшего призовые места в каждом из пяти состязаний, объявили победителем в пятиборье. Это было справедливо: пятиборье выявляет не одну лучшую сторону атлета, а требует разностороннего развития – силы, выносливости, умения концентрировать усилия. Антоний обладал ими в полной мере. Я немного опасалась, что кто-нибудь может подумать, будто его победа подстроена, но сама я знала, что он соревновался честно, и преисполнилась гордости за возлюбленного. Заодно я гордилась и своей выдумкой – вряд ли можно было придумать для него лучший подарок.

Оставался еще отчасти комический гоплитодром – бег в полном вооружении. Участникам предстояло пробежать две беговые дистанции в шлемах, со щитами, в панцирях и поножах. Это был подходящий финал: под лязг и бряцание металла все забывали о предыдущих поражениях.

Даже самый быstroногий воин в гроыхающем панцире малость смахивал на черепаху, а поскольку обзор в шлемах не самый хороший, некоторые на бегу сталкивались и падали. Подняться на ноги в этой амуниции было не так просто.

По окончании я повесила на шею Антония гирлянду победителя. Другим тоже достались разнообразнейшие призы и награды: самому пожилому участнику, самому юному, самому рослому, самому маленькому, самому тучному и самому худому. Был даже особый венок для атлета, получившего больше всех ссадин и шишек.

– Спасибо всем, друзья! – воскликнул Антоний, высоко подняв руки. – Я никогда не забуду этот день! А теперь приглашаю всех в Каноп, в сады наслаждений! На канал! Поплывем навстречу развлечениям!

Каноп. Я бывала там лишь единожды, вместе с отцом, посреди бела дня. Откуда он вообще узнал про Каноп?

Толпа хлынула по широким мраморным ступеням Гимнасиона к ожидавшим колесницам и носилкам. Мы с Антонием уселись на колеснице вместе: одной рукой он правил, другой обнимал меня. Он оставался разгоряченным, и от него исходил запах победы, дух ликующего напряжения. Это был волшебный запах – силы, радости и желания. Он безумно гнал колесницу, плащ развевался за спиной, венок победителя съехал на один глаз, с уст срывались радостные восклицания, которые подхватывались высыпавшими на улицы людьми.

– Ты гонишь, как Плутон! – крикнула я, схватившись за поручень неистово трящейся колесницы. – Не в Аид ли спешишь?

– Нет, на Елисейские поля! Ведь так называется место за городскими стенами, где находятся сады наслаждений? Где протекает канал?

– Да, некоторые называют это место Элизиумом. – Мне приходилось кричать, чтобы перекрыть гроыхание колес. – Но порядочные люди держатся оттуда подальше.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Антоний, погоняя коней.

В Каноп нас доставила флотилия суденышек – на них искателей наслаждений обычно перевозили по каналу, соединявшему Александрию и пригород на Канопском рукаве Нила. Там находился великий храм Сераписа и Исиды, но святым то место назвать не решился бы никто: в окрестностях храма процветали все мыслимые и немыслимые человеческие пороки. Направляясь туда по каналу, мы видели радующие глаз пальмовые рощи и отмели белого песка, а в самом Элизиуме – большие дома с видами на океан, населенные людьми, не слишком озабоченными своей репутацией. Когда мы проплывали мимо, они весело махали нам руками.

– Веселитесь от души! – доносилось оттуда, а из одного дома нам выслали сопровождающих: юношу с флейтой и певца, распевавшего лихие непристойные песни.

– Откуда ты узнал про Каноп? – спросила я.

– Я побывал здесь, будучи молодым солдатом, – напомнил он мне. – А сейчас тоже отправился туда по просьбе моих солдат. Они без конца просили об этом.

– Но вряд ли они призывали тебя захватить туда меня и женщин из моей свиты, – указала я. – Что-то не верится.

– Мои люди уже взрослые и вполне могут, если захотят, потом добраться туда сами. – Он рассмеялся и привлек меня к себе. – А для твоих высокородных придворных дам это великолепная возможность, не запятнав себя, под надежным эскортом посетить гнездо порока. Ну, разве не любопытно, а? Сознайся?

– В общем, да, – согласилась я.

– Участие твоей августейшей персоны останется тайной, можешь не опасаться. Мы, римляне, надежные защитники добродетели.

– Да, думаю, от здешних распутников вы нас оградите. Чтобы покуситься на нашу добродетель самим.

– Ну, уж моих-то солдат-скромников твоим целомудренным женщинам опасаться нечего. В крайнем случае, если к ним станут приставать, дамы могут пожаловаться мне. Я, как командир, считаю заслуживающим наказания всякого, кто оставит женщину недовольной.

– Не сомневаюсь, что мои спутницы испытали бы огромное облегчение, услышав об этом. А еще большее – если бы ты заранее предостерег своих людей от лишних вольностей.

Антоний поморщился:

– Дорогая, ты говоришь как дворцовый наставник, охраняющий добродетель десятилетнего ученика. Разве все мы не взрослые люди, мужчины и женщины? Здесь ведь нет Цезариона? – Он демонстративно огляделся по сторонам. – Твоя забота о нравственности трогательна, но одновременно неуместна и даже оскорбительна. Короче говоря, моя восхитительная, прекраснейшая, таинственная царица Египта, занимайся собственными делами и не лезь в чужие.

Антоний откинулся на подушки в лодке и предостерегающе погрозил пальцем.

Я рассмеялась. Он добился своего.

Наши гости пели, непринужденно перекрикивались друг с другом и пили из мехов захваченное с собой мареотийское вино. Мы плыли к Канопу.

Пропустить его было невозможно: все окна сияли, и здания словно окутывало огненно-красное свечение. На улицах, в отличие от большинства городов, пустеющих с наступлением темноты, было полно народу. Наши суда миновали болотистую низину, где здесь впадал в море самый западный рукав дельты Нила, и вспугнули огнями и шумом стаи водоплавающих птиц.

Нос судна уткнулся в причал, и вскоре мы уже разбрелись по заведениям, ни одно из которых не могло вместить столь большую компанию целиком.

– Будем обходить таверны по очереди, а потом сравним впечатления! – крикнул Антоний, потом повернулся и бросил мне мантию. – Надень ее. Ночью похолодает. Да и ни к чему им знать, что у них в гостях царица.

Мне претила мысль о маскировке – ведь царица вправе бывать где угодно, но должна повсюду оставаться царицей. Однако я уступила, не желая огорчать Антония в день рождения.

В его обществе мне легко удавалось забыть о своих привычках и усвоить чужие. Я накинула мантию и натянула на голову капюшон.

В первой таверне оказалось темно и чадно от плохого масла, используемого для светильников, и вино было под стать освещению.

– Фу-у! – воскликнул Антоний, отведав вина, и скривил губы. – На вкус вроде того настоя, которым моя мать опрыскивала одежду от моли.

– А ты что, пил этот настой?

– Нет, нюхал. – Он поднял руку. – Эй, есть у вас что-нибудь получше?

Хозяин, чье плоское лицо растягивала услужливая улыбка, вперевалку поспешил к нему.

– Господин желает лучшего вина? – осведомился он, попутно приглядываясь к компании и прикидывая, способны ли мы оплатить приличное угощение.

Антоний бросил золотую монету, и она завертелась на столе. Трактирщик схватил золото, угодливо закивал, и его слуги притащили кувшин с напитком не намного лучше предыдущего.

– Заметное улучшение, – промолвил Антоний, и улыбка хозяина сделалась еще шире. – Это почти соответствует требованиям, предъявляемым к солдатскому рациону.

Он допил чашу, жестом поманил спутников за собой, обнял меня за плечи и чуть ли не вынес за дверь.

– Заглянем куда-нибудь еще.

После душевной харчевни воздух снаружи казался свежее, хотя в нем висели дурманящие запахи тел вышедших на ночной промысел шлюх. Их прозрачные дешевые шелка – порой сетчатого плетения – подчеркивали формы отчетливее, чем если бы женщины были обнажены. Горевшие на причале факелы придавали их глазам призывный блеск, а губам – алый цвет и сочность.

Из домов неслась музыка, то разгульная, то заунывная.

– Предскажу твою судьбу! – Чья-то рука, как клещи, ухватилась за мою мантию. Повернувшись, я увидела сморщенное лицо с яркими и смысленными обезьяньими глазами. Сморщенное, но не старческое. Оно принадлежало ребенку лет девяти или десяти. – Я умею видеть будущее!

Держась за руку Антония, я поспешила дальше. Тяжелый холодный меч, раскачиваясь на ходу, хлопал меня по бедру.

– Я могу рассказать все о твоём будущем! – несло мне вдогонку.

«А я, – подумалось мне, – могу рассказать все о твоём будущем. Ведь в нем нет ничего, кроме бедности и отчаяния».

Сердце мое болело за этих людей. Не то чтобы я находила их привлекательными или притягательными, но не могла не сострадать их печальной участи.

– Дай-ка монету, – сказала я Антонию.

Он небрежно – ведь для него это ничего не значило – вручил мне золотой.

– Твоя судьба! Твоя судьба! – Дитя бежало за нами, стремясь не упустить удачу.

– Предпочитаю ничего о ней не знать, – заявила я, и мы удались, оставив ребенка разглядывать золотую монету.

В следующем заведении былолюдно. Большая компания явно выпивала с самого заката. Духота стояла, как на Первом нильском пороге в полдень. Мне даже захотелось скинуть мантию, но я этого не сделала – лишь она отделяла меня от чужих потных тел.

Почти полностью раздетая девушка развлекала посетителей, покачивалась и извивалась под исполненные вожеления звуки камышовой свирели. Наша компания, протолкнувшись в круг с чашами в руках, присоединилась к зрителям. Вскоре на многих лицах появилось похотливое выражение, под стать танцу и музыке.

Вино действовало и на меня. Моя сдержанность и отстраненность рассеивались; эта таверна уже казалась мне не убогой и низкопробной, но восхитительно греховной. Мои руки,

пусть и под плащом, непроизвольно повторяли призывные движения танцовщицы. Меня тянуло танцевать, безумствовать, предаваться любви.

– Еще, еще!

Гости хлопали в ладоши, требуя еще одного танца. Девушка, по телу которой струился пот, пошла навстречу их пожеланиям. Запах пота, смешанный с ароматом благовоний, был столь же пьянящим, как и пары дешевого вина.

– Пойдем куда-нибудь поесть! – неожиданно предложил Антоний своим спутникам, и они всей оравой рванулись к двери, несмотря на попытки хозяина убедить их, что он подаст им и еду.

– Нет, – возразил Антоний. – Мы должны обойти все заведения. Все злчные места!

Следующий трактир был выбран произвольно – Антоний почуял запах мяса. Оказалось, это остатки поджаренного на вертеле быка; наша компания заказала все, что осталось от туши, и не прогадала. Мясо получилось на удивление вкусным.

– Я думаю... я думаю, нам стоит образовать содружество! – вдруг предложил Антоний, не переставая энергично жевать прожаренные ломтики. – Да, создадим специальное общество. Будем заказывать жареного быка каждый день, если нам захочется. Мы станем проводить экскурсии, искать удовольствия и стараться превзойти себя каждый день. Кто хочет присоединиться?

– Все мы! – наперебой закричали гости.

– А как ты назовешь это содружество? – спросила я.

– Как? Amimetobioi – «Общество неподражаемых гуляк»!

Название слетело с его языка мгновенно, и я решила, что эта мысль посетила его уже давно. Но оставила догадку при себе, ограничившись понимающим кивком.

– Я хочу прославиться экстравагантным потворством своим желаниям, как ты – историей с жемчужиной, – сказал он, поцеловав меня в щеку.

– А мне казалось, что ты хочешь завершить задачу Цезаря и завоевать Парфию, – отозвалась я. – По-моему, это не очень вяжется с экстравагантным потворством прихотям.

– Александр, бывало, предавался необузданному пьянству, но это не помешало ему завоевать весь мир. Кто сказал, что разгул и великие дела несовместимы?

– Да, Александр совмещал одно с другим, но он и прожил совсем недолго.

– Недолго, зато со славой. Со славой!

Антоний поднял чашу и осушил ее одним глотком.

– Перестань кричать, – потребовала я. Его голос резал мне слух.

Он вложил другой бокал в мою руку, и я стала пить – медленно, маленькими глотками. Захмелеть еще больше у меня не было ни малейшего желания.

Сытые, изрядно набравшиеся вином, мы снова вывалились на улицу и там встретили гуляк из нашей же компании, включая Николая и пожилого интенданта. Две группы людей перемешались, а потом снова, несколько поменяв состав, разошлись в разных направлениях в поисках новых развлечений. Я заметила Хармиону и приглянувшегося ей рослого римлянина, но они меня, похоже, не увидели. Вместе с прибившейся к нам частью компании мы вернулись обратно – на улицы, тянувшиеся вдоль берега. Здесь было потише, но дух распутства ощущался еще сильнее, как будто порок уже не пытался прикрыться фальшивой веселостью, но являл себя таким, каков есть, без притворства и без прикрас. Женщины высывались из окон, подзывали гостей жестами и провожали призывными взглядами всех проходивших мимо мужчин.

Увидев в просвете одной из улиц какое-то высокое здание, я решила, что это, должно быть, храм Сераписа. Поскольку мне не терпелось покинуть квартал разврата, я потянула Антония за руку:

– Давай зайдем туда.

– Веди, – покладисто ответил он.

Мы двинулись туда и вскоре, к немалому моему удивлению, опять оказались посреди тесной толпы. Вокруг храма было устроено торжище с лавками и лотками. В свете сотен чадящих смолистых факелов там продавали все, что годится для подношений богам: благовония, лампы, свечи, гирлянды. В дверных проемах маячили храмовые проститутки. Помимо прочего, при храме имелись помещения – якобы для частных молитв, – сдававшиеся желающим на час, без каких-либо вопросов.

Некогда этот храм, возведенный моим предком Птолемеем Третьим, был почитаемым святилищем, и люди являлись сюда за исцелением. Считалось, что ночь, проведенная в его стенах, изгоняет хворь. Ныне храм превратился в прибежище разврата, густо настоящего на суевериях: в бассейнах с подогретой водой, прежде служивших для ритуальных омовений, со смехом резвились обнаженные распутники и блудницы.

Пожалев о своем приходе, я уже собралась удалиться, но тут к нам приблизилась старуха.

– Любовные зелья, – шепнула она с заговорщицким видом, сунув Антонию какой-то флакон с зеленой жидкостью. – Лучшие любовные снадобья!

Он поднял флакон, чтобы посмотреть на свет.

– Не сомневайся, господин, средство самое сильное! – заявила старуха, протягивая руку за деньгами.

Антоний дал ей монету и машинально отпил из флакона.

– Не пей! – воскликнула я. – Вдруг там яд. Или какая-нибудь вредная гадость.

– Глупости, – отмахнулся он, утирая рот. – Никто здесь травить меня не станет. И тебя тоже. Попробуй. Выпей вместе со мной.

Разум предостерегал меня от подобной опрометчивости, но некая неведомая сила заставила послушаться. Я сделала глоток сладкой тягучей жидкости с послевкусием изюма.

– Идем, заглянем в святилище.

Мы прошли через торжище и поднялись по ступеням в храм. В лесу колонн царил сумрак, и я едва могла рассмотреть то место, где когда-то давно Береника, принадлежащая к числу моих предков, совершила знаменитое жертвоприношение – принесла в дар богам свои несравненные волосы. Дар этот был благосклонно принят и взят на небо, где обратился в созвездие.

Между тем мало-помалу мной овладевало странное чувство отрешенности и нарастающего желания. Тело мое буквально наливалось вожделением, а все окружающее таяло; острее всего я чувствовала руку Антония на моей талии. Не сговариваясь (Антоний, похоже, находился в плену тех же ощущений), мы направились вниз по ступеням к одной из каморок для уединения. Все мысли о порядке, приличиях, границах дозволенного стремительно улетучивались вместе с ощущением времени.

Вход манил. Хозяйка ждала. Мы вошли. Заплатили.

Мы оказались в большом помещении с высоким потолком, двумя маленькими окнами и кроватью на деревянной раме, с ременной сеткой для матраса. Мой плащ словно сам по себе упал к моим ногам, пояс с мечом последовал за ним. Не помня себя, я прильнула к Антонию. Где-то на задворках сознания сохранялось понимание, что это действие снадобья, но мне было все равно. Реальный мир перед глазами поплыл. Антоний, выпивший больше зелья, чем я, ощущал это еще сильнее.

Его движения казались замедленными – или это лишь мое измененное восприятие?

Я обняла его, и мир завертелся. Казалось, существует только этот человек, только это место, только этот миг. Потом вращение прекратилось, но мир сузился до одной комнаты. У меня не было ни прошлого, ни будущего – лишь настоящее.

Мы упали на сетку кровати, отпечатывавшуюся ремнями на нашей плоти. Снаружи, откуда-то издалека, доносились какие-то звуки, но они казались ненастоящими. Единственной

подлинной реальностью в этом тающем и расплывающемся пространстве было тело Антония, сжимавшего меня в объятиях.

Он покрывал меня поцелуями, и скоро я перестала воспринимать что бы то ни было, кроме его жаркого дыхания на моих плечах, шее, груди. Говорил ли он? Я ничего не слышала. Слух отказал, да и прочие чувства, за исключением осязания, тоже. Я ощущала каждое прикосновение к своей коже. Я ничего не слышала и не видела, не воспринимала никаких запахов, но моя женская плоть была чувствительна, как никогда.

В ту ночь он часами занимался со мной любовью, и я откликалась на его порывы. Однако воздействие снадобья привело к тому, что мы не только слились воедино, но и стали воспринимать происходящее как некое единое ощущение, не подлежащее расчленению на отдельные моменты или воспоминания.

Как мы покинули ту комнату, как вернулись в Александрию, в памяти не отложилось. Во всяком случае, на следующее (если оно было следующим) утро я проснулась в своей постели, в собственной спальне. На стенах плясали пятна яркого утреннего света, а надо мной с тревогой склонилась Хармиона.

Глава 12

– Наконец-то! – сказала она, когда я открыла глаза.

И тут же закрыла, потому что свет их резал.

– Вот так! – Она приложила к моим векам компресс из огуречного сока, свежий терпкий запах которого казался чудом после тяжелых запахов Канопа.

– Что ты пила? Сонное зелье?

Зеленая тяжелая жидкость; я вспомнила ее изумрудный блеск и приторный вкус.

– Да, тот напиток действовал как снотворное, – ответила я.

На самом деле снотворное было наименьшим из его действий.

Наверное, я устыдилась бы своего поведения в комнате для утех, если бы смогла вспомнить подробности.

– Похоже, я допустила неосторожность, пригубив какого-то питья на улице, – со вздохом промолвила я и тут же вспомнила, что Антоний выпил куда больше меня. Я встрепелась: – А что с благородным Антонием? Где он?

– Его никто не видел, – ответила Хармиона, взяв мои руки. – Но не бойся, он вернулся в свои покои. Его телохранители заметили, как он входил.

В надежде, что мой возлюбленный пребывает в не слишком плачевном состоянии, я подняла уголок компресса и посмотрела на Хармиону:

– Я видела тебя с...

– Флавием, – закончила она.

– Ну и как, оправдал он твои ожидания?

Мне казалось, что оправдал. Во всяком случае, выглядела Хармиона удовлетворенной.

– Да, – коротко ответила она.

Интересно, к чему это приведет? Флавий не Аполлон, в этом отношении он не соответствует запросам Хармионы, но как земная замена бога, может быть, и сойдет.

Через несколько минут я встала и, коснувшись прохладного и чистого мраморного пола, подивилась тому, что после всего случившегося чувствовала себя отдохнувшей.

Снаружи море билось о волноломы и об основание маяка. Сейчас, в середине января, судоходство практически замерло: если в порт и поступали какие-либо грузы, то преимущественно сухим путем. С востока продолжали приходить караваны с предметами роскоши, но зерно, масло и вино, как и почта, временно не доставляли. Этот период затишья Эпафродит и его помощники использовали для проведения инвентаризации, подведения итогов и подготовки к следующему сезону.

Я послала за Цезарионом. Сын пришел, как только его наставник, старый ученый из Мусейона по имени Аполлоний, закончил утренний урок. В свое время Аполлоний учил меня саму, и я решила, что этот несколько занудный, но опытный и дотошный старик на начальном этапе подходит и для Цезариона. Он никогда не повышал голос; правда, на его уроках порой клонило в сон.

– Может быть, мы вместе поедим и ты расскажешь мне об учебе? – предложила я. – Кстати, как поживает твоя ящерица?

Его лицо осветилось.

– О, ящерица замечательная! Она у меня такая шалунья! Думаешь, только тележку возить умеет – как бы не так! Представляешь, сегодня спряталась в мой сапог. Я чуть не раздавил ее, когда обувался.

Он рассмеялся звонким высоким смехом.

– А уроки? – спросила я, пока Хармиона выкладывала для нас хлеб, пасту из фиг, овечий сыр и оливки.

Цезарион живо потянулся к ним.

– Ну... – Лицо его потускнело. – Я учил список фараонов, но их так много... – Цезарион откусил большой кусок хлеба и продолжал говорить: – И все они жили так давно... Мне бы хотелось, чтобы они были не просто именами. Чтобы я знал, как они выглядели, какие носили сапоги... и забирались ли туда ящерицы.

– Как у тебя дела с грамматикой?

Мальчик нахмурился.

– Разве Аполлоний не учит тебя грамматике?

– Нет, все больше истории. Приходится запоминать то имена царей, то перечень сражений. А еще иногда он заставляет меня зубрить наизусть какую-нибудь речь. Послушай: «Учи его тому, что сказано в прошлом, тогда он подаст хороший пример детям сановников, а точность и здравое суждение войдут в его разум. Говори ему, ибо никто не рождается мудрым».

– Хм. И что это значит?

– Я не знаю. Это из «Поучений Птаххотепа», – бойко ответил мальчик. – А вот еще: «Не кичись своими познаниями, но поделись с невежественным человеком, как с ученым. Хорошая речь более редка, чем малахит, однако и его рабыни используют для растирания зерна».

Да, так можно вообразить, будто и в Канопе сокрыты зерна мудрости. Впрочем, ясно другое: Аполлония пора заменить. Стар уже, а мальчику нужен наставник помоложе.

Я намазала фиговую пасту на мой хлеб и с серьезным видом сказала:

– Ну что ж, мы должны следовать этим мудрым поучениям.

Тут за дверью послышался какой-то шум.

– Да, он здесь, но... – донесся голос Хармионы.

В следующий момент, прежде чем она успела доложить о его приходе, в комнату вошел Антоний.

Он выглядел свежим и отдохнувшим, никакого намека на головную боль или что-то в этом роде. Я уставилась на него в изумлении.

– Приветствую, ваше величество, – сказал он, обратившись непосредственно к Цезариону, а мне кивнул и подмигнул. – Мне вот подумалось: день сегодня ветреный, прохладный, и ты, наверное, скучаешь. Давненько под парусом не ходил и на лошадках не катался, а?

Да уж, мальчишек Антоний понимал прекрасно. Во многом благодаря тому, что и сам в душе оставался таковым.

– О да, уроки – это так утомительно! – согласился Цезарион. – Они такие скучные!

– А как насчет того, чтобы попробовать другие уроки? – спросил Антоний, ловко выхватив из-под плаща маленький щит и меч. – Военное дело?

– Здорово! – воскликнул Цезарион, пожирая глазами оружие.

– Я заказал их специально для тебя, – сказал Антоний. – Клинок не заточен, так что тебе не придется беспокоиться, как бы не отрубить кому-нибудь голову.

Антоний рассмеялся. И тут я увидела, что он явился не один. Следом за ним вошел еще Николай из Дамаска, который спокойно стоял в сторонке.

– В перерывах между сражениями этот человек, – Антоний указал на Николая, – будет рассказывать тебе истории, подходящие для мальчиков. Таких историй ты никогда не слышал – например, про персидских огненных бесов.

Не знаю, что там за «бесы», но для мальчишки они были явно интереснее покойных фараонов.

– Отлично! – воодушевился Цезарион, совершенно забыв о еде. – А когда мы пойдем тренироваться с мечом? Можно прямо сейчас? Можно?

– Как решит твоя мама. – Антоний кивнул головой в мою сторону. – Ты не против, если мы после обеда займемся боевыми искусствами? Думаю, твой мальчик – прирожденный солдат. Да и как иначе, если его отец – сам Цезарь, а мать – столь грозная и воинственная царица.

– Может быть, тебе следует поучить и меня? Я не очень хорошо владею мечом.

– Ночью ты владела им достаточно ловко.

Меч оставался у меня, и я поняла, что он просит вернуть его.

– С твоим мечом все в порядке. Хармиона, принеси его.

Когда Хармиона доставила меч, я передала его Антонию со словами:

– Носи с честью.

Вернулись они в сумерках. Цезарион, покрасневшийся, возбужденный, облаченный в изготовленные по его росту панцирь и шлем, с боевым кличем бросился на занавеску и пронзил ее мечом.

– Теперь мы часто будем этим заниматься, – сказал Антоний. – Ему понравилось, а воинское искусство еще никому не мешало. В дворцовых покоях мальчику трудно стать настоящим мужчиной. Когда Цезарион станет постарше, он сможет пойти со мной в поход – не сражаться, конечно, но увидеть войну собственными глазами.

Я почувствовала, как у меня на глазах выступили горячие слезы. Именно этого и хотел бы для нашего мальчика Цезарь! О боги, как мне благодарить вас за Антония – человека, понимающего мальчиков и способного дать Цезариону то, чего не могу я. Ведь он прав: чему может научиться среди женщин и евнухов сын Цезаря, которому по его рождению предназначено место среди великих мужей?

– Спасибо тебе, – вымолвила я, не в состоянии сказать больше.

День проходил за днем. Теперь, в воспоминаниях, их круговращение видится мне ярким и многоцветным, чем-то вроде танца с шальями. Зима служила оправданием праздности, отстраненности от дел и забот. Amimetobioi – «неподражаемые» – на своих регулярных встречах старались превзойти друг друга в пьянстве, игре в кости и устройстве развлечений. Во дворце постоянно жарились на вертелах несколько быков, так что в любой час дня или ночи нагрянувшие без предупреждения гости могли рассчитывать на жаркое. И не только жаркое – у пекарей всегда были наготове изысканные медовые лепешки, изготовленные на разных, но равно драгоценных сортах меда: светлых – аттическом, родосском, карийском – и темных, из Испании и Каппадокии. Вина лились рекой – от липко-сладкого драгоценного прамнейского до яблочного с острова Тасос, вина из Библоса и хианского, разлитого в амфоры с печатью сфинкса. Охоту сменяли поездки на слонах или состязания на колесницах наперегонки с ручными гепардами. Эти звери вместе с нами проносились по широким улицам города и выбегали за стены к песчаным грядам.

Иногда мы с Антонием вдвоем, без сопровождения, бродили по ночным улицам Александрии, ничем не выделяясь среди простых людей. Тем самым мы получали возможность прислушаться к разговорам, песням и перебранкам горожан, понаблюдать за их повседневной жизнью. По возвращении мы порой устраивали переодевание и дома: он наряжался куртизанкой, а я изображала ищущего утех мужчину. Играм я предавалась с тем же азартом, с каким Цезарион изучал военные искусства. Эти дни подарили мне детство, которого в должное время я была лишена. Во всяком случае, не припоминаю, чтобы прежде у меня находилось время для беззаботного и шаловливого веселья.

Поздно ночью, когда мы оставались вдвоем в темноте спальни, мне казалось, что там сосредоточивался весь мир. Все прочее отступало, не дерзая посягнуть на наше уединение.

– Не понимаю, как я жил до тебя, – обронил он однажды, пробегая пальцами по моей спине.

– Не думаю, что ты томился в одиночестве, – заметила я, не испытывая при этом ни малейшей ревности к своим предшественницам.

– Нет, не в одиночестве. – Он тихонько рассмеялся. – Но все это было лишь преддверием. Тогда, конечно, я этого не понимал, но теперь вижу: я всегда грезил о встрече с тобой.

Я вздохнула и повернула голову, счастливо покоившуюся на его плече.

– Грезы... Мне кажется, что и это грезы. Эта спальня, эта постель – наше волшебное царство.

– Царство, где мы с тобой – и царь с царицей, и единственные обитатели, – подхватил Антоний, пробегая кончиками пальцев по линии моего носа и губ. – Особенное царство.

– О Антоний, я люблю тебя! – вырвались сами собой слова. – Ты освободил меня.

– Как можно освободить царицу? – спросил он.

– Ты открыл для меня истинную свободу – вольно цветущий сад земных радостей.

Да, с тех пор как он приехал, я все время бродила по такому саду с диковинными пышными цветами, чьи бутоны раскрываются ради моего удовольствия всякий раз, когда я прохожу мимо. Сад, где всегда найдется тень, прохладный туман или уютная беседка за поворотом дорожки.

– Я бы назвал их *неземными* радостями, – сказал он. – Ибо ничто не происходит на земле без наших усилий, моя любовь. – Он повернулся ко мне и поцеловал меня долгим поцелуем. – Даже это.

И мне действительно потребовалось усилие, чтобы поднять голову.

Однако ни одна зима не бесконечна, и с приближением весны море постепенно успокаивалось. Становилось теплее, ветра слабели, дело шло к открытию навигации. Но если прежде я всегда ждала весны с нетерпением, то теперь я ее страшилась, опасаясь вторжения внешнего мира в мое замкнутое волшебное царство. Мне хотелось остаться в нем вечно. Во всяком случае, до тех пор, пока я не наполнюсь любовью так, что сама воскликну: довольно!

До этого было еще далеко, когда в порт пробились первые корабли из Италии и Сирии. Они доставили римских военных курьеров, сообщивших Антонию, увы, невеселые новости.

– Все валится в преисподнюю! – заявил он, качая головой, когда я пришла к нему.

У его ног валялись скомканные донесения из Рима и Тира.

– Что это? – Я нагнулась, чтобы поднять их.

– В Италии война, – промолвил Антоний. – Моя жена...

Он умолк.

Да, волшебному царству грез настал конец. К нам бесцеремонно вломился внешний мир.

– Похоже, моя жена Фульвия и мой брат Луций развязали войну против Октавиана.

– Почему?

Я стала читать письмо, но оно было очень длинным.

– Сложно объяснить. По-видимому, они почувствовали, что Октавиан решил воспользоваться своим положением, чтобы устроить своих ветеранов, дать им лучшие земли и так завоевывать популярность. В том числе и за мой счет. Короче говоря, они выступили против него, а в результате оказались осажденными в Перузии. – Он пробежал пятерней по волосам. – Мои легионы находятся поблизости, но без моего приказа на помощь не выступили. И это хорошо.

– Что же хорошего? – не поняла я. – В поражении ничего хорошего нет.

– Что хорошего? – Антоний удивился. – Да то, что наш договор с Октавианом не нарушен! Мы ведь с ним союзники, помнишь? Мы положили конец гражданским войнам.

– Похоже, не положили. – Я помолчала. – И какие же вы союзники, если он пытается опорочить тебя, подняться за твой счет.

Антоний нахмурился:

– Он не пытается опорочить меня, просто он... он только...

– Тогда зачем Фульвия и Луций выступили против него?

– Наверное, они слишком беспокоятся о моих правах.

Похоже, самым горячим защитником Октавиана стал Антоний.

– А ты уверен, что Октавиан вел себя безупречно? Что он вне подозрений?

– Рано делать выводы, у меня слишком мало информации. Но это далеко не все новости. И не самые худшие. Читай, ты все поймешь.

Он поднял и вручил мне второе письмо. Его содержание и впрямь было ужасным. Я убедилась в этом, пробежав его взглядом.

Парфяне вторглись в Сирию, убили назначенного Антонием префекта Сакса и даже захватили Иерусалим. Все опорные пункты, кроме Тира, утрачены, два расквартированных в Сирии легиона разгромлены. Их орлы достались парфянам, в дополнение к трофеям, захваченным у Красса.

– О легионы! – воскликнул Антоний. – Какой позор!

Подвластные царьки, еще прошлой осенью подобострастно выражавшие ему свою преданность, не очень-то стремились проявить ее на деле. Может быть, пришла пора их заменить.

– Только Ирод действовал активно, – сказал Антоний. – Сумел выйти из затруднительного положения и удержать Масаду. – Он сокрушенно покачал головой. – Меня втянули в войну на два фронта.

Война в Италии была не масштабной, но неприятной. В ней преобладали не сражения, а оскорбления и насмешки. Октавиан опустился до того, что позволил прашникам метать во вражеский лагерь ядра с надписью «подарочек для Фульвии», а для усиления эффекта распространял неприличный стишок:

Покуда Антоний резвится с Глафирой, В Италии Фульвия бесится с жиру. Чтоб трахнуться, лезет войной на меня, Но игры подобные не для меня. И Маний туда же: меня, мол, потрахай! Но нет, никому не хочу я потрафить. «Иль трахай, иль бейся!» – она мне орет. Но выбор за мной – значит войско вперед. Мне жизни дороже мой пенис пригожий. Пусть трубы ревут – да и Фульвия тоже.

Должно быть, он в отчаянии, раз раскрывает свои истинные пристрастия. Антонию, похоже, стишки показались забавными.

– Октавиан развелся с Клавдией, – вдруг сказал он. – Должно быть, он точно повернул против меня.

– Ты о чем? – не поняла я.

– Он считает разумным скреплять политические отношения семейными связями. Когда мы стали триумвирами, он выразил желание породниться со мной. И я выдал за него Клавдию, дочь Фульвии от предыдущего брака, – у нас-то с ней были только маленькие сыновья. Вот мы и породнились.

– Надо же. Даже не знала, что он женат.

Честно говоря, я не могла представить себе Октавиана женатым.

– Был женат. Теперь развелся и отослал Клавдию Фульвии. Заявляя при этом, что возвращает ее нетронутой. Девственницей! После трех лет брака!

– Должно быть, он все спланировал заранее, – промолвила я, дивясь такой прозорливости в сочетании с невероятным, почти нечеловеческим самообладанием. – Ему свойственно продумывать все наперед.

Антоний покачал головой:

– Какое поразительное... хладнокровие.

– Да, он грозный враг.

Должна признаться, что я всегда недооценивала Октавиана. Даже тогда, когда мне казалось, что я переоцениваю его. Никто другой не мог сравниться с ним в твердости, неумолимости, неотступном упорстве в достижении цели. Мне вспомнилось, как он, преодолевая любые препоны, ехал до Цезаря после кораблекрушения – и добрался! Таков Октавиан – выползающий из-под обломков разбитого корабля, слабый, больной, еле живой, но все равно получающий свое.

Я поежилась.

– Он мне не враг, – решительно возразил Антоний. – Перестань называть его так.

Теперь новости изливались на нас потоком. В Кампании разразилось восстание рабов. Октавиан подавил его, но в результате этих военных действий множество людей из самых разных общественных слоев покинули свои дома и бежали под защиту мятежного царя пиратов Секста Помпея, фактически правившего Сардинией и Сицилией. Даже мать Антония присоединилась к ним.

– Моя мать вынуждена бежать, опасаясь за свою безопасность! – сокрушался Антоний. – Какой позор!

– Так покончи с этим, – заявила я. – Призови Октавиана к порядку!

– Но виноват не Октавиан, а Фульвия. Она не только подняла против него легионы, но выпустила в обращение собственные монеты!

Я не удивилась: неистовая Фульвия способна на все.

– Она делает это ради тебя!

– Ты так думаешь? – Он резко повернулся ко мне. – В известном смысле – да: это делается ради того, чтобы выманить меня из Египта. То есть из-за тебя!

– Значит, она готова поднять войска и поставить под угрозу твои интересы, лишь бы отобрать тебя у меня? Станный способ проявить любовь.

– Ты ее не знаешь.

– А мне кажется, знаю.

Я вспомнила рассказы о ее кровожадности и мстительности.

– Лучше тебе знать о ней поменьше и никогда к ней не приближаться.

– Разведись с ней! – неожиданно потребовала я.

– Что?

Антоний уставился на меня в растерянности.

– Ты сам говоришь, что она действует тебе во вред, – промолвила я, размышляя вслух. – Фульвия амбициозна, а поскольку удовлетворить свои амбиции может только через тебя, готова на многое ради твоего возвышения. Не могу не признать: в отличие от тебя она понимает, какая опасность исходит от Октавиана. Но для тебя Фульвия не более чем помеха. Она не поможет тебе добиться того, что должно быть твоим. А я помогу.

– Это что, предложение?

Антоний еще пытался обратить все в шутку.

– Объедини твои силы с моими, – ответила я. – Давай посмотрим, что я могу тебе предложить. Не пару наспех набранных легионов, а средства, которых хватит, чтобы содержать пятьдесят легионов и целый флот. С твоим именем и моими ресурсами ты получишь такую армию, какую пожелаешь. – Я схватила его за мускулистую руку. – Воспарь так высоко, как тебе подобает!

– Я повторяю свой вопрос: это предложение? – промолвил он, стараясь перевести разговор в русло любовной игры.

– Да, – без обиняков сказала я. – Женись на мне. Мы объединим наши силы, и я никогда не предаю тебя и не покину. Я смогу дать тебе все, чего ты захочешь.

– Все, чего захочу? Но я не желаю большего, чем то, что уже есть у меня.

– Однако ты рискуешь лишиться этого. Хотя бы ради сохранения имеющегося тебе придется потянуться за большим.

– Я не Цезарь, – проговорил он после недолгого раздумья. – То, от чего трепетало его сердце, меня не искушает. Если ты думаешь, что нашла второго Цезаря, я должен разочаровать тебя.

– Мне не нужен второй Цезарь. Мне нужен Антоний, занимающий то положение, какого заслуживает. Не довольствуйся меньшим, чем предназначено тебе судьбой.

– Да, звучит возвышенно: судьба, предназначение. Но мне следует подумать о том, что это означает в действительности.

– Неужели союз со мной внушает тебе отвращение?

Он рассмеялся:

– Как ты можешь так говорить?

– Ты ведешь себя так, будто хочешь отстраниться.

Он промолчал.

Я выдержала паузу, а потом заявила:

– Будь осторожен, а не то я сама могу сговориться с Октавианом! Он колебаться не будет, ибо алчет славы и готов добиваться ее любой ценой.

– Надеюсь, ты шутишь.

На сей раз Антоний выглядел встревоженным. Похоже, мне удалось задеть его за живое.

– Я никогда не выйду за Октавиана, – торопливо заверила его я. – Если только не получу гарантии, что он будет обращаться со мной как с Клавдией.

– Ну уж нет, гарантий ты не получишь. Я знаю, что он пылает к тебе страстью.

– С чего ты взял?

Для меня такое заявление стало полной неожиданностью.

– По всему видно. И знай: скорее я предпочту убить тебя, чем дам ему возможность удовлетворить эту страсть!

Час от часу не легче. Собственническая ревность Антония оказалась для меня таким же открытием, как и вождение Октавиана.

– Тогда оставь меня себе. Легально, – настаивала я.

– Наш брак не признают в Риме.

Да, я слышала это и раньше. Но будь я его единственной женой, Риму пришлось бы со мной считаться.

– Итак, я предложила – ты отказался.

Я встала, собираясь уходить, и как можно более непринужденно добавила:

– Твой отказ ранит меня.

– Я не отказываюсь. Просто в политическом отношении...

– Знаю. Наше волшебное царство заканчивается там, где начинается политика.

В ту ночь я мерила шагами комнату, пока встревоженная Хармиона не осведомилась, дать ли мне снотворного. Мне, однако, требовалось не забытие, а нечто противоположное: способность мыслить ясно, четко, логично – как никогда раньше.

Антоний получил возможность, которая представляется раз в жизни и далеко не каждому. Если бы Цезарь, несмотря на все разговоры о фортуне, не нашел смелости ухватить удачу за хвост, он бы остался сидеть на обочине дороги. Но он схватил ее, не дал ей вырваться, и в результате родился новый мировой порядок. Началось преобразование мира, которое никто уже не повернет вспять.

Рим установил господство и над миром Запада, и над частью Востока. Разумеется, легче захватить девственные земли – такие, как Галлия, – населенные примитивными племенами, чем покорить царства, существовавшие с незапамятных времен: Вавилон, Сирию, Аравию. И Египет, древнейшее и крупнейшее из всех. Что мог сделать с ними Рим? Они никогда бы не стали подлинной его частью, не перешли на латынь, не восприняли римский образ мысли. Однако Рим стремился именно к такому исходу. Следом за солдатами являлись чиновники, сборщики налогов, земледельцы, строители дорог и акведуков, и все они, с невероятным упор-

ством и пугающей эффективностью, проходились плугом преобразований по ниве традиций, безжалостно выкорчевывая то, что казалось лишним в наступающей новой эре.

Александр строил свою державу иначе: он пытался выковать новый народ на основе старых, старался ничего не утратить, но сохранить в целостности. Цезарь во многом походил на Александра, и его слишком широкие, по меркам косного Рима, взгляды стали одной из причин его гибели. А вот Октавиан – типичный римлянин, чье видение мира ограничено рамками Рима или, в крайнем случае, Италии. Если его подход станет доминирующим, Восток увянет и умрет, вытоптанный подкованными сапогами римских солдат.

А Антоний? Широтой взглядов и терпимостью он напоминал Цезаря. У него не имелось предубеждения против «неримского». В Риме его пристрастие к наряду Диониса вызывало насмешки, а у восточных подданных порождало симпатии. Он с уважением относился к чужим обычаям, верованиям и традициям. Он был единственным из римлян, кто практически перестал носить тогу. Даже Цезарь не зашел так далеко.

Глядя на мигающий огонь маяка, я вспомнила о том, что сейчас именно Александрия является средоточием духа и мудрости эллинского мира. Ее звезда не должна погаснуть. Но если Октавиан возьмет верх, такой исход станет весьма вероятен.

Империей не могут управлять два человека: в итоге один из них непременно посягнет на верховную власть. Октавиан на это способен, без сомнений. Но ему потребуется время, чтобы накопить силы. Начнись противостояние сейчас, он проиграет.

А вот у нас с Антонием есть шанс продолжить дело Цезаря. Тезис о невозможности одновременного правления двоих не относится к семейной чете: мужу и жене ничто не мешает править совместно. Я держала под рукой народы Востока, Антоний – западные провинции. А наши дети встали бы во главе державы, населенной новым народом – подлинными гражданами мира.

Наши дети... Ибо, как я только что поняла, у нас должен родиться ребенок. Он будет носить мантию обоих миров, и западного, и восточного, не разделяя их.

На тот момент Антоний имел наивысший авторитет во всем цивилизованном мире: мститель за Цезаря, победитель при Филиппах, старший партнер Октавиана. Ему оставалось лишь протянуть руку за высшей властью – и разве он не должен сделать это, хотя бы во имя процветания Ойкумены? И разве я, верная его соратница, не помогла бы ему, уравнивая на весах мирового баланса груз Рима и Запада? Почему же я не в силах объяснить ему это так, чтобы он согласился?

Я опустила на кровать.

Слишком уж он скромен в желаниях, слишком порядочен, слишком следует своим обязательствам перед Октавианом и триумвиратом (которому суждено испустить дух уже через три года). Октавиан, не теряя зря времени, набирает силу. Что будет, когда он ее наберет? Сила не появляется из ниоткуда, а добывается за чужой счет: усиление Октавиана означает ослабление Антония.

«Ох, Антоний, – мысленно взывала я, – пробудись! Возьми то, что дает тебе судьба! Она никогда не предлагает дважды».

Глава 13

– Пойдем со мной, – предложила я Антонию утром, спустя два дня после того разговора. Я задумала познакомить его с хозяйством и системой управления Египта. Я надеялась, что это внушит ему желание принять мое предложение. Он не задавал вопросов, однако, пока мы ехали на колеснице, смотрел на меня с недоумением.

– Ну, и зачем ты меня сюда привезла? – спросил Антоний, когда колесница остановилась перед большим складским зданием.

У входа нас поджидал Эпафродит со своими помощниками.

– Хочу кое-что тебе показать, – ответила я. – Это даст тебе почву для размышлений, чтобы принять решение относительно будущих действий. Надеюсь, обдуманное решение.

Мы вошли в подобное пещере помещение, где было заметно теплее, чем на продуваемых морскими ветрами улицах. Окна давали достаточно света, чтобы разглядеть все необходимое, включая изящную осанку и изысканность черт Эпафродита. Я по-прежнему считала его самым красивым мужчиной, какого мне доводилось видеть во плоти. Статуи не в счет, поскольку в них воплощено лишь желание скульптора.

Антоний нетерпеливо переминался. При виде громоздившихся амфор и мешков с шерстью он закатил глаза.

– Это мой самый доверенный казначей Эпафродит, – представила я. – У него есть и иудейское имя, но мне не велено его использовать.

Мне подумалось, что эта ремарка позволит разрядить обстановку.

Эпафродит поклонился.

– Большая честь для меня – видеть воочию одного из трех столпов мира, – промолвил он и поклонился снова.

– Получается тройной свод, – отметила я. – Но несущая опора только одна, остальные лишь вспомогательные. Ничто не покоится на трех столпах сразу.

Эпафродит поднял брови:

– Чтобы столп стоял несокрушимо, нужен еще и дренаж, а чтобы поддерживать его, требуется немалая сила. Добро пожаловать, благородный Антоний. Я давно мечтал с тобой увидеться. Надеюсь, тебе нравится наш город?

– Да, разумеется.

Далее несколько минут занял обмен любезностями.

Наконец я поняла, что с приветствиями пора вежливо покончить.

– Мне хотелось бы познакомить благородного Антония с финансовой системой Египта, – сказала я. – А еще пусть ему покажут наши богатства. Закрома с зерном, продовольственные склады, маслобойни, верфи, торговый флот, хранилища папируса, шерсти, соли, соды, пряностей. И книги, в которых ведется учет товаров.

Эпафродит смутился:

– Осмелюсь напомнить царице, что на знакомство со всем этим потребуется много дней. Располагает ли благороднейший Антоний свободным временем?

– Чтобы увидеть то, что необходимо, время у меня найдется, – заявил Антоний.

– И начнем мы с краткого рассказа о том, как организовано хозяйство страны, – вставила я.

– Очень хорошо. – Эпафродит прокашлялся. – Должен сказать, что несколько лет назад, принимая эту должность, я не представлял себе в полной мере всей грандиозности масштабов того, чем мне предстоит заняться. На первый взгляд суть нашей хозяйственной системы проста: вся земля и все ее плоды принадлежат царице. Частной собственности, по существу, нет – государство надзирает за всем.

Он помолчал, видимо дожидаясь реакции Антония, а когда таковой не последовало, продолжил:

– Так повелось в Египте испокон веку. Этот порядок существовал при фараонах, сохранился он и при Птолемах. Конечно, царица не владеет ничем непосредственно, но все подпадает под ее юрисдикцию. Поток зерна почти так же могуч, как сам Нил, он стекается отовсюду в царское зернохранилище Александрии. Мы собираем и другие продукты: бобы, тыквы, лук, оливки, финики, фиги, миндаль. Одного только зерна в нашу казну поступает двадцать миллионов мер в год.

– Сколько? – Антоний решил, что ослышался.

– Двадцать миллионов мер ложатся ежегодно к ногам Клеопатры, – повторил Эпафродит. – Разумеется, я выражаюсь фигурально.

– О боги! – только и смог вымолвить Антоний.

Его можно было понять: Риму приходилось ввозить пшеницу, а в последнее время, в связи с морским разбоем, учиняемым пиратами Помпея, дело дошло до продовольственных бунтов.

– Двадцать миллионов мер... – Антоний покачал головой.

– Мы потом посетим зернохранилище, – пообещала я.

Мне хотелось, чтобы он увидел эту гору хлеба собственными глазами.

– Есть еще царская монополия на шерсть, – сказал Эпафродит. – Мы преуспели в разведении овец из Аравии и Милета. Овцы дают столько шерсти, что мы вывозим ее и в другие страны. Разумеется, прядильные и ткацкие мастерские работают под нашим контролем.

– Не помню, говорила ли я тебе, что у меня есть собственные мастерские по выделке ковров, – сказала я Антонию как бы между делом. – Знаешь, ковры с царской печатью пользуются большим спросом. Наверное, из-за истории с Цезарем, – у меня вырвался смешок, – в представлении людей я как-то связана с коврами. Раскупают мои ковры очень охотно.

– Дело приносит неплохой доход, – подтвердил Эпафродит. – Впрочем, прибыль направляется на помощь нуждающимся.

– Да, и в этом году я предполагаю направить часть средств в Каноп, – сказала я.

Мне казалось, что разумная помощь поможет сменить род занятий тем, кто из-за бедственного положения трудится на ниве порока.

– И масло, – подсказала я Эпафродиту.

– Ах да, масло. Это еще одна царская монополия: каждый год власти указывают крестьянам, сколько земли отвести под масличные культуры. Урожай сдают на казенные приемные пункты, отжим производят на казенных давильных, конечный продукт поступает на казенные склады. Пойдем, это здесь, рядом.

Он жестом пригласил нас следовать за ним в соседний склад. Пройдя мимо множества стройных амфор с вином, мы оказались среди округлых сосудов с маслом. Ряды их, словно шеренги упитанных солдат, уходили вдаль.

– Это кунжутное масло высочайшего качества, – пояснил Эпафродит, указывая на тысячи сосудов. – А здесь отжим из кротона. Вот там – льняное, дальше – из сафлора и колоцинта.

– И все твоё? – выдохнул Антоний.

– Все мое, – сказала я. – Точнее, мне достается прибыль от его продажи. Самой мне столько не нужно даже на прокорм «неподражаемых».

– Мы продаем масло по твердым ценам купцам, сотрудничающим с казной, – пояснил Эпафродит, – а привозное облагаем половинным налогом.

– Кроме того, мы взимаем двухпроцентный портовый сбор, а если иноземное масло направляют вверх по Нилу, к пошлине добавляется еще двенадцать процентов. В результате привозное масло не может конкурировать с царским. Если его и покупают, то лишь очень бога-

тые люди, и не на продажу, а для личных нужд, в весьма ограниченном количестве, – дополнила я.

– Похоже, ты все предусмотрела, – заметил Антоний.

– Не я, дорогой. Так сложилось веками. Как ты думаешь, Эпафродит, не показать ли нам Антонию склады папируса? Тоже царская монополия.

– Конечно, – улыбнулся Эпафродит. – Разве существует что-либо более египетское, чем папирус?

– Может быть, перед уходом мы покажем гостю еще кое-какие счетные книги? – предложила я. – Кстати, казне принадлежат самые большие стада скота и мастерские по выделке кож. А также четвертая часть улова рыбы и добычи меда.

Антоний снова покачал головой:

– А есть в Египте хоть что-нибудь, что не подвластно казне?

– Ну, по большому счету ничего. Мы держим на Ниле собственный грузовой флот, нам принадлежат рудники, карьеры и солеварни. Чтобы ловить рыбу, разводить пчел или варить пиво, необходимо получить разрешение. Шестая часть урожая виноградников идет в доход государству. Ввозить изысканные греческие вина не запрещается, но, чтобы это не загубило местное виноделие, мы облагаем их пошлиной в треть стоимости.

– Однако при твоём дворе, – заметил Антоний, – греческие вина льются рекой.

– Конечно. А почему бы и нет? Получаемый доход мы используем и на то, чтобы себя побаловать. Зачем лишаться удовольствий?

– Это верно.

– Кстати, – промолвил Эпафродит, – за стеной находится винный склад. Там собраны лучшие наши вина из Дельты. Пойдем взглянем.

Мы прошли в соседнее хранилище.

– Конечно, – продолжил иудей, – вина с Лесбоса или Хиоса превосходят наши. Но и здешние – например, вот это – весьма недурны. Мареотийское белое отличается особой сладостью.

Мы шли вдоль длинных рядов амфор, и Антоний взирал на них как замороженный.

– Сорта вин легко различить по печатям на горлышках. Вот фениотийское: бледно-желтого цвета, густое, тягучее. Его хорошо пить, смешивая с чистой водой.

– Но в первую очередь тебе следует обратить внимание на то, как поставлено у нас казначейское дело, – сказала я Антонию. – Издать указ о сборе податей или пошлин может любой правитель, это немудрено. Добиться того, чтобы все положенные деньги доходили до казны, куда сложнее. Впрочем, ты и сам, наверное, понимаешь.

– Еще как, – со вздохом подтвердил Антоний. – Признаюсь, здесь мне пришлось столкнуться с немалыми трудностями.

Собственно говоря, он и на Восток прибыл прежде всего для того, чтобы собрать денег и расплатиться за последнюю войну. Сбор шел трудно.

– Может, у тебя есть секрет...

– Секрет – в регулярных переписях. Мы стараемся проводить их ежегодно, в крайнем случае раз в два года.

– О боги! – Антоний снова вздохнул. – И как тебе это удастся?

– Прежде всего мы стараемся не воевать. Для успешного ведения хозяйства желателен мир.

– Верная мысль, – одобрительно промолвил Антоний. – Хорошо, что в Риме удалось покончить с гражданскими войнами.

Мне утверждение показалось спорным, но возражать я не стала. Если обсуждать эту тему, то с глазу на глаз.

– Хорошо, если так, – сказала я. – А сейчас отправимся в зернохранилище.

Снаружи нас ждала колесница, еще одну подогнали для Эпафродита. Указывая дорогу, он двинулся впереди, выехал с припортовой территории и свернул к той части города, что прилегала к внутренней гавани, питаемой каналом. Большая часть хлебной продукции прибывала через озеро Мареотис и нильский канал. В устье проходившего через весь город канала корабли разгружались, и там же неподалеку находились зернохранилища – как александрийский вариант пирамид.

Эпафродит остановил колесницу перед самым большим зернохранилищем, сложенным из известняка. У массивных железных дверей, запертых изнутри на тяжелые засовы, стояли двое стражников в доспехах. Караульные подали знак хранителю, изнутри донесся звук соскользнувшего засова, и двери медленно распахнулись.

Благодаря проникавшим сквозь окна солнечным лучам в помещении мерцала золотистая дымка. Провеянное зерно наполняло воздух сухим сладковатым запахом.

По центру пролегла дорожка, огражденная с обеих сторон деревянными заборами – они сдерживали натиск золотого океана пшеницы, простиравшегося вдаль, до стен хранилища. Представив себе, как дерево прогибается, трещит, потом ломается под напором зерна и нас с головой затапливают золотистые волны, я поежилась.

Антоний примолк и беспрерывно озирался по сторонам.

– Такие же зернохранилища сооружены для ячменя и проса, – сказала я. – Есть еще специальные склады для фиг, фиников и миндаля. Хочешь заглянуть туда?

– Нет, – ответил Антоний. – Уверен, они различаются лишь по цвету и запаху содержимого.

– Но ты обязательно должен посмотреть на мое любимое хранилище пряностей! – не унималась я. – В детстве я, бывало, упрашивала отца отвести меня туда. Там такие запахи – как растворенные в воздухе драгоценности! Пожалуйста, пойдем! Если, конечно, тебе интересно знать, что приводит меня в восторг.

– Еще как интересно! – тут же заявил Антоний, не найдя возражений против такого довода. – Я обязан знать обо всем, что способно тебя порадовать.

Эпафродит, во время нашей беседы скромно смотревший на носки своих туфель, пробормотал что-то вроде «ну, тогда идем». Он вывел нас из зернохранилища, и вскоре мы вошли в квадратное каменное здание, служившее складом для драгоценных привозных специй. Возле его дверей и вентиляционных шахт стоял караул не из двух, а из десяти солдат, ибо пряности служили постоянным искушением для воров: при малом объеме и весе они были очень дороги.

Внутри царило невообразимое смешение ароматов. Высоко над головой виднелись зарешеченные отверстия воздухопроводов, но они лишь выпускали наружу избыточное тепло. Свету приходилось преодолевать долгий путь, прежде чем добраться до пола, так что наше зрение не сразу приспособилось к сумраку. А к безумству ароматов приспособиться было невозможно: обоняние подавило все прочие чувства, и я отдалась ему, погрузившись в ароматическое облако.

– Пряности поступают с Востока караванными путями, – пояснил Эпафродит. – А уж мы распространяем их по остальному миру, выручая двойную цену. Конечно, не все идет в Александрию – некоторые караваны продолжают путь к Черному морю, а другие следуют в Дамаск, – но большая часть рынка принадлежит нам. Что естественно: в отличие от того же Дамаска у нас есть морской порт. Мы способны надежно и недорого доставить груз хоть на край света.

– Вы, похоже, держите мировую торговлю за горло, – сказал Антоний. – У бедного Рима нет даже собственной морской гавани, а до причалов в Путеолах более ста миль.

– Да, в Александрии есть множество неоспоримых преимуществ, – с нажимом проговорила я, надеясь, что мои слова ему запомнятся. – А сейчас давай сделаем то, что я очень люблю: пройдемся мимо секций и постараемся угадать по запаху, что там лежит. Веди нас, Эпафродит.

Чтобы все было честно, я одной рукой прикрыла глаза, а другую подала Эпафродиту. Антоний шел рядом.

– Ну, тут и угадывать нечего, – заявила я, когда мой проводник остановился в первый раз. – Кардамон. Верно?

– Так оно и есть, – подтвердил Эпафродит. – Он хранится в деревянных ящиках, но запах так силен, что проникает повсюду.

Ящики громоздились почти до потолка, и содержимое каждого из них стоило огромных денег.

Дальше мы прошли мимо корицы (опознать ее было несложно), а также кассии и перца – с ними дело обстояло сложнее. В одном углу громоздились мешки с шафраном.

– Надо же, шафран – и мешками! – изумился Антоний. – Я и вообразить такого не мог.

– Да. Требуется почти двести цветков, чтобы получилась щепотка, – сказала я.

– Неудивительно, что этот склад так усиленно охраняют, – заметил Антоний.

В дальнем углу здания находились мешки и емкости с другими пряностями: тмином, куркумой, анисом, кориандром. К тому времени наши носы настолько онемели, что уже ничего не различали.

– Все ванны Рима не сумели бы смыть эти ароматы и запахи с моей кожи, – промолвил Антоний. – Чувствую, я пропитался ими до костей.

Он рассмеялся и похлопал туникой, словно журавль крыльями. Когда мы вышли наружу, воздух показался на удивление разреженным и пресным.

– Как насчет папируса? – спросила я Антония.

– Да, это было бы интересно, – согласился он.

Мы отправились в башню, где в сухости (благодаря впитывающему влагу натру) на полках лежали несчетные листы папируса, защищенные таким образом от гниения, грибка или плесени.

– Чистые свитки, – произнес Антоний. – Интересно, какими глупостями их испишут?

– Они как новорожденные младенцы, – сказала я, взяв с полки образец писчего материала высочайшего качества. – Их будущее зависти от того, в чьи руки они попадут. Вот, например, этот лист пригоден и для цифр, и для высокой поэзии, но его могут использовать и для подсчета домашних расходов.

– Для домашних расходных книг папирус столь высокого качества не покупают, – возразил Эпафродит. – Для них сойдет третий, даже четвертый сорт. Всего же есть семь сортов материала, низший из которых используется для школьных упражнений. Вот здесь сложены образцы.

Он указал на стопки листов, отличавшихся желтизной, толщиной и грубостью фактуры.

– Думаю, тебе следует доставить одну из наших податных книг во дворец, в мои покои, – сказала я Эпафродиту и, повернувшись к Антонию, добавила: – Если, конечно, ты не захочешь просмотреть их все.

– Нет, в этом нет необходимости. Я же не... как по-вашему называется главный казначей?

– Диокет. Ну что ж, тогда пойдем.

Один из чистых свитков – разумеется, лучшего качества – я взяла для Цезариона, а когда мы уже выходили, обратилась к Эпафродиту:

– Я чуть не забыла о своих золотых копиях на границе с Нубией. Разумеется, все добываемое золото поступает мне. Антоний, хочешь взглянуть?

К моему удивлению, он покачал головой:

– Нет. Я знаю, как выглядит золото.

– Видел ли ты его грудями, а не в украшениях или монетах, а? Огромными грудями? – настаивала я.

Про себя же подумала, что Антоний – весьма необычный человек. Значит, дело может оказаться труднее, чем мне представлялось.

Ко времени нашего возвращения во дворец по земле уже тянулись косые тени. Показать, разумеется, мы успели далеко не все, но я надеялась, что увиденное произведет должное впечатление. Важно было не перестараться. К концу прогулки интерес Антония ослабел: способность к длительному сосредоточению явно не относилась к числу его сильных сторон. Очевидно, ему давно хотелось полежать в ванне, а потом развлечься пирушкой с «неподражаемыми». Но на сегодня пирушек не планировалось: я собиралась обратиться к Антонию с наиважнейшей просьбой и хотела, чтоб этот вечер он провел со мной одной.

Я взяла его за руку и вывела на зеленый луг между дворцовыми зданиями. Потом я сказала, что хочу показать ему еще одно строение.

– О, довольно строений! – взмолился он и даже попытался отпрянуть.

– Пожалуйста! – настаивала я. – Оно не такое, как другие.

– Брось ты. Что может быть особенного?

Мои слова, похоже, не пробудили в нем ни малейшего любопытства.

– Да, особенное! Это моя гробница. Мой мавзолей. Он связан с храмом Исиды, что надзирает за морем...

– Какая гадость! Тебе всего двадцать девять – и ты строишь себе гробницу!

Он выглядел ужаснувшимся.

– Не забывай: это Египет. Гробницы у нас в моде.

Мою гробницу начали возводить сразу же по моем возвращении, после смерти Цезаря. К тому времени я уже слишком хорошо осознавала, что смертна.

Я потащила его дальше по прохладному ковру зеленой травы и ранних полевых цветов. Мы подошли к величественному мраморному сооружению с высокими ступеньками и воротами из красного полированного порфира, по обе стороны которых несли стражу сфинксы. Правда, здание было закончено лишь наполовину и пока не имело ни второго этажа, ни крыши.

– В этом проеме установят особые двери. После того как двери закроют, их уже невозможно будет открыть. Они скользнут по пазам, встанут на место и навсегда отгородят усыпальницу от мира.

– И зачем ты мне это показываешь? – Антоний поморщился.

– Чтобы ты знал, где мое тело замуруют навеки вместе с моими сокровищами, если, конечно, сокровища не будут израсходованы раньше. Это решать тебе. Либо их потратят на достойное дело, либо погребут здесь.

– Я не имею отношения к твоим сокровищам. Мне они ни к чему.

– Тебе они нужны, – заверила я. – Очень нужны.

Стояла прохладная безлунная ночь. Мы ужинали вдвоем, долго и неспешно. На столе были его любимые блюда: рыба, жаренная на решетке в соусе из чернослива без косточек; вино с медом; любимый Антонием уксус; особо сочный виноград, который всю зиму выдерживали в запечатанных сосудах с дождевой водой; яйца, запеченные на углях яблоневого дерева; медовый заварной крем и, конечно, хианское вино – столько, что хватило бы для наполнения небольшого бассейна. Ужин накрыли в моей личной трапезной, где стены были украшены инкрустациями в виде черепаховых полумесяцев. Когда Антоний, насытившись, с довольным видом развалился на ложе, я поняла – пора! Я встала, подошла к нему, села рядом, сплела свою руку с его пальцами, а другой рукой (скорее для себя, чем для него: мне нравилась его густая шевелюра) коснулась волос моего возлюбленного и очень тихо, хотя нас никто не мог подслушать, промолвила:

– Я хочу кое-что тебе показать.

– А не хватит ли на сегодня? – запротестовал Антоний. – Для одного дня более чем достаточно.

Но я уже соскользнула с ложа и принесла запертую на бронзовый замок шкатулку. Я откинула крышку и показала ему грудку драгоценных камней: жемчужин, изумрудов, кораллов.

– Опусть туда руку, – сказала я и, взяв за запястье, буквально принудила его запустить пятерню в драгоценности.

Гладкие камешки скользили между пальцами, а когда он убрал руку, несколько штук отскочили и упали на пол. Я не стала подбирать.

– У меня их много, гораздо больше, чем здесь, – сказала я ему. – А еще полные кладовые с редчайшими породами древесины, слоновой костью, серебром и золотом. Все это отправится в мою гробницу.

– В каком случае? – спросил он. – Не думаю, что ты устроила бы подобное представление, если бы твердо решила замуровать сокровища в своем склепе.

– В том случае, если я не смогу найти им более достойного применения.

– Например? – выказал он намек на заинтересованность.

– Например, я могла бы купить для тебя целый мир.

Антоний рассмеялся:

– Дорогая, я уже говорил тебе: целый мир мне не нужен. Да и будь нужен, ты все равно не смогла бы его купить.

– Я могу купить солдат. Много солдат, а они поднесут тебе мир на блюде.

Я выдержала паузу, чтобы он мог осмыслить мои слова.

– Ты пойми: сокровища развязывают тебе руки. Тебе не надо торговаться с Октавианом из-за того, кому достанется тот или иной легион, тот или иной корабль. Ты можешь получить все, что пожелаешь, в том количестве, какое сочтешь нужным.

– А что получишь ты? Мне не верится, что такое щедрое предложение сделано просто так.

Теперь он заговорил как купец, хотя, как ни странно, вовсе не спешил жадно проглотить приманку.

– Я хочу поменяться местами с Октавианом, – призналась я.

Антоний оглушительно расхохотался:

– Неужели тебе приспичило стать хилой и хворой, с выцветшими волосенками? Летом для него слишком жарко, зимой – слишком холодно, он не может выйти из дома, чтобы не кутаться или не закрываться от солнца. Ходячее несчастье. Нашла кому завидовать!

– Но этот хилый и хворый человек, прячущийся и от солнца, и от ветерка, – мне вспомнились увеличивающие рост сандалии Октавиана, – хочет править миром. Разве не так? Он мнит себя преемником Цезаря, хотя и в подметки ему не годится! Если ты не положишь этому конец, его влияние будет расти, как разрастаются сорняки или плесень. Однажды ты обнаружишь, что корни твои подрыты и ствол сохнет, а Октавиан цветет и зеленеет.

Я выдержала паузу. Антоний молча ждал продолжения.

– Вырви этот сорняк, вырви, пока он не пустил корни слишком глубоко. Сделай это. Совершенно ясно, что в противном случае он поступит с тобой именно так.

Антоний по-прежнему молчал. Я не знала, насколько затронули его мои слова, и вынуждена была продолжить.

– Мир или уже попал, или склоняется под власть Рима. Почему бы тебе не облегчить этот процесс? Женись на мне. Мы станем соправителями и будем управлять миром вместе: ты – Западом, я – Востоком. Само местоположение Александрии делает ее идеальной и естественной столицей Средиземноморья. Разумеется, чтобы воплотить такой замысел в жизнь, нужны средства. Как ты имел возможность убедиться, они у нас имеются.

– Так вот ради чего это маленькое представление, – сказал он напряженным голосом. – Я, конечно, сразу понял, что это не простая экскурсия... Мог бы догадаться и об остальном. А твоя поездка в Тарс и приглашение меня сюда – части того же представления?

Увы, я поняла, что дело обернулось вовсе не так, как мне хотелось.

– Неправда! – пылко возразила я. – Конечно, я горжусь Египтом и хотела показать тебе мою родину. И побыть с тобой чуть подольше. Мысли о женитьбе и совместном правлении возникли у меня потом, когда я узнала о враждебных действиях Октавиана. Заранее ничего не планировалось.

– А мне кажется, дело было не так. Ты заманила меня сюда, довела до безумия твоими восточными ухищрениями: нарядами, благовониями, фокусами с освещением и прочими уловками. Одурачила меня и радовалась, ощущая свое могущество. Окажись на моем месте Октавиан, ты повела бы себя точно так же. Тебе нравится заманивать в силки мужчин, а уж кого и как – не столь важно.

Да как он смеет подозревать, будто я способна пойти на близость с человеком вроде Октавиана!

– Помнится, в Тарсе ты признался, что увлекся мною давно, задолго до того ужина на корабле и всех моих ухищрений.

– Это правда, давно. Потому что ты и раньше опутывала мужчин своими чарами.

Я не удержалась от смеха:

– Ты уж не обессудь, но не стоит приписывать собственное желание чьим-то чарам или ухищрениям. Когда ты впервые увидел меня в Александрии, мне было лишь четырнадцать, и заботили меня тогда не мужчины, а выживание. Позже, в Риме, я всецело принадлежала Цезарю и в мыслях не имела соблазнять ни тебя, ни кого-либо еще. Мне было не до охоты за мужчинами.

– Может быть, сознательно ты охоты и не вела, но это получалось непроизвольно. Такое уж воздействие ты оказываешь.

И тут я поняла: он ревновал и хотел, чтобы его успокоили. Ох уж эта мужская слабость! Из всех мужчин ей не был подвержен только Цезарь.

Я коснулась его лица, но он отстранил мою руку и с обиженным видом отодвинулся.

– А сейчас ты пытаешься убедить меня изменить моему слову. Я принес клятву поддерживать триумвират, – не унимался Антоний. – Мужчина стоит столько же, сколько его слово.

– Я не пытаюсь заставить тебя изменить слову. Я предлагаю тебе свою жизнь и весь Египет. Неужели это достойно презрения? Ведь я и есть Египет. Все его богатства мои, каждая пальма, даже рябь на поверхности Нила – все принадлежит мне! Сегодня ты увидел последние неразграбленные сокровища Востока, и я предложила тебе их целиком. Такое не предлагали никому и никогда, во веки веков. Многие военачальники затевали войны, чтобы завладеть хотя бы толикой моих сокровищ, я же готова отдать тебе их полностью и добровольно. А ты не только не чувствуешь благодарности, но и оскорбляешь меня. «Ах, мое слово! – кричишь ты. – Ах, Октавиан! Ах, триумвират!» Что ж, ты прав в одном: если бы мне вздумалось обратиться к Октавиану, он бы не сгруппировался и не повернулся ко мне спиной. Тогда от твоего драгоценного триумвирата вмиг не осталось бы и воспоминания. Значит, ты и впрямь глупец, но не потому, что «дал себя заманить», а потому, что отвергаешь мое предложение.

– Я, по-твоему, глупец! – ухватился за слово Антоний. – Вот какого ты обо мне мнения! Возможно, и так. Но у меня хватило ума не угодить в ловушку, которую ты приготовила для моей чести. Нет, по-твоему не бывать: я не стану твоим соправителем и не изменю клятве!

Помимо спора с ним я вела внутренний спор с собой: говорить ли ему, что у нас будет ребенок? Может быть, если бы я призналась, все обернулось бы иначе. Но презрение в его голосе и взгляде остановило меня. Антоний оскорбил меня, унизил, осыпал несправедливыми обвинениями, а я скажу ему о ребенке? Нет, ни за что!

Теперь-то мне ясно, что мое решение стало роковым, ибо навлекло на нас неисчислимые беды. Но кто обвинит обиженную женщину в том, что она не сумела совладать с порывом и задетая гордость пересилила все остальное? Я поджала губы, забрала шкатулку и, держась как можно более прямо, вышла из комнаты.

Конечно, в ту же ночь он пришел ко мне с покаянием. Постучался, попросил впустить, обнял меня, положил голову мне на колени и чуть не плакал, уверяя, что не хотел такой ссоры. Слетавшие с его уст пылкие заверения звучали искренне. Он являл собой воплощение ревности и смятения в сочетании с весьма своеобразным, на мой взгляд, представлением о верности и чести: жене изменял, не испытывая ни малейших угрызений совести, но при мысли об измене Октавиану приходил в ужас.

– Прости меня, прости меня, – восклицал Антоний, прижимаясь лицом к моему животу. – Я просто... просто...

Я гладила его по волосам, испытывая странную отстраненность: слишком сильна была обида. Как он мог даже на миг, уголком сознания, подумать обо мне так?

– Все в порядке, – слышала я собственный успокаивающий голос. – Это не имеет значения...

– Еще как имеет! – Антоний был очень сильно расстроен. – Что на меня накатило, сам не пойму. Ты ведь знаешь, я тебя люблю.

– Да, конечно... – Ощущение отстраненности не прошло, но мне очень хотелось его утешить. – Не думай об этом.

– Да-да, конечно. Конечно, я верю тебе.

Я ждала, чтобы он ушел.

Он встал и поцеловал меня, и я поймала себя на том, что не желаю касаться его. Но я не оттолкнула его, опасаясь усугубить ситуацию и возбудить дополнительные подозрения.

– Докажи мне, что веришь, – твердил Антоний.

Я понимала, какие доказательства ему нужны, и хотя мне становилось тошно при одной мысли о близости, деваться было некуда.

– Да, конечно, – сказала я, взяла Антония за руку и повела его к его любимому месту, моей постели.

Доведенный до иступления собственными муками, чувством вины и ревностью, он любил меня с тем неистовством, которое прежде возносило меня на вершины счастья. Но не сейчас. В душе я оставалась холодна, не позволяя себе отдаться наслаждению. Обида моя была слишком сильна, чтобы исчезнуть от нескольких поцелуев и ласк.

Когда он ушел, я проводила взглядом его удалявшуюся спину и подумала: «Сегодня ночью ты отверг целый мир».

Глава 14

Внешне все вернулось на круги своя и шло своим чередом. Антоний возобновил прежний разгульный и беззаботный образ жизни, веселился со своими «неподражаемыми» и, кажется, решил, что я тоже довольна и вполне счастлива. О том разговоре мы больше не вспоминали, словно его и не было.

Но игнорировать известия из внешнего мира не мог даже Антоний. Он допоздна засиживался за письмами, и я понимала, что новости поступают тревожные.

Антоний не сообщал о содержании этих депеш, однако у меня имелись свои источники информации. Я знала, что римский мир пребывает в смятении. Перузия пала, и Октавиан безжалостно расправлялся со всеми, осмелившимися воспротивиться власти триумvirата. Десятки людей преданы казни, старинный город сожжен дотла. Луций попал в плен, но Фульвий удалось скрыться вместе с полководцем Антония – Мунацием Планком. Куда они сбежали, никто не знал.

Тем временем Антоний продолжал практиковаться с оружием – хороший знак – и рассылал письма.

При всей моей решимости не говорить больше о той горестной ссоре мысленно я возвращалась к ней вновь и вновь. Слова укора и новые доводы звучали в моем сознании, но я держала их при себе.

Однажды днем я случайно оказалось рядом, когда Антонию доставили очередное письмо. Не вскрыть его при мне означало бы выказать недоверие, на что он, разумеется, пойти не мог. Ему не хотелось знакомить меня с содержанием послания, но этого требовала элементарная вежливость.

Письмо было от Секста Помпея, который призывал Антония вступить в переговоры о заключении союза против Октавиана.

Я предлагаю защиту всем, кто бежит от тирана, — писал он. — Твоя благороднейшая мать Юлия, Тиберий Нерон, его жена Ливия и их маленький сын Тиберий вынуждены спастись в моих владениях вместе со многими представителями виднейших римских фамилий. Они не желают преклонять колени перед мальчишкой, изображающим из себя правителя и именующим себя сыном Цезаря. В твое отсутствие он совершил немало незаконных и непростительных деяний. Так давай же объединим наши силы и избавим Рим от этой угрозы.

Наученная предыдущим опытом, я не стала уговаривать Антония принять это предложение. Возвращая ему письмо, я лишь заметила:

– Похоже, все ищут союза с тобой.

– Да, не только Помпей. Ко мне обращался и Лепид, – признался Антоний.

– Благородный триумvir призывает выступить против одного из своих товарищей? Что это на него нашло?

Боюсь, на сей раз скрыть иронию мне не удалось.

Антоний пожал плечами:

– Лепид всегда был ненадежен. Сегодня у него одно на уме, завтра – другое. – Он встал. – Пойдем. Смотри, как солнце светит – зима закончилась. Давай порыбачим на озере Мареотис. Ты обещала. Помнишь, ты сказала, что там отменная рыбалка, лодки плавают среди папируса и лотосов, а в прибрежных деревнях поют дивные песни и варят отменное пиво...

Я вздохнула:

– Насколько я понимаю, ты хочешь развлечься с компанией?

– Ну а разве можно потерять такой день?

Три плавучих дома, наполненных гуляками, покачивались на тихих волнах примыкающего к Александрии огромного пресноводного озера; длинный и тонкий рукав его тянулся в западном направлении на пятьдесят миль. К южному берегу подступали виноградники, где делали лучшие в Египте вина, с севера зеленели оливковые, фиговые, финиковые и яблоневые сады, на мелководе колыхались стебли папируса, из которых получали наилучший материал для письма, а в зарослях бобов – в девять локтей высотой! – могли укрыться и лодки, и влюбленные парочки.

Стоял март – по-египетски «тиби», месяц цветения. Уже распустились кремовые цветы бобов, над водой белели и голубели лотосы, а над берегом, словно рассыпанные ветром, бледнели лепестки миндаля. Светило яркое солнце, и Антоний поначалу пребывал в прекрасном расположении духа. Но потом настроение его стало меняться.

Снова и снова забрасывал он крючок с насаженной на него жирной мелкой рыбешкой, но улова не было. Хармиона, Флавий и еще кое-кто из его компании принялись насмешничать по поводу того, что рыбы, видать, не питают почтения к императору.

Сначала Антоний пытался отшучиваться, но потом, раздосадованный неудачей, махнул на рыбалку рукой и призвал нас сойти на берег, чтобы поесть и выпить в одной из маленьких деревушек на берегу озера.

Мы выбрали место наугад, пришвартовались у шаткого деревенского причала и шумной толпой отправились в таверну. Я ничем не выделялась среди остальных, а вот Антония, по моему, не признать было невозможно. Он отличался от своих спутников, как золото от меди. Стоило ему с небрежной грацией усестись за стол, как все в таверне мигом сообразили: этот мужчина, одетый как простой рыбак, на самом деле весьма значительное лицо. Естественно, люди не оставили без внимания и его спутницу, то есть меня; но я сидела, надвинув на глаза крестьянскую шляпу, и помалкивала. Обычному человеку и не вообразить, какой это редкий подарок для правителя – возможность на время превратиться в одного из простых горожан и вдохнуть свободы. Ведь мы, цари, от рождения до смерти заточены в темницу условностей и этикета. Здесь, в деревенской харчевне, я отдыхала от ограничений. Эту свободу подарил мне Антоний.

– Вина для всех! – приказал Антоний. – Или твое заведение славится пивом?

Хозяин поклонился:

– Да, мой господин, наше пиво повсюду хвалят.

– Тогда принеси нам лучшего, в кувшинах! А еще жареной утки и рыбы. Улов нынче хорош?

– Да, – подтвердил, к его удивлению, хозяин таверны. – Улов уже несколько дней отменный.

– Сдается мне, ты использовал не ту наживку, – шепнула я, коснувшись руки Антония.

– Пожалуй, ты права, – согласился он.

Скоро появилось огромное блюдо с рыбой и другое – с кусками жареной утки. Подали пиво с шапками пены, и Антоний провозгласил тост:

– За мой улов!

Еда показалась мне великолепной: по правде сказать, обед в прибрежной сельской таверне заставлял забыть о придворных пирах. Сочная, в меру пряная рыба и утка с хрустящей корочкой, чуть пахнувшая дымком и одобренная дивным сливовым соусом, просто таяли во рту. Антоний жадно набросился на угощение, не забывая о пиве.

Поглядывая на него из-под широких полей своей шляпы, я видела живого энергичного мужчину с умными темными глазами, которому никто не дал бы его лет. Я положила руку на его запястье: я хотела, чтобы он навсегда остался таким. Лучи солнца и жизнелюбие Антония растопили мою обиду без следа.

По окончании трапезы мы вернулись к своим лодкам. Матросы под жужжание насекомых налегли на шесты, и мы поплыли обратно, раздвигая высокие стебли папируса и бобов.

– Ну что ж! – промолвил Антоний, снова устраиваясь с удочкой у борта. – Посмотрим, повезет ли мне на этот раз.

Тут с другой стороны послышался плеск. Я оглянулась и заметила, как несколько юных матросиков тихо сиганули в воду.

– Ой, что это? – воскликнул Антоний с деланным удивлением, когда его поплавок задержался на поверхности. Вытащив превосходную кефаль, он отцепил ее и быстро забросил крючок снова.

К его восторгу, рыба снова клюнула. Теперь попался жирный окунь, сильно смахивавший на тех, что продавались на прибрежном рыбном рынке.

– Благородному Антонию сопутствует редкостное везение, – сказала я. – Вот, оказывается, у кого надо поучиться рыбакам.

Флавий и другие собутыльники поощряли своего командира радостными возгласами, не забывая упомянуть, что в честь удачи ему следует выставить еще пива. Снова и снова забрасывал он удочку и вытаскивал больших рыб, словно выстроившихся в очередь за его приманкой.

Вскоре у ног Антония выросла гряда рыбы самых разнообразных пород – целый поблескивавший холм. Странно только, что ни одна из рыбин, когда ее вытаскивали, не билась и не разевала рот. А потом, когда чудесный клев закончился, на борт суденышка снова влезли матросы.

– Твоя удача повергает в трепет, – вздохнула я. – Давай посмотрим, что будет завтра. Мы обязательно должны испытать ее еще раз.

– А пока направимся к пристани! – призвал один из солдат. – Антонию пора расщедриться на угощение!

Когда мы вернулись домой, Антония дожидались письма. Он взял их и скрылся в своих покоях, а ночью так и не пришел ко мне – должно быть, из-за полученных вестей. Мне, разумеется, очень хотелось узнать, в чем дело.

На следующий день мы снова отправились к находившемуся в створе улицы Сомы причалу, о ступени которого плескались воды гавани. Там дожидались нас наши лодки, и я хранила молчание, ибо заготовила Антонию сюрприз – захватила собственных ныряльщиков со своим запасом рыбы.

Мы гребли к середине озера, следуя за поднимающимся солнцем. Придет время, оно достигнет зенита, и где тогда будет Антоний? В свете или в тени?

Проплыв по открытой воде, мы направились к болотистой прибрежной зоне, где водилось особенно много рыбы и птиц. Кое-кто из нашей компании взял с собой лук и стрелы, чтобы поохотиться.

Антоний, забрасывая удочку, выразил надежду на повторение вчерашней удачи. Долго ждать ему не пришлось: клюнуло почти сразу. Антоний с искренним удивлением вытянул улов, который оказался и впрямь фантастическим: огромная засоленная рыбина, причем не озерная, а морская, выловленная в водах Понта. Любой догадался бы, что она, как и вчера, насажена на крючок человеческими руками.

Он поднял рыбу за хвост, чтобы все увидели, а потом оглушительно расхохотался:

– Это воистину чудесный улов. Волшебный, честное слово, волшебный! Не могу не признать.

– Дорогой Антоний, – сказала я самым нежным и сладким голосом. – Великий Антоний, благородный император! Я думаю, тебе лучше предоставить рыбную ловлю нам, бедным жителям Александрии, Канопа и Мареотиса. Для тебя такой улов слишком мелок. Ты должен добывать царства, города, провинции.

Его смех затих.

– Ты никогда не сдаешься?

Он выбросил рыбу за борт, повернулся и ушел к себе в каюту.

Вернувшись во дворец, Антоний скрылся в своих покоях, а мне осталось дожидаться его у себя. Не ошиблась ли я, когда высмеяла его на глазах у всех, разгадав секрет его рыбацкой «удачи»? При его чувстве юмора это могло показаться забавным, но могло и обидеть. К сожалению, шутка и впрямь вышла двусмысленной. К тому же Антоний пребывал в странном напряжении и именно поэтому не занимался ничем, кроме рыбной ловли, упражнений да пирушек. Создавалось впечатление, что он хотел отвлечься от действительности в наивной надежде, что проблемы разрешатся сами собой, без его участия. Он будто говорил всем нам: разбудите меня, когда все закончится. Его поведение столь разительно отличалось от того, как поступил бы на его месте Цезарь, что я приходила в отчаяние.

Я не ложилась спать и ожидала появления Антония, поскольку видела свет в его покоях в ближнем здании. Просматривает ли он бумаги? Изучает карты? Пишет письма? Ломает голову над каким-то решением? О Исида, пусть он предпримет хоть какое-то действие!

Я вышла наружу, на террасу, где на легком морском ветру трепетало пламя двух факелов.

«Так и бывает, когда любишь простого смертного, обычного человека со всеми его недостатками и слабостями», – говорила я себе.

Да, сложнее всего для меня научиться любить человека с обычными человеческими качествами – после Цезаря. Цезарь был по-настоящему велик. Он испортил меня, заставив подходить к другим людям с той же меркой.

Я имела свои слабости и огрехи, но привыкла к тому, что мой возлюбленный свободен от них. Цезарь оставил мне в наследство не только свой фамильный медальон, который он попросил меня носить всю оставшуюся жизнь, – но и великое бремя ожиданий. Образ решительного, сильного человека, никогда не допускавшего ошибок, остался со мной навсегда. Конечно, стать его преемником трудно. Почти невозможно.

Тем не менее сейчас мое сердце отдано человеку, в чьем окошке не угасал свет. Да, Антоний не лишен обычных человеческих слабостей, но зато он понимает и принимает их в других. Рядом с ним у меня никогда не возникает ощущения, будто я разочаровала его или оказалась слишком слаба. Разве это не великое благо само по себе? Рядом с Цезарем я слишком часто чувствовала, что не соответствую его высочайшему уровню.

Свет в окне потух; должно быть, Антоний собрался спать. Я уже решила лечь, но тут увидела выходящего из здания человека и по походке узнала Антония. Стоя на краю террасы, я помахала длинным шарфом, чтобы привлечь его внимание.

Он остановился. Показав ему знаками, что сейчас спущусь, я закуталась в тот самый шарф, поспешила по лестнице вниз и встретила его на темной лужайке. Дул свежий ночной ветерок.

Радуюсь возможности побыть с ним наедине (за пределами спальни нас всегда окружало множество людей, особенно в последнее беспокойное время), я обняла его и сказала:

– Ты работаешь допоздна.

– А ты допоздна за мной следишь.

– Потому что мне передается твое беспокойство. Я не могу лечь, пока не ляжешь ты.

Он вздохнул:

– Какой может быть отдых, когда необходимо принять нелегкое решение – покинуть Александрию. Мне не хочется этого, но, боюсь, я должен.

– Да, я понимаю.

Мне вспомнилось, как Цезарь надел свои доспехи и отбыл, не дождавшись рождения Цезариона. Да, они совершенно разные люди. «Я не второй Цезарь», – сказал Антоний. Он

абсолютно прав. Но может быть, и к лучшему? Я восхищалась тем, что ничто не могло встать между Цезарем и его долгом, но когда другой в подобной ситуации испытывал сомнения, меня это трогало.

– Мне тоже не хочется, чтобы ты уезжал, – сказала я.

Он взял мое лицо в свои ладони:

– Правда? Признаюсь, у меня уже появились сомнения...

– Это была лишь маленькая размолвка влюбленных, – торопливо заверила его я. – Ты должен знать: я не только твоя возлюбленная, но и самый верный твой сторонник. – Об Октавиане, Фульвии, войсках и Сексте я предпочла сейчас не упоминать. – Для меня было бы счастьем оставить тебя здесь навсегда, будь мы обычные люди, просто муж и жена. Но, боюсь, крыша мира рушится, и ты должен ее поддержать.

Сами того не заметив, мы приблизились к мавзолею. Когда подошли к нему вплотную, Антоний простонал:

– О, только не эта гробница!

– Мы можем посидеть на ступеньках, – предложила я. – Ну давай, ничего с тобой не случится.

– Я отказываюсь входить в гробницу! По-моему, это дурной знак.

– Нам не нужно входить внутрь, – возразила я, поскольку и сама этого не хотела, ибо там царила непроглядная тьма. – Мы присядем здесь.

Я опустила руку, погладила рукой место рядом со мной на ступеньке и заметила, что изнутри мавзолея тянет странным холодом.

Мы уселись. Антоний, словно школьник, взял мою руку и держал ее, будто собирался надеть мне на палец кольцо.

– Мне придется покинуть Египет, – наконец произнес он тоном человека, принявшего окончательное решение. – Происходящее в большом мире призывает меня, и ты так бесцеремонно дала мне это понять.

Он имел в виду мою выходку на рыбной ловле.

– А мне казалось, я действую тонко.

– Да уж, соленая рыба – очень тонкий намек! – Антоний тихо рассмеялся. – Тоньше не придумаешь! Совсем неприметный, вроде пирамид или вашего маяка. Но чего другого мне ожидать от тебя, моя египтянка, моя крокодилица, царица древнего Нила? Насколько я знаю, у вас крокодил считается бессмертным божеством.

– Я такая же смертная, как и ты, – сказала я, указав на зияющую черноту за нашими спинами. – Иначе мне не потребовался бы мавзолей.

– Может, он тебе и не потребуется, – обронил Антоний.

– Ты просто не можешь не ляпнуть глупость. Скажи лучше: раз ты решился, как ты будешь действовать? И когда начнешь?

– Первым делом отправлюсь в Тир и узнаю на месте, как обстоят дела с парфянами. Ну а дальше по обстоятельствам. В зависимости от полученной информации. Но одно могу сказать точно: к тебе я вернусь обязательно. Я не смог бы проститься с тобой навсегда и покинуть Александрию.

Звучало это, конечно, красиво, но мало походило на правду. Для возвращения в Египет нужен повод, а у Антония его не было. Мы не мятежники и не враги, и мы расположены слишком далеко от врагов или мятежников, чтобы выступать против них с нашей территории. Да и Фульвия, скорее всего, больше не оставит Антония без присмотра.

– Если есть способ, я его изыщу, – пообещал он. – Не думай, что я уезжаю, потому что пресытился тобой. Это невозможно.

Он помолчал.

– И я собираюсь искать кого-то еще.

Тогда почему он не разводится с Фульвией? Может быть, потому, что боится однозначности, которую неизбежно повлечет за собой расторжение брака? В нынешней ситуации Фульвия действует от его имени, строит заговоры, поднимает восстания, а он как будто наблюдает со стороны и действует по усмотрению. Развод и открытый союз со мной в глазах всего мира положил бы конец подобной двусмысленности, а двусмысленность, возможно, как раз и устраивает его. Она дает свободу выбора и возможность оттягивать этот выбор. Марк Антоний из тех, кто не любит принимать окончательные решения.

– Раз нас ждет разлука, давай проведем эту ночь вместе, – сказала я.

Впервые после той размолвки я чувствовала, что вновь желаю его. Проявленная им человеческая слабость уже не казалась мне непростительной – она сделала более человеческой и меня саму.

Нас встретила комната, наполненная пьянящими ароматами благовонных курильниц. Ветерок гулял между открытыми окнами, и шепот моря далеко внизу звучал как старинная музыка.

– Есть только одно воспоминание, которое тебе нужно взять с собой, – прошептала я, увлекая его на ложе и с восторгом ощущая его великолепное крепкое тело.

Воистину, такие мгновения – единственная награда за страдания и одиночество, высочайшее из даруемых на земле наслаждений. Жаль только, что это действительно лишь мгновения.

Все, что мы делали, было окрашено знанием того, что нам предстоит проститься. Я обнимала его и радовалась каждому прикосновению, которое еще длилось, но уже превращалось в подернутое легкой дымкой грусти воспоминание.

Хорошо, что он уезжает сейчас. Вскоре признаки беременности станут очевидны, и если он задержится, это лишит нас свободы выбора: для него – о чем рассказывать, для меня – что утаить. Не исключено, что двусмысленность по душе не только ему, но и мне. Цезарь бы такого не одобрил. Но Цезаря нет. Не без удивления я осознала: в этом отношении я больше похожа на Антония, чем на Цезаря.

Глава 15

Антоний имел склонность колебаться с принятием решения, но когда он его принимал, то энергично брался за дела. Ему предстояло отплыть в Тир с небольшим отрядом личной гвардии. Он отдал приказ привести в готовность его недавно построенный флот из двухсот кораблей, хотя не знал точно и сам для чего. Так или иначе, во дворце и в гавани теперь царила суэта: сновали гонцы и курьеры, развевались плащи, латались паруса, блестело начищенное оружие.

Он стоял передо мной, посреди большого зала приемов, с телохранителями по обе стороны. Прощание было официальным и публичным, и Антоний неожиданно вновь предстал настоящим римлянином.

Я смотрела на него, а вместе со мной и Цезарион. Для мальчика расставание с этим человеком, ставшим для него и наставником, и добрым старшим товарищем, тоже было горькой утратой. Я обнимала сына за худенькие плечи, находившиеся уже на уровне моих ребер. Нынешним летом ему исполнится семь лет.

– Я пришел проститься, – сказал Антоний. – Я не могу достойно отплатить за твое несравненное гостеприимство, но поверь – моя благодарность сильнее, чем можно выразить словами.

– Да пребудет с тобой благословение всех богов, пусть они даруют тебе благополучный путь, – произнесла я избитую официальную фразу, но на самом деле хотела сказать совсем другое.

«Я люблю тебя и знаю, что ты уезжаешь, потому что не можешь не откликнуться на зов чести. Я прошу тебя не забывать мои слова и предостережения».

Он поклонился, а потом импульсивно сказал:

– Проводи меня в гавань. Посмотри на мои корабли.

Вопреки официальному церемониалу Антоний протянул мне руку. Я приняла ее, и мы вместе вышли из зала, навстречу слепящему свету неба и моря. Наши люди двинулись следом.

На мгновение мы оказались одни; тут же он наклонился и прошептал мне на ухо:

– Это не прощание, но всего лишь краткая разлука.

Его теплое дыхание мигом разожгло тысячу воспоминаний и сопутствующее им желание.

– Долг – суровое дитя богов, – ответила я, – и настало время отдать ему дань.

С этими словами я отпустила его руку. Я боялась, что если не сделаю этого, то не выдержу и брошусь ему на шею.

Корабли уплыли. Их паруса, белые, как волны на море, становились все меньше и меньше, пока не исчезли на восточном горизонте. Я глядела из окна, как они огибают маяк и направляются в открытое море. Цезарион смотрел вместе со мной.

– Ну вот, они свернули за маяк... сейчас, должно быть, почти поравнялись с Канопом... все, их не видно.

Его голос звучал тихо и печально. Пока он следил за парусами, это отвлекало его, но теперь мальчик понял, что игры с Антонием закончились.

Он вздохнул и ссутулился у стола, где ждала оставленная игровая доска.

– А когда он вернется? – спросил Цезарион.

– Я не знаю, – ответила я.

«Никогда», – прозвучало в моей голове.

– Ему нужно готовиться к войне, и кто знает, что случится потом.

После его отбытия стало казаться, что он наполнял собой и дворец, и всю Александрию. Теперь город опустел, и лишь гулкое эхо взывало к ушедшему. Странно: ведь все это существовало задолго до него, однако насквозь пропиталось его духом. В моих личных покоях Антоний не жил, но они тоже тосковали по нему вместе со мной и, кажется, даже стали меньше.

Я бродила по моим опустевшим комнатам, касалась каждой вещи, напоминающей о нем, а потом мысленно убирала ее – аккуратно и решительно, как римский солдат складывает свою палатку с наступлением утра. Все кончилось. Антоний уплыл, отказался от моего предложения, от личного и политического союза. Он уплыл сражаться в других, собственных битвах. Теперь это его война, не моя.

Конечно, прошлое не ушло полностью. Было еще наследие встречи в Тарсе и то, что осталось после долгих зимних ночей в Александрии – восхитительных, пламенных ночей. Хармиона знала или догадывалась, хотя сама боролась с печалью после расставания с Флавием. Однажды тихой ночью, расчесав мои волосы и сложив мое одеяние, она сказала просто:

– Значит, он уехал, несмотря ни на что.

– Он не знал.

Для меня возможность поговорить об этом вслух стала огромным облегчением, и я даже не задала вопрос, откуда она знает.

– Ты не сказала ему? – спросила она с недоверием. – Разве это честно с твоей стороны?

– Я решила, что да. Мне показалось, нечестно было бы сказать.

– Почему же сказать правду нечестно? – удивилась она. – От чего ты его оберегала?

– Сама не знаю, – призналась я. – Я словно защищала себя.

Хармиона покачала головой:

– Нет, ты поступила наоборот: ты лишила себя защиты. О тебе будут говорить... мне даже подумать страшно, что они скажут!

– Мне все равно, – ответила я. – Нет, я не так говорю – мне не все равно. Я не могу допустить, чтобы меня высмеивали или жалели. Особенно жалели. И кого ты имеешь в виду, говоря «они»? Моих подданных? Римлян? Фульвию?

Ну вот, я и произнесла: «Фульвия».

– Да всех! Любого из них! Тех, кто судит, бранит, побивает камнями.

– Это иудейский обычай. Греки и римляне в женщин камни не швыряют, – уточнила я. – Кроме того, это убедит людей, что Антоний походит на Цезаря больше, чем Октавиан, раз пошел по его стопам.

Лишь когда я высказалась, до меня дошел юмор этой фразы.

Хармиона рассмеялась своим глубоким хрипловатым смехом.

– Я не думаю, что он последовал *по стопам* Цезаря.

Тут мы захохотали вместе.

Потом Хармиона сказала серьезно:

– Вряд ли Антония огорчило бы известие, что у него будет сын – единоутробный брат сына Цезаря.

О, другой непременно воспользовался бы этим, но чтобы Антоний – маловероятно. Что делало ему честь, но было его слабостью.

Через несколько дней я почувствовала, что обязана поговорить с Олимпием. Может быть, я хотела так утешить себя за то, что ничего не сказала Антонию. Мой врач отреагировал на новость еще более бурно, чем я ожидала.

– Ты лишилась рассудка? – воскликнул он. – А как же...

Я открыла шкатулку, где хранила подаренное противозачаточное снадобье, и молча вернула Олимпию флакон.

– Вижу, ты им не пользовалась, – проворчал он, заглянув внутрь.

Судя по тону, он сердился на меня, как родитель на беспутное дитя.

– Итак? – Олимпий поставил флакон, скрестил руки на груди и вперил в меня хмурый взгляд.

– Вы с Мардианом вечно приставали ко мне, чтобы я обеспечила трон наследниками. Пришлось пойти вам навстречу, – попыталась отшутиться я, но он не поддержал такого тона.

– О моя дорогая царица и бесценный друг, – сокрушался он. – Это ужасно, ужасно! В первый раз все отнеслись к твоей выходке снисходительно: сыграли роль суеверия насчет Исиды и Амона, да и Цезарю, признаться, сходило с рук все, что бы он ни вытворял. Но на сей раз дело обстоит иначе. Антоний не Цезарь...

Как говорил и сам Антоний.

– Олимпий...

Я была тронута тем, как близко к сердцу принимал он мои проблемы.

– Антоний не Цезарь, и мир не благоволит к нему в той же мере, – продолжал Олимпий. – Кроме того, в отличие от Цезаря у Антония уже есть дети. Цезарю ты преподнесла уникальный дар, что же до Антония – сколько у него отпрысков?

Мне пришлось задуматься и посчитать. Он точно имел ребенка от брака со своей кузиной Антонией и еще двоих прижил с Фульвией.

– Трое, насколько мне известно.

– Ты понимаешь, что значит четвертый? Кроме того, едва он снова встретит Фульвию, появится еще один.

Эта мысль была для меня особенно мучительной, – скорее всего, она соответствовала действительности. Вразумительной отповеди на эти слова у меня не нашлось.

– Сядь здесь, – сказал Олимпий, игнорируя тот факт, что у него нет никакого права приказывать мне.

Я была его царицей, его другом и лишь в последнюю очередь – его пациенткой. Но сейчас на первый план вышло последнее. Он сел напротив и устремил на меня хмурый взгляд. Его длинное лицо потемнело от беспокойства.

– Кто еще знает?

– Только Хармиона, – сказала я. – И только потому, что она сама догадалась. Ты единственный, кому я призналась.

– Антонию не говорила? – быстро спросил он.

– Нет, Антоний не знает.

– И не подозревает?

– Нет.

– Хорошо. Срок небольшой, иначе было бы видно, и он бы догадался. Теперь слушай. Тебе надо избавиться от ребенка. Время еще есть, благодарение богам.

– Но я...

– Выслушай, по крайней мере, мои доводы. Оставшись одна, дай себе труд над ними поразмыслить. У меня есть эликсир, на ранней стадии действующий безотказно и безвредно. Главное, никому ничего не говорить, и ребенок исчезнет, как сам Антоний.

И снова его слова причинили мне боль, потому что были правдивы.

– Подумай об этом, – настаивал он. – Задайся вопросом: зачем тебе наказывать себя без необходимости? Разве того, что ты осталась в одиночестве, недостаточно? Тебе нужен еще и бастард?

Он встал без разрешения. Я сидела и молча глядела на него.

– Я приду снова после обеда. Приготовься рано лечь спать. А Хармиону отошли с каким-нибудь поручением – скажи, что хочешь побыть в уединении.

– Ты говоришь как любовник, – слабым голосом промолвила я.

– Нет, я человек, который вынужден исправить то, что наделал любовник. Такова уж моя участь – восстанавливать порядок, нарушенный другими людьми.

Словно сомнамбула, я сделала все, как велел Олимпий. То, что я действовала по указке и ничего не решала сама, доставляло мне странное удовольствие. Было по-своему приятно подчиняться, выполнять чужие указания. Необходимость принимать решения, руководить, развлекать, обхаживать Антония – все это смертельно меня вымотало. Возможность хотя бы отчасти превратиться из ведущей в ведомую сулила приятное отдохновение.

Я ждала у себя в комнате, одетая в скромную ночную сорочку, поверх которой набросила накидку. Хармиона расчесала мне волосы, натерла руки миндальным кремом, помассировала ступни мятой водой, зажгла три маленьких светильника, открыла мое любимое окошко, выходящее на дворцовые сады, и тихонько ушла. Она предполагала, что я забудусь сладким спокойным сном.

Чуть позже в мою спальню безмолвно проскользнул Олимпий с каким-то свертком в руках. Развернув ткань, он почтительно вручил мне высокую бутылку из тонкого стекла цвета морской зелени. Таким же зеленым казалось и ее содержимое. Я наклонила бутылку и увидела, как густая жидкость перелилась на одну сторону.

– Это твой друг, – сказал Олимпий. – Он откроет дверь твоей темницы и выпустит тебя на волю.

– Что нужно сделать? – спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.